J 73/119

НЕ КОПИРОВАТЬ

773/119

Н. П. МАМОНТОВЪ.

РАЗСКАЗЫ СТРОЕВОГО ОФИЦЕРА

ПИСЬМА СЪ ВОЙНЫ.

Въ складѣ Т-ва „В. А. Березовскій“.
Петроградъ, Колокольная, 14.

Конецъ Германской Имперіи по предсказаніямъ

нѣмецк. Германа, Маинцскому и Финсбергскому, собраннымъ и комментированнымъ Ж. Ляворъ. Перев. съ Французск. 1915 г. **Н. М. Лаговъ.** Цѣна **75** к.

...Книга очень интересна и значеніе ея возрастаетъ, если принять во вниманіе, что все предсказанное за прошлое время свершилось съ буквальной точностью, что все, относящееся къ настоящему времени, сбывается. Отсюда ожиданіе, что все предсказаніе оправдается вполнѣ, тѣмъ болѣе, что монахъ Германъ назвалъ точно имя нынѣ царствующаго Вильгельма Второго (sic), указалъ, что онъ Вильгельмъ, будетъ послѣднимъ Королемъ Пруссіи,—ему никто не наслѣдуетъ. *Л. В. Евдокимовъ.* „Рус. Инв.“ 1914 г. № 280.

...Самыми изумительными являются пророчества Германа, жившаго въ началѣ XIII столѣтія.

...Проницательность предсказателя не ослабѣваетъ ни на одну минуту. Авторъ приводитъ длинный рядъ цитатъ, а затѣмъ изъ его поясненій каждый разъ выходитъ, что изумительно вѣрно. С. *„День“* 1914 г. № 316.

...Любопытная книжка Лявора „Конецъ Германской имперіи“, со старинными нѣмецкими предсказаніями...Поражаетъ въ нихъ, по словамъ Лявора, точность, съ какою они со средины XIII вѣка и до нашихъ дней излагаютъ судьбы Бранденбурга, Пруссіи и современной Германіи въ особенности съ 1415 года. Каждая фраза изумительно совпадаетъ съ дѣйствительностью.

І. Ясинскій. „Бирж. Вѣд.“ веч. вып. 19.

Раутехбергъ

офицеръ австрійской службы.

Тройственный союзъ къ оружію.

Переводъ съ нѣмецкаго Ю. Л. Цѣна 1 р. **50** к.

Вѣнское изданіе выпущено въ продажу съ кричащей надписью **„Война съ Россіей“**... Для насъ книга Раутенберга представляетъ извѣстный интересъ, какъ отраженіе плановъ австрійской военной партіи и характеристики условій, приведшихъ къ войнѣ... Наибольшій интересъ представляютъ первыя главы, знакомящія насъ съ настроеніями тѣхъ лицъ, которыя толкнули Австрію на путь гибели... Любопытно, для выясненія психологіи нашихъ враговъ, описаніе рѣшительнаго совѣщанія въ Австрійскомъ военномъ министерствѣ.

„Петроградскій Курьеръ“ 1914 г. № 286.

73/119

Н. П. Мамонтовъ.

РАЗСКАЗЫ СТРОЕВОГО ОФИЦЕРА.

Письма съ войны.

Посвящается Суворовскимъ Гренадерамъ.

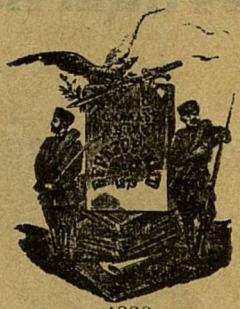
XVI 16631

Изданіе Пп. В. А. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Петроградъ, Колокольная 14.

1916.



4223

Разрѣшено военной цензурой.

Тип. Н. П. Зандманъ Пр-ки. В. О. Бол. пр. 61.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вмѣсто предисловія. 5
Мобилизація. Въ походъ. 7
Въ боевомъ угарѣ. 16
Обреченные на смерть. 21
Бой за переправу 28
Ура, гренадеры! 35
На Святогорскихъ высотахъ. 40
Подъ Краковомъ. 45
На скалахъ. 50
Раненый Спаситель. 55
Ночная атака. 60
Свѣжая кровь 68
Пули думъ—думъ. 72
Истязатели. 77
Изъ германскаго плѣна. 81
Съ бронированнымъ автомобилемъ. 87
На „Ильѣ Муромцѣ“. 95
Оборона лѣса. 100
Дорогою цѣною. 105
На бивакѣ. 113
Ночной бой. 118
Въ арьергардѣ. 125
„Убѣжденный самотекъ“ 134
По слѣдамъ нѣмцевъ. 139
Встрѣчный бой. 144
Въ окопахъ. 155
Взрывъ „Чортова холма“. 160
Военная хитрость. 164
Казачья работа. 169
За тѣломъ товарища. 174
Месть. 178
Затишье. 181

*
* *

Жизни тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ.

*
* *

Эта было тяжело,
Между прочимъ—ничего!

*
* *

Насъ, братцы, тутъ было немного,
Три роты—три сотни штыковъ,
Но твердо мы вѣрили въ Бога,
И каждый былъ къ смерти готовъ...

Изъ солдатскихъ пѣсенъ

Вмѣсто предисловія.

Предлагаемые вниманію читателя разсказы строевого офицера—безхитростные, неприкрашенные художественнымъ вымысломъ, наброски изъ полевой книжки.

Авторъ, искренно любящій великолѣпнаго русскаго солдата, своего прекраснаго боевого товарища, радъ возможности ближе познакомить общество съ беззавѣтнымъ героизмомъ, стальною выносливостью и недосягаемымъ для другихъ армій бодрымъ духомъ русскаго чудо-богатыря. Суворовскимъ гренадерамъ—второй ротѣ славнаго Фанагорійскаго полка—посвящается эта скромная книга. Доблести суворовскихъ гренадеръ обязанъ авторъ орденомъ Св. Георгія и Георгіевскимъ оружіемъ. Вѣчная память павшимъ на полѣ брани, вѣчная слава героямъ Лагова, Святогорскихъ лѣсовъ, Кракова, Рембова и всѣхъ боевыхъ подвиговъ Суворовскихъ чудо-богатырей!

Н. П. Мамонтовъ.

Мобилизація. Въ походъ!

Все это произошло такъ неожиданно, развертывалось такъ быстро, увлекая своимъ гигантскимъ размахомъ, какъ ураганъ песчинку, не только отдѣльныхъ людей, а и цѣлые народы...

Пишущій эти строки мирно пользовался отпускомъ въ лѣтнемъ затишьи шереметевской подмосковной, но не могъ усидѣть на мѣстѣ въ моментъ наивысшаго духовнаго подъема всей страны и, три дня потративъ на обиваніе пороговъ различныхъ канцелярій и штабовъ, на разсвѣтѣ 20 числа получилъ съ нетерпѣньемъ ожидаемое предписаніе явиться въ одинъ изъ старѣйшихъ боевыхъ полковъ Россіи—11-ый гренадерскій Фанагорійскій генералиссимуса князя Суворова.

У воинскаго начальника, въ переполненномъ призывными офицерами и нижними чинами тѣс-

номъ помѣщеніи, добиться толку было невозможно. Время—драгоцѣнное время—летѣло; сердце рвалось скорѣе къ полку, еще незнакомому, но который долженъ былъ замѣнить все—и семью, и Родину; въ горячую пору мобилизаціонной страды преступнымъ казалось откладывать явку на цѣлыхъ два дня только потому, что уѣздному воинскому начальнику нельзя было выдать документы и разсчеты раньше 22 числа...

Въ скромномъ пиджачномъ костюмѣ я вхожу въ полковую канцелярію и предъявляю адъютанту предписаніе:

— Штабсъ-капитанъ въ запасѣ, такой-то.

Черезъ часъ всѣ формальности закончены, подъемныя и прочія деньги получены, и къ вечеру я облекаюсь въ офицерскую форму, снятую всего годъ тому назадъ...

Началась сложная, утомительная мобилизаціонная работа. Запасные прибывали, распредѣлялись по ротамъ и знакомились между собою; осматривалось оружіе, готовилось снаряженіе, производились повѣрочныя занятія. Большинство нижнихъ чиновъ, ровно двѣ трети состава, были призванные изъ запаса, но люди сравнительно молодые; среди нихъ находилось много унтеръ-офицеровъ, встрѣчались и участники японской кампаніи.

Всѣ казарменныя зданія были переполнены, и для второочередныхъ полковъ пришлось занять гимназіи и другія учебныя заведенія Москвы. Обозы запрудили всѣ площади; вездѣ кипѣла самая интенсивная работа.

На Брестскомъ вокзалѣ, съ товарной станціи, грузились и отправлялись эшелоны за эшелонами. Гренадерскій корпусъ долженъ былъ выступить раньше нашего 25-го. Но куда и когда—никому не было объявлено. Тайна оберегалась строго и сознательно.

Вся Москва напоминала огромный военный лагерь. Трамваи были переполнены запасными, торопившимися закончить покупки и проститься съ близкими. Въ магазинахъ, продающихъ офицерскія вещи, бѣлье и сапоги, стояла толчея съ утра до вечера. По улицамъ тысячною массой ходили манифестанты съ портретами и національными флагами. Еще не одѣтые въ военную форму, шли батальоны и роты запасныхъ. Возвращались со стрѣльбы на Ходынкѣ, запыленные, загорѣлые гренадеры...

И нигдѣ не было слышно ни одного слова протеста противъ войны, сразу ставшей всенароднымъ святымъ дѣломъ; волна небывалаго воодушевленія захватила всю Россію; въ полномъ сознаніи своей правоты и силы, спокойно и трезво, отдавая себѣ ясный отчетъ въ ожидаемыхъ тяжелыхъ жертвахъ и готовая безропотно встрѣтить и перенести всѣ возможныя боевыя испытанія, вступила наша Родина на трудный путь борьбы съ издавна къ этой борьбѣ подготовившимся германизмомъ.

Въ ротѣ—ни одного пьянаго. Закрытіе «казенокъ» застало всѣхъ врасплохъ. Привычные алкоголики—и тѣ протрезвились. Только благодаря этой спасительной мѣрѣ и удалось благополучно

закончить трудную и отвѣтственную мобилизаціонную работу!..

Раннимъ утромъ 25 іюля полкъ выступилъ побаталіонно на стрѣльбу. Верстъ двѣнадцать отъ казармъ до стрѣльбища, по камнямъ скверныхъ мостовыхъ,—тяжелая прогулка. Навьюченные полнымъ походнымъ снаряженіемъ, запасные съ непривычки горбятся и вяло бредутъ. Улицы еще спятъ. Въ Петровскомъ паркѣ прохладно и тихо... Аэропланъ гудитъ гдѣ-то въ небѣ...

На Ходынкѣ, въ лагерѣ, кипитъ жизнь. Бородачи второочередныхъ дивизій заняли всѣ лагерныя постройки и палатки. Всюду войска. Роты маршируютъ, разсыпаются въ цѣпь...

Стрѣльба идетъ быстро. Пять патроновъ на 300 шаговъ въ поясную мишень, лежа. Почти всѣ попадаютъ больше трехъ пуль; многіе пять. Но есть и неудачники—изъ нестроевыхъ, дающіе сплошные рикошеты въ двадцати шагахъ. Надъ ними смѣются товарищи:

— И куда тебѣ на войну идти, хитрованцу!

Отстрѣляли и по-ротно въ казармы. У каждаго офицера столько дѣла, что некогда пѣшкомъ идти двѣнадцать верстъ. Скорѣе въ полковую канцелярію!

Нѣсколько часовъ возни съ биноклями, дальномѣрами, револьверами, повѣркой и пригонкой снаряженія, укладкой обоза...

Вечерѣетъ. Послѣ завтра выступаемъ въ походъ. Надо съѣздить къ себѣ, на дачу, послѣдній разъ (о, не дай Боже, чтобы дѣйствительно послѣд-

ній, думалось тогда), проститься съ женою и сыномъ...

Тишина. Зеркальное озеро и на немъ красавцы-лебеди. Правильныя длинныя аллеи въ рамкѣ декоративныхъ деревьевъ. Великолѣпный дремлетъ, весь розовый отъ заката, Екатерининской славной эпохи дворецъ...

Не надо слезъ, дорогая!

Не надо!...

Наканунѣ выступленія въ походъ, 26 іюля, былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Рано утромъ роты выстроились для пріемки знамени. Старое, простреленное пулями боевое знамя было торжественно пронесено передъ фронтомъ подъ величавые звуки «встрѣчи». Многотысячная толпа родныхъ и близкихъ запрудила всѣ улицы, желая послѣдній разъ посмотрѣть на уходящихъ.

Полкъ тронулся къ кадетскому плацу, гдѣ былъ назначенъ молебенъ. Звуки марша далеко разносились по еще дремавшимъ улицамъ. Изъ оконъ отовсюду махали платками, кричали «ура» и широкимъ крестомъ благословляли проходящія роты.

На плацу выстроились «покоемъ», тремя фасами. Въ центрѣ—аналой и полковой священникъ. Батальоны выравнялись и замерли. Запасные солдаты уже втянулись въ строевую службу и перестали казаться переряженными въ солдатскую одежду мужиками.

Энергичная рѣчь начальника дивизіи вызвала сильный подъемъ въ нижнихъ чинахъ.

— «Коварный врагъ объявилъ войну и хвалился зажать намъ ротъ и обрубить руки, но противъ него встали народы всего міра. Мы идемъ защищать угнетаемые славянскіе народы, и нѣтъ подвига выше, какъ отдать свою душу за братьевъ своихъ»!

Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ тѣсно окружила полкъ со всѣхъ сторонъ. Женщины плакали, съ трудомъ сдерживая громкія рыданія. Колѣнопреклоненно молились о побѣдѣ родного оружія тысячи солдатъ и офицеровъ, и тысячи штыковъ, казалось, выростали изъ земли, искрясь на солнцѣ.

Церемоніальный маршъ съ винтовками «на руку». Грозно движутся «по-суворовски» роты военнаго состава. Блестятъ шашки офицеровъ, стальною щетиной передъ строемъ выравнялись штыки. Могучее «ура» солдатъ и народа сливается въ общій гулъ, и кажется, что земля дрожитъ подъ мѣрный топотъ десятка тысячъ ногъ...

Вернулись съ молебна, и началась торопливая укладка остающагося имущества и обоза. Послѣдніе сборы въ дальній походъ. Но ни у кого не является и мысли о томъ, что, быть можетъ, ему не суждено возвратиться на родину. Бодрое настроеніе захватываетъ всѣхъ, даже многосемейныхъ запасныхъ.

Завтра въ походъ,—и изъ одной роты въ другую доносятся молодецкія пѣсни, заглушая всхлипыванія женщинъ, въ темнотѣ корридоровъ, безконечныхъ и таинственныхъ, прощающихся надолго—или даже навсегда—съ тѣми, кто готовъ безтре-

петно итти на защиту великой Россіи, какъ одинъ, поднявшійся отъ Варшавы и до Владивостока...

Въ половинѣ пятаго часа утра на слѣдующій день я уже въ ротѣ. Прохожу черезъ полковую канцелярію. Тускло горятъ электрическія лампочки, не потушенныя съ вечера, спятъ на голомъ полу или облокотившись на столы переутомленные писаря. Всюду ящики, сундуки, тюки, горы бумагъ...

Въ ротѣ Его Высочества уже строятся. Выдача сухарей и патроновъ. 250 человѣкъ—батальонъ мирнаго времени...

Во дворѣ музыканты пробуютъ трубы. Пора выходить.

Улицы забиты массою провожающихъ. Женщины, дѣти... Съ трудомъ очищаемъ узкій проходъ. Выносятъ знамя. «Слушай, на кра-улъ!»

Батальонъ подъ звуки Фанагорійскаго марша выступаетъ въ походъ.

Позвякиваютъ котелки, лопаты ударяютъ въ тактъ на ходу. Музыка открываетъ окна на всемъ пути и оттуда намъ привѣтливо машутъ платками.

— Не плачьте, вы, остающіеся! Смотрите, какъ бодро и весело идетъ батальонъ, тысячею штыковъ искрясь на солнцѣ!

Далеко до вокзала. Но не отстаютъ провожающіе; женщины идутъ по тротуару рядомъ со своими мужьями и братьями, несутъ, заботливо и бережно, ихъ скатки, вещевые мѣшки, торопятся въ послѣдній разъ поговорить...

— Не гоните ихъ, оставьте! Вѣдь эти люди идутъ на войну! Многіе изъ нихъ больше не увидятъ своихъ...

И, сознательно нарушая строгое приказаніе «гнать толпу», полицейскіе пропускаютъ къ вокзалу народъ.

Потому что и у нихъ есть сердце...

На товарной станціи полный порядокъ. Составъ уже поданъ. Безъ малѣйшей задержки идетъ посадка въ вагоны. Корпусный командиръ, генералъ Зуевъ, цѣлуетъ славное знамя съ Георгіевскимъ крестомъ и желаетъ новыхъ лавровъ суворовскимъ гренадерамъ. Передъ офицерскимъ вагономъ хоръ музыки. Нѣсколько дамъ провожаютъ своихъ близкихъ и, то и дѣло, подносятъ платокъ къ отуманеннымъ печалью глазамъ. Меня не провожаетъ никто. Я два дня тому назадъ, на маленькомъ полустанкѣ, тихо простился съ тѣми, кто мнѣ дорогъ. Офицеръ долженъ быть совершенно свободенъ...

Поэтому я могу пойти къ ротѣ и подбодрить будущихъ боевыхъ товарищей.

— Не грусти, братцы! Богъ милостивъ!

И когда поѣздъ трогается, и оставшійся на платформѣ оркестръ играетъ «Боже, Царя храни»,— громовое «ура» несется изо всѣхъ вагоновъ. Исчезаютъ изъ глазъ толпа, станція, городъ,—и съ каждымъ оборотомъ колеса мы приближаемся къ театру нашихъ будущихъ дѣйствій.

— «Впередъ, гренадеры,
Ура, молодцы,
Вамъ славные примѣры
Оставили отцы!»

На всѣхъ станціяхъ насъ провожаютъ сочувственными, восторженными манифестаціями.

Два дня въ пути. Смоленскъ. Барановичи. Брестъ. Въ офицерскомъ вагонѣ—читка вслухъ инструкцій, уставовъ, изученіе картъ и составленіе кроки.

Въ ротахъ разговоры на военныя темы и повѣрка постановки прицѣловъ. Ни одного не только пьянаго, но даже и слегка нетрезваго. Спокойное, серьезное настроеніе.

Россія можетъ быть увѣрена въ окончательной побѣдѣ. Съ такою арміей нельзя не побѣдить.

Въ боевомъ угарѣ.

Вчера на разсвѣтѣ моей ротѣ было передано «по связи» лаконическое приказаніе: атакуйте совмѣстно съ первою и третьей ротами окопы противника. Атаку поддержатъ четвертая рота и пулеметы.

Солнце еще не успѣло подняться надъ горизонтомъ, когда мы безшумно подобрались по мягкой болотистой травѣ къ окопамъ на опушкѣ лѣса, занятаго сторожевымъ охраненіемъ германцевъ. Шедшіе впереди роты развѣдчики кинулись на ихъ полевой караулъ. Раздался сухой щелкъ маузеровскихъ винтовокъ и, сразу все затихло. Восемь труповъ, раскинутыхъ въ канавѣ, было все, что осталось отъ сторожевого поста. Капралъ былъ убитъ въ ту минуту, когда распечатывалъ полученное изъ дома письмо и клочокъ разорваннаго розоваго конверта лежалъ рядомъ съ его застывшимъ въ предсмертной агоніи лицомъ.

Мы пробѣжали впередъ, ломая и раздвигая кусты. Съ окраины деревни уже раздавалась трескотня ружейной перестрѣлки, и пули свистѣли и жужжали надъ нашими головами. Бѣжавшій правѣе меня солдатъ внезапно взмахнулъ руками и упалъ навзничь. Товарищи подскочили къ нему... Бѣжавшіе сзади крестились на ходу и догоняли товарищей.

Лѣсокъ кончился.

— Ложись!

Бѣжать по открытой полянѣ было бы явнымъ безуміемъ. Сосѣдняя рота, почему-то обогнавшая насъ, залегла впереди кустарника и открыла частую стрѣльбу. Но условія были далеко неравны, и отъ мѣткаго огня противника она начала нести значительныя потери. Одинъ за другимъ въ лѣсъ поползли раненые. Казалось, еще минута, и рота будетъ вынуждена отойти назадъ.

Но въ этотъ критическій моментъ на лѣвомъ флангѣ нашей роты рѣзко затрещалъ пулеметъ, сперва одинъ, затѣмъ къ нему присоединился другой. Непріятельскій огонь сразу ослабѣлъ и потерялъ свою мѣткость.

— Перебѣжка звеньями въ канаву,—кричу я во весь голосъ, но меня слышатъ только ближайшіе люди въ цѣпи. Свистовъ не слышно. Посылаю «связь» по опушкѣ лѣса передать командирамъ взводовъ приказаніе перебѣжать въ канаву и по моему сигналу атаковать окопы.

Откуда то прилетаютъ четыре гранаты.

Справа начались перебѣжки. Въ центрѣ люди жмутся другъ къ другу, а медлить нельзя, надо не давать противнику подвести резервы. Крещусь, мысленно шепчу: «Благослови, Господи», и бѣгу впередъ. До канавки, спасительнаго убѣжища, двѣсти шаговъ. Но какъ трудно бѣжать, сердце стучитъ, вотъ, вотъ упадешь. А сзади уже набѣгаютъ свои густой кучей. «Рѣже, рѣже», кричу имъ, не останавливаясь. Вотъ падаютъ сразу трое... Некогда смотрѣть...

— Впередъ, родные!

Мы въ канавкѣ. Спрятались и молчимъ...

Надо собрать сюда роту и сразу броситься на ура. Ползу вдоль канавы. Лица серьезныя и рѣшительныя. У многихъ раненыхъ легко струится кровь. Перевязывать некогда, да и нечѣмъ. Фельдшеръ сзади, вмѣстѣ съ сумкою, а выйти изъ канавы нечего и думать.

Моментъ насталъ. Пулеметы замолкли. Вскакиваю на полянку изъ канавы. Бурное, громовое «ура» несется по полю и его отражаютъ и лѣса, и деревья за окопами, и земля, и небо. Солдаты бѣгутъ, спотыкаясь и обгоняя другъ друга. Стрѣльба противника прерывается, и видно, какъ изъ окоповъ выскакиваютъ и убѣгаютъ одиночные люди. Теперь уже не страшно. Скорѣе, скорѣе впередъ!

Мы въ пятидесяти шагахъ.

Безпорядочный трескъ ружей, неясный гулъ криковъ, неувѣренная команда по-нѣмецки, револьверные щелчки, все сливается общимъ хаосомъ,—и свистки и вопль обезумѣвшихъ отъ ужаса солдатъ въ сѣро-синихъ курткахъ.

Моихъ не удержать, даже если бы я этого захотѣлъ. Вотъ они уже на брустверѣ — колютъ, бьютъ прикладами по чему попало, стрѣляютъ въ упоръ,—вотъ взводный Герасимовъ ударомъ штыка обезоруживаетъ офицера, бросающаго саблю,—вотъ гигантъ Клименчукъ возитъ на штыкѣ тщедушнаго нѣмца, проткнутаго имъ насквозь, и старается вытащить штыкъ, завязшій въ позвоночникѣ... Происходитъ что-то невозможное... И внезапно настаетъ тишина, нарушаемая стономъ раненыхъ и хрипомъ умирающихъ. Пулеметы замолчали, спра-

ва перестрѣлка затихла, вдали глухо гудитъ артиллерія. И я начинаю соображать, что окопы взяты нашимъ батальономъ, и что непріятель—по крайней мѣрѣ, на этомъ участкѣ,—отброшенъ.

Я сижу въ окопѣ, спиною къ бруствeру, и всматриваюсь впередъ. Вотъ они, убѣгающіе люди въ сѣрыхъ шинеляхъ. По нимъ стрѣляютъ, и они падаютъ, прячутся и исчезаютъ изъ поля зрѣнія.

Надо сосчитать потери, но гдѣ тутъ ихъ считать! Вотъ уже подходитъ четвертая рота, выровненная, какъ на ученьѣ. Показываю пальцемъ на далекій костелъ, куда убѣжали остатки противника. Хочу сказать нѣсколько словъ, но голоса не хватаетъ, и вырывается какой-то нелѣпый свистъ. Меня понимаютъ и бѣгутъ впередъ, грузно перепрыгивая черезъ окопъ и засѣвшихъ въ немъ солдатъ.

Снова свистятъ пули. Но мы уже въ безопасности, и мало-по-малу приходимъ въ себя. Сильнѣйшая укрѣпленная позиція взята нами съ налета, съ потерей всего двадцати человѣкъ на роту. Убитыхъ трое, тяжело раненыхъ пять. Ихъ перевязываетъ ротный фельдшеръ Кравцовъ. Остальныхъ перевязываютъ санитары. Перестрѣлка стихаетъ. Наша задача выполнена. Подходятъ резервы—два батальона со знаменемъ, везутъ патроны...

Вотъ, уважаемые читатели, картина, наблюдаемая *строевымъ* офицеромъ. Догадываетесь ли вы, что это—описаніе одного изъ величайшихъ боевъ исторіи, великой галиційской битвы милліона австро-германской арміи съ милліономъ русскихъ силъ на фронтѣ почти съ триста верстъ? Изволь-

те-ка описывать современный бой, стоя близко къ нему и принимая въ немъ личное участіе! Если я раньше, въ качествѣ военнаго корреспондента, наблюдалъ поле боя въ бинокль, то теперь я могу смѣло сказать, что наблюдаю бой въ увеличительное стекло. Мелочи, характерныя, захватывающія мелочи—это все, что доступно моему глазу. Общей картины обнять невозможно, если только не сидѣть въ штабѣ, за сто верстъ отъ боевого поля. Но когда выяснится общая схема, тогда уже не будетъ деталей...

Обреченные на смерть.

Я долгое время—почти мѣсяцъ—не могъ взяться за перо, чтобы повѣдать уважаемымъ читателямъ о полныхъ захватывающаго интереса подробностяхъ великой борьбы Россіи съ австро-германскимъ союзомъ.

Цѣлый мѣсяцъ я не могъ вспомнить о перѣ и чернилѣ. Съ утра до вечера мы непрерывно все шли впередъ и впередъ, лбомъ пробивая себѣ дорогу, штыками прорывая непріятельскія позиціи, забирая орудія, тысячи плѣнныхъ, тѣсня и сбивая противника, судорожно цѣплявшагося за всякую горку, за малѣйшее болото, лѣсокъ или рѣчку.

Какъ это все произошло?

Я не могу утомлять мою снисходительную къ полевымъ наброскамъ аудиторію пересказомъ того, что уже извѣстно изъ превосходно проредактированнаго и вполнѣ соотвѣтствующаго истинѣ отчета главнаго штаба о нашихъ операціяхъ на рѣкѣ Вислѣ. Въ началѣ октября мы стояли на правомъ берегу рѣки, прикрываясь ею съ фронта, а на лѣвомъ берегу находилась австро-германская армія, напрягшая рѣшительно всѣ и свои и государственныя силы для окончательнаго удара, но въ стремительномъ натискѣ внезапно остановленная широкою Вислой и стойкою стѣною русскихъ корпусовъ. Маневръ нашъ—сосредоточеніе къ рѣкѣ

Вислѣ всѣхъ русскихъ силъ — былъ выполненъ блестяще. Безпристрастный историкъ оцѣнитъ его словомъ «геніально». Противникъ былъ задержанъ, прикованъ къ рѣкѣ и затѣмъ по всему фронту отброшенъ.

Я попытаюсь зарисовать подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ нѣсколько очерковъ изъ этой серіи боевыхъ столкновеній съ врагомъ, несравненно болѣе сильнымъ по численности, занявшимъ наивыгоднѣйшія для боя позиціи, но разбитымъ нашими «чудо-богатырями» въ сѣрыхъ шинеляхъ.

— о —

Мы стояли на Вислѣ въ сторожевомъ охраненіи, занимались охотою на развѣдчиковъ противника, сами переправлялись порою на утлыхъ челнокахъ по ту сторону рѣки пострѣлять и «попугать австріяка» и думали, что нашему безмятежному стоянію и конца не будетъ.

9-го октября въ 5 часовъ дня спѣшно было приказано выступать къ городку Казимержу. Двѣ роты должны были переправиться на лѣвый берегъ Вислы, чтобы послужить приманкою для главныхъ силъ противника и оттянуть его на себя этой демонстративной переправой. Настоящая переправа всего корпуса была назначена въ другомъ мѣстѣ,—какъ выяснилось на другой же день, у самаго города Новая Александрія. Задача была не изъ легкихъ, и можно было бы призадуматься. Но солнце такъ весело играло въ расплавленномъ серебрѣ рѣчныхъ волнъ, такъ привѣтливо шумѣлъ еще зеленый лѣсъ, что никакія мрачныя мысли никому не при-

ходили въ голову. Рота за ротой переправились на трехъ понтонахъ на песчаныя отмели лѣваго берега, разсыпались цѣпью и стали подниматься по крутому косогору. О противникѣ ничего не было извѣстно,—гдѣ онъ и въ какихъ силахъ. Шли осторожно, впередъ высылая дозоры. Каждую минуту мы рисковали попасть подъ сильнѣйшій огонь притаившагося въ окопахъ непріятеля.

Черезъ полчаса по высадкѣ мы уже были верстахъ въ двухъ отъ берега, передъ небольшой деревушкой. Она казалась вымершей. Все молчало кругомъ—и это молчанье казалось зловѣщимъ. На землю опускались сумерки. Въ вечерней тишинѣ не слышно было ни одной команды, ни одного громкаго слова. И внезапно изъ лѣса на насъ посыпался градъ пуль и рѣзко зататакали пулеметы.

«Нарвались!» мелькнуло въ умѣ у каждаго.

Отступать—значило показать свою слабость и обречь себя на полное уничтоженіе. Мы залегли на вершинѣ песчанаго холма и стали отстрѣливаться. Силы противника, видимо, все прибывали. Скоро пули начали свистѣть и справа, и слѣва. Насъ обошли съ обоихъ фланговъ.

А въ нашемъ тылу—глубокая и широкая Висла. Поддержки ждать неоткуда. Люди отлично поняли положеніе, и ободряли другъ друга простыми, но полными безсознательнаго героизма словами: будемъ, братцы, держаться до единаго!

Наступила ночь. Вправо и влѣво отъ моей роты были посланы боковыя заставы, чтобы прикрыть фланги; люди окопались, резервъ былъ подтянутъ на самую позицію. Но насъ насчитывалось всего

180 штыковъ. Гдѣ-то вдали находилась еще одна рота, а за нею—13 верстъ густого лѣса, занятаго противникомъ, отрѣзавшимъ путь къ Новой Александріи, куда нашъ полкъ уже выступилъ тотчасъ послѣ переправы на лѣвый берегъ демонстраціоннаго отряда.

Часа полтора напряженнаго ожиданія ночной атаки. Въ темнотѣ рисуются разыгравшейся фантазіи то перебѣгающія фигуры, то густыя массы. Нервность растетъ. Никакихъ свѣдѣній—переправились ли къ намъ подкрѣпленія, никакихъ указаній—что дѣлать... Лежимъ и всматриваемся впередъ, сжимая въ рукахъ винтовки.

Въ девять часовъ вечера сзади насъ открывается ураганный ружейный огонь. Пули, проклятыя разрывныя пули австрійцевъ, хлопаютъ около самой головы въ брустверъ окопа, давая вспышки огня. Сзади насъ невидимый противникъ напалъ на нашу десятую роту. Но вотъ и нашъ отвѣтъ—выдержанные залпы, какъ расколотый орѣхъ, пулеметное та-та-та и дружное «ура». Снова тишина. Мы лежимъ и ждемъ атаки на нашу позицію.

Ждать недолго. Слѣва, гдѣ мой 4-й взводъ, внезапно вспыхиваетъ «ура» и ружейный огонь. Что тамъ такое? Посылаю дозоръ для выясненія обстановки. Все сразу затихло. Жду донесеній. Проходитъ полчаса, бѣжитъ одинъ изъ дозорныхъ, задыхаясь отъ усталости, и положительно падаетъ въ окопъ:—обходятъ! Командиръ батальона приказалъ отходить въ деревню.

Тихо, на носкахъ, крадемся мы къ той деревнѣ, у которой переправились на негостепріимно насъ

встрѣтившій берегъ. Не звякнетъ котелокъ, не стукнетъ о лопату прикладъ. Въ оврагъ, скорѣе въ оврагъ и къ берегу Вислы...

Но у самаго берега, на хребтѣ, чернѣетъ какая-то колонна, спускающаяся прямо на насъ. Кто это? Противникъ? Свои? Сколько ихъ? Я командую вполголоса:

— Ложись!

Рота приникаетъ къ землѣ. Предательски звякнулъ котелокъ.

Колонна моментально исчезаетъ. Вѣроятно, также легла.

За нами оврагъ,—есть куда скрыться въ случаѣ неудачи.

— Сейчасъ атакуемъ, если не отзовутся. Готовься!

И громко спрашиваю:

— Кто идетъ? Здѣсь вторая!

И отчетливо слышится:

— Первая идетъ съ переправы!

Сразу отлегло. Мы, значитъ, не одни—насъ три роты. Дешево себя не отдадимъ.

Весь отрядъ собрался въ деревнѣ. Тутъ и полковникъ Л—ій, невозмутимый, какъ всегда. Съ нами четыре пулемета. Позиція выбрана и спѣшно укрѣплена.

Уже полночь. Лопаты работаютъ во всю, а изъ лѣса насъ подстегиваетъ накопившійся на опушкѣ противникъ, и разрывы пуль то-и-дѣло вспыхиваютъ на окопахъ.

— Мы выполнимъ свой долгъ до конца,—говоритъ полковникъ:—оттянемъ на себя цѣлую ди-

визію. Иначе не переправиться нашему корпусу.

Дрожимъ отъ холода въ легкихъ накидкахъ, бѣгаемъ вдоль окоповъ.

— Братцы, не спите, готовься, сейчасъ насъ могутъ атаковать!

А переутомленные братцы то одинъ, то другой засыпаютъ, и ихъ будятъ сосѣди.

— Не спи, сейчасъ насъ атакуютъ!

Разбуженный просыпается и злобно ворчитъ:

— Ну и пускай атакуютъ. Мы имъ покажемъ. Спать не даютъ, дьяволы!

Подъ утро тревога—сѣрыя шинели густою колонною выходятъ изъ лѣса; слѣва цѣпи развертываются въ полѣ!

— Братцы, держись! Атака!

И совершенно спокоенъ громкій голосъ пулеметнаго офицера, поручика С.:

— По цѣпи, 10, разсѣиванье... огонь!

Заглушающе трещатъ пулеметы. Пули жужжатъ по окопамъ, но противникъ остановился. Моментъ для атаки потерянъ. Еще, и онъ спѣшно отступаетъ, бросая убитыхъ.

Солнце восходитъ по ту сторону красавицы Вислы. Свѣтаетъ. Розовая заря уступаетъ мѣсто бѣлому дню. Въ полѣ одни трупы раскинуты тамъ и сямъ.

— Теперь намъ пора уходить,—задача выполнена. Штабсъ-капитану М. съ ротой прикрыть отходъ отряда по берегу!

Разсыпаю цѣпь и начинаю отъ деревни въ обратномъ направленіи наступать на лѣсъ, чтобы обмануть зорко за нами слѣдящаго противника.

Снова завязывается перестрѣлка.

Изъ-за лѣса несется снарядъ. Гудитъ и падаетъ въ Вислу. Перелетъ. Другой рядомъ съ нами. Артиллерія появилась. Пусть нами займется. Отряду удастся уйти.

— Братцы, по одному оврагомъ подъ откосъ у берега! Пробирайся къ отряду, онъ отошелъ къ лѣсу за деревней.

— А вы, ваш-сок-бродь?

— Я потомъ, потомъ, не бойтесь. Не останусь. Со мною всего взводъ. Пора отходить и намъ.

— Пачки... начинай!

Мы открываемъ частый огонь, и стрѣлки противника залегаютъ за своими окопами.

— Ну, братцы, пора! Бѣгомъ подъ откосъ!

Спотыкаемся, падаемъ, катимся подъ кручу. У самой Вислы мой солдатъ прислонился къ вѣтвистому дубу.

— Вотъ къ тому лѣсу приказано отходить, ваш-сок-бродь. Противника не оказалось.

О, чудо! Мы пробираемся лѣсомъ. Слѣва близко-близко гремятъ орудія и идетъ бой. Это наши переправились черезъ рѣку. Мы свое дѣло сдѣлали. Ура! Впередъ, къ Новой Александріи, на поддержку своихъ!

И къ одиннадцати утра нашъ отрядъ присоединяется къ родному полку. Насъ встрѣчаютъ, какъ выходцевъ съ того свѣта, съ поцѣлуями и горячими рукопожатіями...

Слѣва все разгорается бой.

Справа серебрится Висла, и надъ Александріей красиво рвутся дымки австрійскихъ шрапнелей...

Бой за переправу.

Переправа нашихъ войскъ съ праваго берега Вислы на лѣвый ея берегъ, обрывистый, лѣсистый и сплошь занятый и укрѣпленный противникомъ, являлась дѣломъ исключительной трудности. Она могла удаться лишь при особенно благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, ловкомъ маневрѣ, беззавѣтной храбрости и желѣзной стойкости войскъ, назначенныхъ въ первую боевую линію.

Маневръ былъ произведенъ блестяще. Три роты суворовскихъ гренадеръ своею демонстраціею (о которой я писалъ въ предшествующемъ письмѣ) оттянули къ дер. Войшинъ, въ 13 верстахъ выше по теченію рѣки отъ Новой Александріи, не менѣе дивизіи противника. На разсвѣтѣ былъ молодцами понтонерами наведенъ понтонный мостъ, и рота за ротою, бѣгомъ, переправились по нему подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Передовыя части легко опрокинули авангарды австро-германской арміи, и къ тому часу, когда Висла широко заблестѣла въ солнечныхъ лучахъ, черезъ мостъ уже лился стройный потокъ сомкнутыхъ колоннъ, сверкающихъ штыками, коегдѣ разрѣженный артиллерійскими орудіями и зарядными ящиками.

Мы подошли къ переправѣ, чудомъ проскользнувъ черезъ готовившееся насъ раздавить желѣз-

ное кольцо, около полудня. Бой былъ въ полномъ разгарѣ, и артиллерійскіе снаряды непрерывно рвались надъ самыми рѣчными волнами. Было ясно, что невидимыя батареи нащупываютъ понтонный мостъ и стремятся его разрушить, во что бы то ни стало, пренебрегая для этого даже состязаніемъ съ нашей артиллеріей. Но мѣсто для переправы было выбрано отлично,—на значительной ширинѣ и глубинѣ; австрійцы даже и предполагать не могли, что именно здѣсь наведенъ мостъ. Всѣ «удобныя» мѣста были сознательно забракованы. Предосторожность оказалась спасительной. Весь огонь противника сосредоточился на «удобныхъ» мѣстахъ, и со свистомъ падающія въ воду гранаты и шрапнели только забавляли переходящія по мосту и накапливающіяся на лѣвомъ берегу массы нашихъ войскъ. Убитые и раненые являлись рѣдкимъ исключеніемъ.

Бой длился весь день. Наши полки упорно пробивали себѣ дорогу штыками, одну за другою занимая высоты, заботливо укрѣпленныя австрійцами. Наша великолѣпная артиллерія, дивное боевое оружіе, выметала въ буквальномъ смыслѣ этого слова батальоны и цѣлые полки изъ искусно скрытыхъ на опушкѣ лѣсовъ глубокихъ окоповъ. То тутъ, то тамъ рокотъ перестрѣлки порою заглушался вспышками «ура» и трескотней пулеметовъ. Рѣзко обрывались и крики, и огонь. Шла ужасная, молчаливая штыковая работа...

Къ вечеру мы окопались на занятыхъ съ боя позиціяхъ и всю ночь провели, сжимая въ рукахъ винтовки, на разстояніи какихъ-либо пятисотъ ша-

говъ отъ противника. Отвратительныя пули «думъ-думъ» непрерывно щелкали по гребню окоповъ, освѣщая ихъ синеватыми огоньками. Немѣткія, гнусныя по убійственности случайно ими наносимыхъ ранъ, онѣ имѣли цѣлью запугать нашихъ солдатъ. Но цѣли этой онѣ не достигли. Озлобленіе къ противнику, пользующемуся разрывными пулями, все росло и росло и прорывалось въ самой нежелательной для австрійцевъ формѣ. Во многихъ случаяхъ наши полки отказывались принимать сдачу стрѣлявшихъ изъ окоповъ этими пулями и клали на мѣстѣ горы труповъ въ отомщеніе за изувѣченныхъ товарищей.

Разсвѣтъ былъ великолѣпенъ. Огромный лѣсъ гудѣлъ передъ нами, освѣщенный золотистою зарею. Багровѣли сосны, пылали осеннія березы... Но любоваться ими было некогда. На насъ посыпался рѣзкій пулеметный огонь. Надо было ослабить его вредное вліяніе. Нельзя было высунуться изъ окопа. А сбить пулеметы было необходимо. На помощь пришла наша артиллерія. Заговорили «бабушки»—тяжелыя гаубицы, за ночь установленныя на гребнѣ позади насъ.

Задрожала земля. Съ зловѣщимъ рокотомъ понеслись «чемоданы» черезъ наши головы. Математически точный расчетъ. Четыре снаряда, и опушка лѣса окутана густымъ чернымъ дымомъ. Высоко, на десять-пятнадцать саженъ, вздымаются настоящіе фонтаны земли и вѣтвей. Мы забываемъ о всякой опасности и восхищенно наблюдаемъ эту незабываемую картину. Вотъ взлетаетъ къ небу цѣлая сосна, подъ корни которой зарылся «бабуш-

кинъ гостинецъ», вотъ обалдѣлые отъ ужаса бѣгутъ прямо къ намъ побросавшіе свое оружіе солдаты въ сѣро-синихъ шинеляхъ; вотъ мечется по полю чья-то лошадь, волоча за ногу всадника, запутавшагося въ стремени... Мы готовы броситься впередъ, но рано. Надо ждать прекращенія огня. Минуты кажутся часами.

И, наконецъ, глухіе удары сразу оборвались. Лѣсъ расчищенъ для нашей атаки. Наблюдателю видно съ вершины холма, какъ мы выскакиваемъ на брустверъ окоповъ.

— Впередъ, молодцы,—бей его, пока не очухался.

И вспыхиваетъ «ура», воодушевленное, побѣдное, красиво переливающееся по всему фронту. Всѣ поднялись. Стихійное движеніе впередъ объединило всѣ полки. Рядомъ со мною какой-то невзрачный солдатикъ въ рваной фуражкѣ, съ армейскими погонами. Глаза горятъ,—бѣжитъ и толкаетъ меня.

— Ты куда? Откуда тебя принесло?

— Я, ваш-бродь, конюхъ патронной двуколки. Позвольте съ вами вмѣстѣ. Занятно очень. Тамъ пулеметъ есть. Надо забрать.

— И безъ тебя заберутъ. Пшелъ назадъ!

Но что съ нимъ подѣлаешь. Все забылъ—и двуколку, и лошадь. Ихъ передалъ другому солдатику: «пока сбѣгаю въ лѣсъ»... Отдѣлился отъ меня, но не отстаетъ отъ моей роты....

Вотъ и опушка лѣса. Но она не очищена вовсе. У пулеметовъ еще копошатся солдаты,—это венгерцы, честные воины. Они не бросаютъ своихъ

митральезъ, хотя онѣ и подбиты огнемъ нашихъ «бабушекъ». Одинъ пулеметъ уцѣлѣлъ, и вокругъ него залегаетъ прислуга...

— Рѣже цѣпь, братцы!

Но братцамъ уже все равно. Пятьдесятъ шаговъ —одинъ скачекъ. Только что затрещала запущенная наскоро въ патронникъ пулеметная лента, какъ сразу оборвалась. Короткіе взмахи штыковъ, и десятокъ новыхъ тѣлъ прибавился въ уже залитомъ кровью окопѣ... А тихенькій прапорщикъ, похожій на барышню, все еще бѣжитъ впередъ, въ гущу лѣса, на бѣгу стрѣляя изъ браунинга, и отъ него не отстаютъ забывшіе всякое утомленіе побѣдители...

Но увлекаться нельзя. Большого труда стоитъ батальонеру остановить людскую волну. Никто не отходитъ безъ двухъ-трехъ окриковъ. Наконецъ, мы снова въ окопахъ, и спѣшно перекидываемъ лопатами землю съ одной стороны на другую, передѣлывая чужую работу на свой ладъ.

Надо пополнить патроны, раздѣлить людей по командамъ. Половины ихъ уже нѣтъ со вчерашняго дня... Санитары работаютъ въ нашемъ тылу, подбирая упавшихъ по пути и снося ихъ за гребень. Ихъ много, ползущихъ и бредущихъ по полю, много и носилокъ, тихо качающихся на ходу...

Но австрійцевъ набито втрое больше. Рядомъ со мною лежитъ что-то ужасное, бывшее полчаса назадъ человѣкомъ—безформенное туловище безъ лѣвой ноги и правой руки.

Стонутъ въ лѣсу раненые. Но пусть подождутъ. Наше дѣло—бой. Онъ не окончился. Еще подхо-

дятъ резервы. Центръ всей позиціи верстахъ въ двухъ впереди. Туда и направленъ нашъ главный ударъ.

Весело идутъ роты резерва. Прямо надъ ними рвется шрапнель. Падаютъ одинъ, другой, но восемь цѣпей все идутъ впередъ, какъ на парадѣ, равняясь на средину. Впереди офицеры, шашками машутъ, направляя роты на уголъ лѣса. Побѣда недалека. Кризисъ боя назрѣлъ.

Мы сливаемся съ ними, и лѣсомъ проходимъ впередъ, обѣгая толстыя, вѣковыя деревья.

Сверху рвутся снаряды, но пули безсильны пробить чащу лѣса. Стаканы шрапнелей, и тѣ застрѣваютъ въ стволахъ сосенъ и елей. Но лѣсъ кончился. Передъ нами въ полуверстѣ желтѣютъ узенькіе окопы, соединенные между собою ниточками ходовъ сообщенія. Въ нихъ видны черненькія фигурки стрѣлковъ.

— Пулеметы впередъ!

На опушку лѣса выкатываютъ нашихъ друзей— низенькіе пѣхотные пулеметы на легкихъ салазкахъ со щитомъ для наводчиковъ.

— Огонь!

По всему фронту снова закипаетъ бой, бой упорный; но уже обозначился отходъ австрійскихъ резервовъ и артиллеріи; она рѣже стрѣляетъ, и трубки ея установлены, это видно, когда поднимешь ее, еще теплую, даже горячую, все на большій и большій прицѣлъ.

Снова атака; на этотъ разъ мы не поспѣваемъ за сосѣдями. Тѣ пробрались по оврагу впередъ и во флангъ, и когда мы подбѣгаемъ, падая отъ

усталости, они уже гонятъ навстрѣчу къ намъ нѣсколько ротъ плѣнниковъ при офицерахъ... Носится слухъ, что захвачено знамя, четыре орудія; этотъ слухъ вмигъ облетаетъ войска, и «ура» долго облетаетъ поля и докатывается до самой Вислы. Скачутъ впередъ казаки, переѣзжаетъ батарея, лихо снимается и бьетъ по уже намъ невидимой цѣли—по отступающимъ колоннамъ. «За тѣми высотами», какъ указалъ пальцемъ командиръ батареи, обгоняя насъ по шоссе... Все кончено... Преслѣдуютъ свѣжія части... Мы поработали, гренадеры! Висла перейдена...

Ура, Гренадеры!

Мы переправились черезъ Вислу. Три дня шелъ упорный бой.

Позвольте разсказать со словъ капитана Оржешковскаго одинъ великолѣпный боевой подвигъ, совершенный горсточкою его людей въ дѣлѣ 11 декабря.

— Мы только что вышли изъ густого лѣса, продольно обстрѣливаемаго тяжелою артиллеріей. Передъ нами отступала непріятельская цѣпь, залегая въ канавы, отстрѣливаясь и снова отходя. Въ пылу завязавшейся перестрѣлки мы взбирались на гребень невысокаго холма, растянувшись шаговъ на десять стрѣлокъ отъ стрѣлка. Вдругъ прямо передъ нами рявкнули четыре пушки, и насъ обдало горячимъ воздухомъ и роемъ пуль. Все какъ-то заствистѣло и закружилось. Человѣкъ десять упали на землю, нѣсколько малодушныхъ покатилось назадъ, внизъ по скату...

Я былъ на правомъ флангѣ роты. Раздумывать было некогда—или впередъ, на орудія, или мы вынуждены отступать, нарушая стройность атаки, образуя опасный прорывъ... Тогда я и прапорщикъ Губкинъ быстро окликнули людей, приказали перекреститься и съ крикомъ «ура, гренадеры!» бросились въ атаку на батарею. Всего двѣсти шаговъ.

Секунды казались часами. Ноги застревали въ пахоти. Тяжело было бѣжать въ горку.

Снова рявкнули четыре орудія, и картечь вырвала у насъ еще человѣкъ двадцать. Но было ясно, что на батареѣ уже царитъ паника. Видно было, какъ прислуга заметалась у орудій, офицеры ударами сабель удерживали бѣглецовъ, а изъ-за кустарника карьеромъ выѣзжали передки. Но мы сразу открыли по нимъ частый огонь, и лошади повалились. Еще минута, и артиллеристы бросились въ бѣгство. Вслѣдъ за ними и мы на батареѣ. Тутъ и тамъ валяются трупы, раненые, разбросаны снаряды... Четыре бронзовыхъ скорострѣльныхъ орудія съ передками, восемь нераненыхъ лошадей и подзорная труба-дальномѣръ составили нашу добычу.

Капитанъ Оржешковскій представленъ къ офицерскому Георгію 4-й степени по статуту, а всѣ участники взятія батареи получили солдатскіе кресты.

— о —

Утромъ 13-го октября передовыя части нашего корпуса, продолжавшаго преслѣдовать разбитую у Новой Александріи австро-германскую армію, наткнулись на сильно укрѣпившійся арьергардъ лучшаго венгерскаго корпуса генерала Мартини. Деревня Лаговъ, лежащая на высокомъ холмѣ, представляла собою естественную крѣпость.

Полковникъ Л-ій, командовавшій гренадерами, немедленно повелъ свой полкъ въ атаку. Первому батальону было приказано итти на мельницу у дер. Паіонковъ и оттуда на лѣвый флангъ австрій-

ской позиціи, другимъ батальонамъ—поддержать атаку слѣва и во второй линіи.

Весь лѣсъ, окаймлявшій деревню, ожилъ и закипѣлъ ружейной перестрѣлкой. Трескъ разрывныхъ пуль, та-та-та пулеметовъ, ба-бахъ тяжелой артиллеріи,—все слилось въ общій гулъ. Люди спотыкаются на бѣгу и падаютъ. За мельничнымъ бугромъ происходитъ накапливаніе силъ для атаки. Лежатъ въ каждой ямкѣ, за каждымъ камушкомъ, укрываясь отъ адскаго огня. Назрѣваетъ моментъ для рѣшительнаго удара. Стрѣльба противника становится все чаще и безпорядочнѣе.

Въ это время далеко слѣва слышатся бодрящіе, увлекательные звуки марша, это полковникъ Л-ій подводитъ резервъ и даетъ сигналъ для атаки. Надо поднимать людей. Но пули такъ свистятъ, что даже испытанные въ бояхъ гренадеры невольно прижимаются къ землѣ.

Когда штабсъ-капитанъ М-въ встаетъ на брустверъ окопа, снимаетъ фуражку и запѣваетъ молитву: «Спаси, Господи, люди Твоя!», около трехсотъ голосовъ подхватываютъ пѣснопѣніе и съ крикомъ «ура, гренадеры!», вслѣдъ за М—вымъ выбѣгаютъ на склонъ лаговскаго холма.

Музыка звучитъ ближе, и «ура» перекатывается по всему полю. Мы не обращаемъ вниманія на пули, разрывы шрапнелей, косящіе цѣлыя группы въ атакующей колоннѣ, и непрерывно двигаемся дальше.

Слѣва по деревнѣ уже бѣгутъ впередъ наши темно-сѣрыя шинели, гоня передъ собою свѣтло-сѣрыхъ австрійцевъ. Изъ окоповъ выскакиваютъ

обезумѣвшіе отъ страха ландвeристы, бросаютъ винтовки и бѣгутъ, падая поочередно подъ нашими пулями...

Справа спѣшно увозятъ батарею и отступаетъ резервъ. Дѣло выиграно, шесть-семь ротъ лихимъ ударомъ опрокинули центръ дивизіи Мартини, отборной венгерской части войскъ. Взята масса плѣнныхъ при офицерахъ, нѣсколько полковниковъ, множество оружія, лошадей и обозъ...

Только въ двухъ-трехъ точкахъ венгерцы приняли штыковой ударъ и были переколоты нашими гренадерами, разсерженными ихъ упорствомъ и стрѣльбою разрывными пулями.

Къ вечеру у костровъ уже слышалась сложенная унтеръ-офицеромъ Мѣтниковымъ солдатская пѣсня, ниже приведенная, и уцѣлѣвшіе отъ упорнаго боя гренадеры чистили свое оружіе и поздравляли другъ друга и подходящіе резервы съ побѣдой.

Подъ Лаговымъ дрались мы смѣло
Въ 13-й день октября,
И началось славное дѣло,
Едва разгорѣлась заря.
Въ деревнѣ австрійцевъ немало,
Въ окопахъ своихъ залегли,
Но сердце у нихъ застучало,
Когда мы въ атаку пошли.
Насъ, братцы, тутъ было немного—
Три роты, три сотни штыковъ,
Но твердо мы вѣрили въ Бога,

И каждый былъ къ смерти готовъ.
Когда въ шумѣ яростной битвы
Не стало команды слыхать,
Насъ Мамонтовъ пѣньемъ молитвы
Рѣшилъ всѣхъ въ атаку поднять.
И дружно за нимъ мы сплотились,
Вторая съ четвертой, съ восьмой,
И храбро впередъ устремились,
Въ неравный отчаянный бой.
Весь полкъ Лебединскій направилъ
На вражескій фронтъ наступать,
Суворовскій маршъ онъ заставилъ
Своихъ музыкантовъ играть.
Стѣною штыки засверкали,
И мужествомъ львинымъ горя,
Противника мы поражали
За Родину, Вѣру, Царя!

На святогорскихъ высотахъ.

Мы продолжали тѣснить отступающаго къ Кракову противника. Ежедневно происходили небольшія перестрѣлки, и число трофеевъ постепенно увеличивалось. То тамъ, то тутъ въ наши руки попадали одно-два орудія съ зарядными ящиками, десятки ружей, которыя австріяки «уставали нести», и брошенныя по пути обозныя повозки. Кое-гдѣ встрѣчались настоящія «конскія кладбища» изъ 20—30 лошадей, пристрѣленныхъ на мѣстѣ биваковъ артиллеріи и обозовъ за неспособностью ихъ везти дальше тяжелыя орудія. Жители передавали намъ при проходѣ авангардовъ, что австрійцы отбирали у нихъ насильно и безплатно всѣхъ лошадей, даже молодыхъ и невыѣзжанныхъ, а за ихъ недостаткомъ запрягали въ орудія на лямкахъ русскихъ плѣнныхъ солдатъ, которыхъ конвойные подгоняли нагайками.

Преслѣдованіе разбитой австро-германской арміи продолжалось безпрерывно, пока мы не втянулись вслѣдъ за ними въ лѣсистые хребты, гдѣ предусмотрительный противникъ заранѣе приготовилъ оборонительныя позиціи на случай отступленія.

Въ авангардѣ всей дивизіи шли «суворовскіе гренадеры». Головной отрядъ быстро нащупалъ противника, окопавшагося на опушкѣ лѣса, заста-

вилъ его открыть свое расположеніе и прикрылъ развертываніе всего отряда.

Мы имѣли тутъ дѣло не со сборными славянскими полками, а съ отборными венгерскими войсками, недавно еще прибывшими на театръ военныхъ дѣйствій и морально вполнѣ устойчивыми. Стрѣльба ихъ была настолько мѣткой, что уже въ первый часъ боя, на разстояніи свыше 2.000 шаговъ отъ австрійскихъ окоповъ, сразу были ранены два офицера и убитъ подпрапорщикъ въ одной моей ротѣ. Вечеръ засталъ насъ на позиціи и наскоро возведенныхъ стрѣлковыхъ закрытіяхъ. Ночь была морозная и вѣтряная, но люди зарылись въ принесенную съ фольварка солому и дождались разсвѣта въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ окостенѣвшіе въ своихъ окопахъ австрійцы.

Утромъ было получено приказаніе атаковать по всему фронту. Сразу закипѣла ружейная и артиллерійская перестрѣлка, и рѣзко ворвалась въ этотъ хаосъ звуковъ пулеметная трескотня. Наступать было трудно. По совершенно открытому мѣсту приходилось ползкомъ пробираться по-одному, усѣивая поле остающимися на мѣстѣ ранеными и убитыми. Но вотъ въ одной точкѣ наши пулеметчики пристрѣлялись прямо по головамъ непріятельскихъ стрѣлковъ, и послѣ двухъ лентъ тѣ бросились отступать къ подожженной нашими снарядами деревушкѣ. Этою минутою воспользовались три наши роты и съ громовымъ «ура» внезапно кинулись въ атаку. Въ пылу увлеченья не слышна и не страшна никакая стрѣльба. «Бей ихъ, братцы!»—и мы

уже на дорогѣ, ведущей къ деревнѣ. Пули свистятъ, никого не задѣвая. «Впередъ!»

Сѣро-синія шинели бѣгутъ изъ-за домовъ къ лѣсу, неуклюже размахивая руками, спотыкаясь и падая. Наши стрѣлки быстро занимаютъ плетни и заборы и открываютъ по нимъ убійственный огонь. Но некогда.

— Впередъ, молодцы, на опушку лѣса!

На плечахъ убѣгающихъ венгерцевъ мы врываемся въ кустарникъ. Въ опустѣлыхъ окопахъ брошены ружья, патроны, ранцы, чемоданъ австрійскаго офицера, раскрытый и развернутый... Изъ ямокъ наши солдаты со смѣхомъ извлекаютъ обезумѣвшихъ отъ страха безоружныхъ враговъ. Обыкновенная картина—хлопанье по плечу, попытки объясниться на какой-то никому непонятной смѣси языковъ, угощенье папиросами и хлѣбомъ... Велико добродушіе русскаго солдата!

Мы занимаемъ окопы на опушкѣ лѣса и спѣшно передѣлываемъ ихъ на свой фасонъ, перекидывая насыпь въ другую сторону. Командиру полка посылается донесеніе о побѣдѣ, съ просьбою поддержать насъ присылкою подкрѣпленій, безъ которыхъ двигаться въ гущу лѣса явно рискованно.

Черезъ полчаса подходятъ резервы, и весь полкъ собирается у деревни. Дѣло выиграно. Надо дать только время нашимъ сосѣдямъ справа и слѣва продвинуться впередъ—и тогда лѣсъ будетъ занятъ сразу на всемъ фронтѣ.

И вдругъ на собравшуюся близъ опушки густую колонну сыплется градъ пуль невидимаго

противника. Откуда это? Кто стрѣляетъ? Сколько ихъ?

Некогда раздумывать.

— Эй, братцы, за мной, ихъ немного, бей ихъ, кто въ Бога вѣруетъ!

Вѣрующихъ въ Бога больше, чѣмъ надо. Мы безъ всякаго строя, «толпой въ образѣ колонны», кидаемся въ глубину лѣса и по узкому овражку бѣжимъ на выстрѣлы. Рѣзко щелкаютъ разрывныя пули по стволамъ деревьевъ, какъ бичи, сыплятся внизъ вѣтви и отбитая кора..

— Ваше высокоблагородіе! Вотъ они—на деревьяхъ!

Дѣйствительно, лучшіе охотники венгерской дивизіи засѣли на деревьяхъ въ лѣсу у лѣсопильнаго завода и бьютъ нашихъ, какъ дичь. Но гренадеры не робкаго десятка. Открывается мѣткій огонь, и одинъ за другимъ воздушные стрѣлки падаютъ внизъ, въ оврагъ, гдѣ уже ихъ поджидаетъ безпощадный штыкъ.

— Никого не щадить за разрывныя пули!

Съ деревьевъ сняты австрійскія «птицы». Надо захватить лѣсопилку и удержать ее, какъ опорный пунктъ. Это выполнить уже нетрудно. Подпоручика Руднева ранили въ руку, и его роту принимаетъ прапорщикъ Шиловъ, хладнокровнѣйшій въ мірѣ человѣкъ.

— Первой ротѣ на лѣсопилку!

Шиловъ невозмутимо откозыриваетъ и продолжаетъ итти впередъ. Противникъ убѣгаетъ, настигаемый нашими пулями, и цѣпи его скрываются въ чащѣ лѣса, подъ косогоромъ.

Съ горстью людей, привыкшихъ къ опасности и вѣрящихъ въ своихъ офицеровъ, мы опрокинули цѣлые два батальона резерва венгерской дивизіи. Дѣло кончено... Непріятелю больше не удержаться въ лѣсу, и наши развѣдчики вскорѣ обнаруживаютъ его отступленіе.

Подъ Краковомъ.

Преслѣдуемые по пятамъ нашими войсками, остатки разбитой арміи генерала Данкля укрылись въ крѣпость Краковъ. Тутъ они могли устроиться, соединиться съ отступившими въ юго-западномъ направленіи германцами, пополниться наспѣхъ созванными подъ знамена новобранцами и сѣдобородыми стариками ландвера и гонведа и начать снова безпокоить наши авангарды ежедневною перестрѣлкой.

Мы стояли въ двадцати верстахъ отъ фортоваго пояса, когда было получено приказаніе продвинуться впередъ одновременно нѣсколькимъ корпусамъ и «загнать противника въ крѣпость».

Наступленіе началось еще до разсвѣта, въ сѣромолочной пеленѣ, скрывшей наши передвиженія. Солнце едва успѣло подняться надъ горизонтомъ, котда передовыя цѣпи авангарда столкнулись съ противникомъ, сильно окопавшимся верстахъ въ десяти-двѣнадцати отъ своихъ фортовъ. Завязался упорный бой, въ которомъ принимала участіе артиллерія.

Съ грохотомъ начали рваться тяжелые снаряды, взбрасывая землю на двадцать саженъ кверху и взрывая промерзшую землю глубокими воронками. Дальше двигаться стало невозможно безъ могучей артиллерійской поддержки. Приказано было око-

паться и удерживать свои позиціи во что бы то ни стало, прикрывая сосредоточеніе нашихъ главныхъ силъ и установку артиллеріи.

Первые два-три дня гарнизонъ крѣпости могъ безъ особаго риска производить стремительныя вылазки то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, пытаясь прорвать линію нашего обложенія. Въ одинъ изъ далеко не прекрасныхъ дней, послѣ сильнѣйшаго артиллерійскаго огня, разрушившаго часть окоповъ на крутой высотѣ, служившей ключомъ позиціи, австрійцы огромными массами внезапно кинулись въ атаку на роты одного изъ полковъ, выбили ихъ изъ окоповъ и продвинулись вглубь нашего расположенія. Назрѣвалъ непріятнѣйшій боевой моментъ—все наше расположеніе могло быть прорвано и въ образовавшуюся брешь могли хлынуть волны австро-германскихъ войскъ.

Въ частномъ резервѣ боевого участка находилась всего одна рота—по счастью, отличная рота. Не растерявшійся ея командиръ моментально оцѣнилъ обстановку и, жертвуя собою, бросился въ контръатаку на превосходныя силы противника, показавшіяся въ тылу нашихъ окоповъ.

— Мы лежали въ глубокомъ оврагѣ, распластавшись на днѣ окоповъ. Сердце сжималось, что-то щемило въ груди, когда издали слышался приближающійся ревъ тяжелаго снаряда. Оглушительный грохотъ—и весь окопъ трясется, осыпаются брустверы, свистятъ надъ головою осколки и сверху падаютъ комья промерзлой земли и густая черная пыль... Слава Богу, пронесло... И снова летятъ одинъ, другой снаряды съ невидимыхъ фор-

товъ... Господи, помилуй! Осторожно выглядываю изъ окопа и вижу, какъ полдюжины «чемодановъ» взрываютъ сосѣднiй холмъ... Огонь перенесенъ на другую цѣль. Насъ временно оставили въ покоѣ.

Къ полудню бомбардировка нашего участка достигла неимовѣрной силы.

Въ окопахъ творилось что-то невообразимое— земля буквально кипѣла и стонала; ослабленныя непрерывнымъ бодрствованiемъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ назойливымъ противникомъ, передовыя роты едва держали винтовки въ рукахъ. Около полудня артиллерiя внезапно затихла, и въ эту самую минуту изъ густого лѣса, расположеннаго передъ самымъ фронтомъ позицiи, всего въ 200 шагахъ, выбѣжали цѣпи венгерской пѣхоты, за ними—резервы и бросились въ стремительную атаку на окопы роты второго полка нашей бригады. Эти роты не выдержали удара и отошли за высоту. Ключъ позицiи былъ очищенъ...

Въ оврагѣ мы ничего не знали о происшедшемъ на фронтѣ. Телефонъ перебило въ нѣсколькихъ мѣстахъ артиллерiйскими снарядами, а посылать людей «для связи» съ передовыми ротами «по тропѣ смерти» изъ оврага на высоту никто не рисковалъ. И вдругъ, совершенно неожиданно, на краю крутого оврага показались сѣрыя шинели австрiйцевъ.

Мнѣ сразу стало ясно, что спасти насъ можетъ только одна быстрота и рѣшительность. Или мы собьемъ австрiйцевъ, или насъ перебьютъ...

Я выскочилъ изъ окопа и крикнулъ: Рота, ко мнѣ! Бей ихъ—ихъ немного! Съ Богомъ, братцы!» Больше пятидесяти выскочили одновременно со

мною и начали карабкаться по крутому скату. Другіе изъ окопа открыли огонь по перебѣгающимъ австрійцамъ. Одною изъ первыхъ пуль былъ убитъ командиръ роты, толстый венгерецъ съ большими усами. Когда мы взобрались на вершину, противникъ уже дрогнулъ, и только незначительная его часть встрѣтила лицомъ къ лицу нашъ штыковой ударъ. Остальные бѣжали, падая по пути.

Я не помню, какъ произошла штыковая схватка, но на мѣстѣ полегло не менѣе пятидесяти труповъ. У меня самого шашка оказалась въ крови, а шинель пробита четырьмя пулями... Не задерживаясь, мы пробѣжали впередъ, на высоту, за отступающими врагами, стрѣляя на ходу. Наша прекрасная артиллерія съ изумительною мѣткостью била по отступающей цѣпи, не давая ей задержаться ни на одну минуту. Такъ добѣжали мы до покинутыхъ тремя ротами окоповъ.

Въ нихъ оказались австрійцы—вперемежку раненые и здоровые, но никто изъ нихъ не стрѣлялъ. Раненый въ голову лейтенантъ сдался вмѣстѣ съ 30 венгерскими стрѣлками и былъ отправленъ мною въ тылъ.

Но не прошло и десяти минутъ, какъ изъ сосѣдняго лѣса вновь загремѣли выстрѣлы, и на нами занятые окопы обрушился ураганъ непріятельскихъ тяжелыхъ снарядовъ. Едва мы успѣли послать начальнику отряда донесеніе объ успѣшномъ занятіи высоты, какъ изъ лѣса снова показались цѣпи противника. Но моя рота не изъ трусливыхъ. Мы молча подпустили ихъ на сто шаговъ и открыли частый огонь. Венгерцы остановились, залегли

и поползли обратно въ лѣсъ, оставивъ въ полѣ массу убитыхъ и раненыхъ. Наступали сумерки, и намъ прислали подкрѣпленіе. Всѣ окопы снова наполнились гарнизономъ, и позиція была прочно закрѣплена въ нашихъ рукахъ...

Тонкая линія краковскаго обложенія съ каждымъ днемъ все сгущалась и усиливалась, и австрійцамъ было необходимо «прощупать» наши резервы, чтобы знать, куда направлять огонь своихъ тяжелыхъ орудій, и чтобы не нарваться на новое пораженіе при неудачной вылазкѣ.

Однажды мы увидѣли совсѣмъ близко надъ собою германскій аэропланъ. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, была подана команда:

— Отличнымъ стрѣлкамъ по свистку пять патроновъ!

Аэропланъ насъ не видитъ и приближается къ холму, разыскивая притаившуюся въ лощинѣ батарею. Командиръ батальона подаетъ рѣзкій свистокъ. Приготовившіеся къ стрѣльбѣ «призовики» начинаютъ обстрѣливать германскую птицу. Авіатору приходится, видимо, несладко. Онъ пытается подняться кверху, но пули продолжаютъ рѣять вокругъ него. Нѣсколько мгновеній, и мы съ несказанною радостью видимъ, какъ ненавистная птица кренится на правое крыло, затѣмъ выпрямляется и скользящимъ спускомъ садится на вспаханное поле въ полуверстѣ отъ насъ. Двѣ маленькія фигурки отдѣляются отъ аэроплана и торопливо бѣгутъ къ сосѣднему лѣску. Но откуда-то выскакиваютъ два казака и пускаются широкимъ наметомъ за убѣгающими. Когда мы, запыхавшись отъ

скорой ходьбы, подходимъ къ уже обезвреженной «Таубе», станичники съ гордостью выводятъ изъ рощи двухъ германскихъ летчиковъ. Одинъ—лейтенантъ, другой — капралъ воздухоплавательнаго батальона крѣпости Торнъ. При нихъ полевыя сумки, бинокли, револьверы и четыре подозрительныхъ предмета въ кожаныхъ чехлахъ съ деревянными ручками. Вѣроятно, бомбы. Все это отбирается, и военноплѣнные подъ конвоемъ отправляются въ штабъ корпуса. Они идутъ злобно, понуривъ головы и оглядываясь исподлобья. Совсѣмъ не похожи на добродушно сдающихся въ плѣнъ жителей веселой Вѣны.

Ежедневныя перестрѣлки и стычки имѣли своимъ результатомъ только то, что передъ фронтомъ нашихъ позицій выросли цѣлыя горы австрійскихъ труповъ, и противникъ отказался отъ серьезнаго перехода въ наступленіе. Началась осада крѣпости, и мы съ удовольствіемъ узнали, что насъ уводятъ въ другомъ направленіи. Земляныя работы надоѣли. Бомбардировка тяжелыми «чемоданами» также перестала напрягать притупившіеся нервы, и намъ страстно захотѣлось полевого боя лицомъ къ лицу съ противникомъ, не укрывающимся въ глубокихъ окопахъ подъ защитою крѣпостныхъ батарей, а смѣло идущимъ намъ навстрѣчу...

На скалахъ.

Высокія скалистыя горы одѣты рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ. Въ мягкомъ пескѣ прорѣзаны глубокія колеи и видны слѣды тысячи солдатскихъ тяжелыхъ сапогъ. За кустарникомъ, окружающимъ древнія развалины рыцарскаго замка, похожаго на кружево, начинается нашъ боевой участокъ.

Темнѣетъ. Молодой мѣсяцъ осторожно выглядываетъ изъ-за горъ, словно боясь освѣтить тихо приближающуюся пѣхотную колонну. Она вьется длинною змѣйкой по лѣсной дорожкѣ, черною лентой кажется на песчаной площадкѣ, обрамленной жидкими сосенками. Никто не позволитъ себѣ закурить папироски, чтобы предательскій огонекъ разжигаемой спички не выдалъ зоркому врагу скрытно подходящаго къ нему батальона.

Мы должны смѣнить полки первой бригады, пять дней простоявшіе на позиціяхъ въ 500 шагахъ отъ противника. Надо дать отдохнуть и этимъ людямъ съ желѣзною силой воли и нечеловѣческою выносливостью. Всякому напряженію есть предѣлъ, переходить который преступно.

У подножья скалистаго хребта насъ ожидаютъ проводники. Каждую роту надо вести совершенно отдѣльно скрытными подступами на свои боевые участки.

Мы выходимъ изъ лѣса. Голые камни, кое-гдѣ сосны и ели. Скользимъ, то одинъ, то другой въ темнотѣ больно стукнется рукою или ногою о выступы скалъ. Звякнетъ котелокъ, и снова наступитъ тишина. Слышно только неровное дыханье двухъ сотенъ уставшихъ людей. Уже недалеко, еще шаговъ триста, и мы на вершинѣ.

Впереди чернѣетъ высокая башня.

— Взобраться на башню можно только по одиночкѣ, узкою лѣстницей въ десять саженъ высоты. Пока ея не разрушила артиллерія, она абсолютно неприступна. Съ нея видно во всѣ стороны на десятки верстъ.

Назначаю надежнаго унтеръ-офицера, даю ему призматическій бинокль и вызываю желающихъ изъ перваго взвода заступать въ первую смѣну. Весь взводъ оказался желающимъ. Но сорокъ человѣкъ много,—не помѣстятся въ казематѣ. Первое и второе отдѣленія забираютъ въ баклажки воду, запасаются сухарями и исчезаютъ за поворотомъ тропинки.

Въ скалахъ выскоблены, высверлены, выдолблены окопы. Невѣроятныхъ трудовъ стоили эти узкія канавки, избороздившія всѣ скаты гранитныхъ громадъ. Въ нихъ устроены блиндажи, укрывающіе отъ шрапнельныхъ пуль, нанесена солома. Никакихъ проволочныхъ загражденій не надо: пока сюда доберется атакующая колонна, она растеряетъ девяносто процентовъ своего состава. Кто доползетъ до окопа, будетъ взятъ голыми руками,—сердце не выдержитъ утомительнаго подъема по кручѣ подъ градомъ ружейнаго огня.

— Когда разсвѣтетъ, вы увидите результаты нашей работы,—говоритъ мнѣ на прощанье командиръ роты.—Результаты эти,—улыбается онъ,—раскиданы по всѣмъ склонамъ хребта. Отовсюду лѣзли, да напоролись, остановились и назадъ. Теперь больше не сунутся, а если осмѣлятся второй разъ попробовать счастье, вы ихъ угостите наславу.

— Постараемся.

Разсвѣтаетъ. Я лежу на брустверѣ окопа и силюсь разсмотрѣть еще неясныя очертанія занятой противникомъ позиціи. Откуда-то доносятся рѣзкіе щелчки австрійскихъ винтовокъ, безсмысленное пусканье шальныхъ пуль на воздухъ, никому не причиняющихъ вреда.

Завѣса тумана раскрывается, и прямо передъ нами видна узкая черточка отлично примѣненнаго къ мѣстности окопа. Отъ него идутъ еле замѣтные ходы сообщенія къ глубокой лощинѣ, гдѣ прячутся резервы. Разстояніе между «ними» и нами пустячное,—гдѣ шестьсотъ, гдѣ пятьсотъ шаговъ. Вѣроятно, я увлекся и неосторожно обнаружилъ себя, потому что рядомъ шлепнулась пуля, за нею другая, и мнѣ пришлось спуститься въ окопъ.

Да, теперь «результаты» работы нашихъ предшественниковъ видны отчетливо. Это—десятки, сотни труповъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, разбросанные по всему пространству между окопами противниковъ. Валяются сѣрыя кепки, кое-гдѣ каски съ мѣдными наконечниками, ружья, сабли офицеровъ блестятъ металлическими ножнами. По трупамъ

ясно видно, какъ наступали австріяки: двумя колоннами, мимо стараго замка и отъ перелѣска.

Да, капитанъ правъ, второй разъ, пожалуй, и не сунутся, особенно днемъ.

Ползкомъ, а гдѣ можно пробѣжать, чуть наклоняясь, бѣгомъ добираюсь до пріютившейся между горами деревушки. Здѣсь нашъ штабъ полка и резервы. Пули летаютъ вдоль по улицамъ, ранятъ случайныхъ прохожихъ. Австрійцы ежедневно выпускаютъ сотни тысячъ патроновъ по всѣмъ направленіямъ, пугая, но никого не запугивая; у насъ, наоборотъ, царитъ тишина. Никакая стрѣльба не разрѣшается безъ ясно опредѣлившейся цѣли. Сильному духомъ вовсе не требуется подбадривать себя безсмысленной перестрѣлкой.

Австрійская артиллерія порою пускаетъ въ деревушку двѣ-три очереди шрапнелей, высоко пестрящихъ въ воздухѣ своими красноватыми разрывами. Иногда грузно бухаетъ около жалкихъ крестьянскихъ хатъ граната тяжелой артиллеріи, способная взорвать на воздухъ хорошій каменный домъ. Дрожатъ стекла, трясется земля, высоко взлетаютъ комья мерзлой пахоты... Но жители, какъ это ни странно, не покидаютъ насиженныхъ мѣстъ, вовсе не боятся австрійской «арматы».

Раненый Спаситель.

На перекресткѣ шоссе и проселочной дороги съ незапамятныхъ временъ стоялъ покосившійся на сторону ветхій деревянный крестъ, окруженный изгородью тѣсно обнявшихся другъ съ другомъ кустовъ шиповника. Старый крестъ многое видѣлъ на своемъ вѣку. Онъ могъ бы немало поразсказать присаживающемуся у его подножія путнику. Но безпощадное время сгладило заботливою рукою вырѣзанныя надписи, и никто не могъ вспомнить, кѣмъ воздвигнутъ этотъ уважаемый всѣми окрестными жителями памятникъ.

Рядомъ стоялъ другой памятникъ—великолѣпно исполненная краковскимъ мастеромъ бронзовая статуя Спасителя. О ней знали несравненно больше—ее поставила тридцать два года тому назадъ пани Ядвига Конаржевска, въ память избавленія отъ смерти единственнаго ея сына, спасеннаго не искусствомъ врачей, а всемогущею Божьею волею.

Высоко поднявъ правую руку, Спаситель благословлялъ и пріютившуюся въ лощинѣ деревушку, и панскій фольваркъ съ весело взбѣжавшимъ на гору фруктовымъ садомъ, и тихій зеленый лѣсокъ, и мирныя пахоти. И кто всматривался съ истиннымъ благоговѣніемъ въ прекрасныя очи Спасителя, тотъ не могъ не воздать должной хвалы дивному мастеру польской первопрестольной. Такъ

благостно было лицо священнаго изваянія: столько ласки лилось отъ него, неосязаемой, но глубоко въ душу проникающей, что невольно успокаивалось мятущееся сердце, разсѣивались сомнѣнія, и, сотворивъ крестное знаменіе, каждый шелъ своею дорогою, положившись всецѣло на волю Олицетвореннаго краковскимъ мастеромъ.

Въ одно ненастное ноябрьское утро на сосѣдней горѣ загремѣла стрѣльба, и тяжелые артиллерійскіе снаряды съ визгомъ и стономъ понеслись черезъ лѣсъ, деревушку и перекрестокъ дорогъ на толпу сѣро-синихъ шинелей, выбѣжавшую изъ кустарника у околицы деревни.

Не прошло двухъ часовъ, какъ фольваркъ господъ Конаржевскихъ запылалъ гигантскимъ костромъ, подожженный огнемъ непріятельскихъ гаубицъ, и съ плачемъ во всѣ стороны побѣжали растерянные, обезумѣвшіе отъ ужаса передъ грознымъ ударомъ, обрушившимся такъ внезапно на ихъ головы, несчастные жители, забывая въ горящей деревнѣ все драгоцѣнное—скотъ, одежду, имущество, даже дѣтей,—и спасая бумажные образа и поломанную старую рухлядь...

Весь день гремѣла перестрѣлка. Рвались высоко въ воздухѣ бѣлыя и красныя облачка шрапнелей, рвали землю гранаты, свистѣли и выли свинцовые шмели. Подъ-вечеръ впервые у подножья священнаго памятника разыгралась кровавая встрѣча. Усатые венгерцы атаковали залегшую у насыпи стрѣлковую роту, но мѣткіе залпы заставили ихъ отступить. На полѣ сраженія остались убитые и тяжело раненые.

Съ наступленіемъ темноты было приказано отвести къ деревнѣ и русскую пѣхоту. Темно-сѣрыя шинели поднялись изъ окоповъ и тихо одна за другой, пригибаясь къ землѣ, чтобы казаться пониже, и ускользнуть отъ предательскаго освѣщенія догорающей деревушки, потянулись къ фольварку. Пули свистѣли по всѣмъ направленіямъ. Шедшій позади другихъ Антонъ Бобовицкій споткнулся, загремѣлъ котелкомъ и грузно упалъ на сырую грязную землю. Ефрейторъ Ковальчукъ посмотрѣлъ на упавшаго, потрогалъ его за плечо и, видя, что тотъ не шевелится, наскоро перекрестился и побѣжалъ догонять свою роту.

Часа черезъ три Бобовицкій пришелъ въ себя. Голова болѣла отъ жестокаго удара пули, рикошетировавшей отъ гранитнаго подножія памятника; чувствовалась во всемъ тѣлѣ какая-то непонятная слабость, и взрослый человѣкъ, самъ отецъ двухъ дома оставленныхъ малютокъ, былъ безпомощнѣе грудного ребенка.

Деревня догорала. Куда ушла рота—Антонъ не могъ догадаться. Онъ зналъ, что его бросили одного въ полѣ, и это гнетущее сознаніе лишало его всякой бодрости.. Что дѣлать, куда итти...

Облака разсѣялись вѣтромъ—и прямо передъ собой Бобовицкій увидѣлъ бронзовое изваяніе, освѣщенное мерцающими на небѣ звѣздами. Онъ поднялся на ноги, оперся на винтовку и, пошатываясь отъ нестерпимой головной боли, добрался до гранитной ступени. Прислонившись къ подножію статуи, раненый уронилъ ружье и вещевой мѣшокъ. Тяжелая дремота закрыла его глаза...

Топотъ коней—близко, близко по шоссе. Рѣзко звякаютъ подковы о камни. Кто это—наши или противники?

Точно электрическій ударъ—сознаніе надвинувшейся опасности. Свѣтло-поздняя луна заливаетъ своимъ блескомъ шоссе и поля. Бѣжать некуда, да и нѣтъ силъ. Спрятаться—но куда? Поздно. Замѣтили...

Шатаясь, Бобовицкій приподнялся на колѣняхъ, всматриваясь вдаль. Въ эту минуту грянулъ выстрѣлъ, и тотчасъ же пуля съ трескомъ ударилась въ подножіе памятника. Разорвалась—и вспыхнула синимъ огонькомъ. Собралъ всѣ силы и всталъ за бронзовой статуей, ища въ ней спасенія отъ безпощадныхъ венгерскихъ гусаръ. Снова сухой трескъ карабина. Бронза дрогнула и застонала отъ удара. Пуля попала въ грудь вылитой въ Краковѣ статуи.

Снова затопали конскія копыта, а вдали на шоссе показались бѣгущія къ перекрестку фигуры: русскій дозоръ замѣтилъ силуэты трехъ конныхъ. Гусары умчались. Стрѣлки подбѣжали какъ-разъ во время, чтобы принять на свои руки вновь потерявшаго сознаніе солдата...

— о —

Русскіе проходили по шоссе, впередъ выславъ развѣдчиковъ. Противникъ отступилъ, очистивъ окопы. Повсюду валялись неубранные трупы, поломанныя винтовки, разстрѣлянныя гильзы, цинковые ящики изъ-подъ патроновъ. Раненые австрійцы жалобно молили о помощи нашихъ санитаровъ.

На перекресткѣ дорогъ головному отряду было

приказано задержаться до подхода казачьей сотни. Рота прилегла на откосѣ шоссейной канавы. Офицеръ вынулъ записную книжку,—свой «фотографическій аппаратъ», какъ онъ называлъ этого неизмѣннаго спутника и хранителя всѣхъ походныхъ впечатлѣній.

— Прекрасная статуя,—съ восхищеніемъ указалъ на Спасителя молодой прапорщикъ.—Но что это съ ней? Смотрите!

Въ груди раненой статуи зіяла огромная пробоина. Тонкая бронза была развернута пулей думъ-думъ какъ-разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ подъ складками мантіи скрывалось сердце Олицетвореннаго краковскимъ мастеромъ.

Пожертвовавшій Собою для спасенія міра пожертвовалъ Своимъ изображеніемъ для спасенія съ вѣрою и мольбою прильнувшаго къ Нему...

Ночная атака.

Передъ фронтомъ нашихъ позицій неглубокая болотистая рѣчка; рѣдкій кустарникъ разбросанъ по топкой равнинѣ; двѣ жалкія деревушки окружены со всѣхъ сторонъ огромными лужами, разсадниками маляріи. Вотъ на этихъ-то болотахъ разыгралась, не далѣе какъ вчера, одна изъ кровопролитнѣйшихъ сценъ настоящей кампаніи.

Три роты нашего полка занимали правую деревушку Рембовъ, раскинувшись отъ нея по берегу рѣки до сосѣдняго богатаго села; слѣва заняли окопы у самой воды четыре роты второго полка нашей бригады. Темныя, безлунныя ночи, близость зоркаго противника,—все заставляло быть на чеку. Часовые не присаживались ни на минуту; секреты, засѣвшіе въ ямкахъ близъ самаго берега, чутко прислушивались къ каждому шороху по ту сторону рѣчки; люди въ окопахъ бодрствовали до разсвѣта, не позволяя другъ другу дремать. Такъ было на нашемъ участкѣ.

Въ одно далеко не прекрасное утро, въ туманѣ седьмого часа, когда еще темнѣе, чѣмъ ночью, густая колонна противника пробралась въ бродъ черезъ рѣчку и совершенно незамѣченной подошла съ тыла къ окопамъ нашихъ сосѣдей. У нихъ вспыхнулъ безпорядочный ружейный огонь, и сразу оборвался. Слышны были нестройные крики «ура», сигналы на австрійскихъ рожкахъ и далеко

разносившійся по рѣкѣ шумъ рукопашной схватки съ одиночными выстрѣлами, стонами, командами и свистками.

Посланный на развѣдку дозоръ скоро возвратился обратно и доложилъ, что сосѣдняя рота чернаго полка отступила, а частью забрана въ плѣнъ, что въ окопахъ засѣли австрійцы въ сѣрыхъ шинеляхъ и между ними германцы въ каскахъ съ мѣдными наконечниками.

Намъ приходилось оборонять свою позицію въ самомъ невыгодномъ направленіи: слѣва ей угрожалъ обходъ, а какъ-разъ на этомъ участкѣ не было никакихъ окоповъ. Быстро мы перемѣнили фронтъ и заработала лопата. Черезъ полчаса выросла канавка съ небольшимъ брустверомъ, прикрытіемъ скорѣе моральнымъ и крайне ненадежнымъ противъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Словно зная о невыгодныхъ сторонахъ нашей позиціи, противникъ, отлично пристрѣлявшійся заранѣе, обрушилъ на насъ ураганный огонь своей тяжелой артиллеріи. Застонали, завыли гранаты, загудѣла, задрожала земля отъ ударовъ фугасныхъ бомбъ. Загорѣлись два крайніе дома и ярко освѣтили прилегающій участокъ болотистой низины. Наши полуразрушенные окопы стали отчетливо видны противнику, накопившемуся за это время значительными силами въ сосѣдней деревушкѣ, и онъ направилъ на насъ прицѣльный ружейный и пулеметный огонь.

Держаться стало немыслимо. Люди падали одинъ за другимъ. Только отличная дисциплина, крѣпкая спайка обстрѣляннаго во многихъ бояхъ полка и

вѣра въ своихъ офицеровъ предотвращали гибельную панику.

— По одному во взводахъ отходить на перекрестокъ дорогъ, занимать окопы за сараемъ!

Взводные уходятъ послѣдними. Я ухожу тогда, когда вся рота, подобравъ раненыхъ, перешла на новую позицію.

Выхожу изъ окопа и бѣгу въ горку по размытой землѣ. Сзади трещатъ учащенные выстрѣлы, и пули падаютъ у самыхъ ногъ. Еще шаговъ сто—и я въ окопѣ.

— Слава Богу, ваш—бродь, теперь и вы здѣсь. А то боязно было—неровенъ часъ... Насъ уже слѣва обходятъ, вотъ изъ-за лѣсочка.

Смотрю въ бинокль: дѣйствительно, отъ лѣсочка къ намъ переползаетъ сѣрая цѣпь, пока еще не открывающая огня.

— Загните лѣвый флангъ назадъ и окопайтесь.

Снова противное «ж-ж-ж». Летитъ шрапнель. Трескъ разрыва—и снопъ пуль падаетъ вокругъ насъ, прижимающихся къ землѣ.

— Савельева ранили!

— Дойдешь одинъ?

— Дойду, только перевяжутъ пускай. Кость цѣла.

Рота понемногу таетъ, а австрійцы еще далеко. Стрѣлять не стоитъ. Патроновъ жаль.

Вдругъ отъ домовъ отдѣляются одна за другой двѣ цѣпи и бѣгутъ прямо на нашъ окопъ, неуклюже размахиваютъ руками, спотыкаются.

— Постоянный, цѣлься въ колѣно, часто—начинай!

Послѣднія слова тонутъ въ шумѣ частой стрѣльбы. Никто не обращаетъ вниманія на пули, шлепающіяся въ нашъ окопъ, на гудящіе снаряды: всѣ заняты однимъ, какъ бы побольше ухлопать австрійцевъ.

— Остановились, проклятые!

Взводный правъ. Цѣпи залегли и стали окапываться. Часть поползла назадъ, но много раскинуто по полю.

— Бей ихъ, молодцы, не давай рыть окопы!

Но это съ успѣхомъ исполняетъ наша артиллерія, прекрасная помощница пѣхоты.

Зоркіе наблюдатели замѣтили наступленіе и обсыпали противника градомъ шрапнелей. Онъ лежитъ совершенно открыто и потери его несомнѣнно велики.

— Не выдержали, анаѳемы!

По окопу радостно гудятъ голоса, стрѣльба стихаетъ. Австрійцы отползли назадъ, къ горящей деревнѣ. Наступленіе кончилось печально—человѣкъ сто осталось на полѣ боя.

— Какъ на лѣвомъ флангѣ? Спроси.

— Держатся, ваш-бродь,—является черезъ четверть часа посланный мною ординарецъ.

Тамъ передъ флангомъ болото. Окопались. Удержатся, дасъ Богъ.

Десять часовъ только,—впереди цѣлый день боя. Что-то онъ принесетъ намъ?

— Окапывайся глубже! Грунтъ мягкій.

Людей понукать не приходится. Окопъ растетъ, и скоро въ немъ можно безопасно выжидать подхода подкрѣпленій, обѣщанныхъ командиромъ.

Солдаты грызутъ сухари.

— Кипяточку бы, ваш-сок-бродь!

Сказалъ, и самъ смѣется. Какой тамъ кипяточекъ! Бой во всемъ разгарѣ, по всему фронту гремитъ артиллерія, пули проносятся надъ нашими головами; часовые, укрытые мѣшками съ землей, пристально осматриваются вокругъ.

— Приказаніе принесъ, ваш-сок-бродь!

Весь мокрый и грязный—видно, долго ползъ по сырой землѣ—посыльный командира полка.

Протягиваетъ записку:

«Удерживайте во что бы то ни стало перекрестокъ дорогъ. Съ наступленіемъ сумерекъ четвертый батальонъ атакуетъ деревню отъ лѣса, а ваши роты поддержатъ атаку огнемъ; на селеніе К—въ пойдутъ три батальона чернаго полка. Отступленія съ вашей позиціи быть не можетъ».

Смотрю на часы—одиннадцать. Помоги, Господи, продержаться до вечера...

И продержались. Цѣлый день громили насъ тяжелыми снарядами, но они то перелетали, то недолетали и лишь взрывали вязкую, глинистую почву. Солнце начало клониться къ закату. Перестрѣлка ослабѣвала. Два раза отбитый, противникъ уже не могъ атаковать насъ по открытому, неудобному для перебѣжекъ, пространству.

Деревня продолжала горѣть.

Темнѣло, и багровое пламя то взметалось высоко къ небу, то лизало крыши сосѣднихъ сѣноваловъ, то выбивалось изъ оконъ и дверей каменныхъ «халупъ». При отблескахъ пожара были видны черные силуэты перебѣгающихъ жителей, спасающихъ

остатки домашняго скарба, и группы непріятельскихъ солдатъ.

Подулъ рѣзкій вѣтеръ.

— А холодно, небось, теперь австріяку: онъ, вѣдь, по поясъ мокрый!

Когда мы вспомнили, что австрійцы дѣйствительно вымокли въ рѣчкѣ по поясъ,—намъ стало ясно, что успѣхъ атаки обезпеченъ.

— Они грѣются у огня, ваш-сок-бродь!

И при свѣтѣ пожарища были видны тѣни топчущихся на мѣстѣ фигуръ. Только часовые оставались въ окопахъ и методически посылали въ нашу сторону по одной разрывной пулѣ черезъ каждыя десять секундъ.

— Спугнуть бы ихъ, самое время!

— Подождемъ. Еще рано. Пусть сидятъ себѣ тихо, ничего не ждутъ, а наши ихъ сразу атакуютъ со всѣхъ сторонъ.

Сзади слышится шумъ, подходитъ къ намъ на поддержку рота. Несутъ два пулемета.

— Нашего полку прибыло, братцы!

Атака назначена ровно въ шесть часовъ вечера.

Стрѣлка движется медленно, медленно...

Безъ пяти минутъ шесть мы готовимся открыть сильнѣйшій огонь по деревнѣ, чтобы привлечь на себя вниманіе непріятеля.

— Пулеметы—огонь! Во взводахъ, часто—начинай!

Вся линія окоповъ озаряется огоньками выстрѣловъ, тысячи пуль летятъ на занятую противникомъ деревню. Отвѣтныхъ выстрѣловъ почти нѣтъ, всѣ спрятались за дома или залегли въ окопахъ.

Слѣва слышится «ура»,—пошли въ атаку три батальона чернаго полка.

Что же наши не идутъ? Уже шесть...

И вдругъ совсѣмъ близко отъ насъ, въ темнотѣ невидимые, раздаются громкіе крики «ура».

Свистокъ. Нашъ огонь прекращенъ.

— Впередъ, въ атаку, ребята!

Бѣжимъ всею массой впередъ, на горящую деревню; оттуда выбѣгаютъ во всѣ стороны черныя фигуры, стрѣляя на ходу.

Окопы очищены...

— Впередъ, на деревню!

Вбѣгаемъ на площадь, «ура» гремитъ со всѣхъ сторонъ. Обезумѣвшихъ отъ страха австрійцевъ прижали къ стѣнамъ, и они побросали винтовки и сдаются цѣлыми сотнями. Немногіе рискнули убѣжать по болоту къ рѣкѣ. Шесть офицеровъ захвачены въ «халупахъ», гдѣ они грѣлись у огней. Лошади вьючныя, два пулемета—наша добыча...

— Разберите плѣнныхъ и ведите къ штабу полка.

Радостныя, возбужденныя успѣхомъ лица у всѣхъ участниковъ боя.

— Сосѣдняя деревня тоже занята нашими!

Все совершилось въ какія-нибудь пятнадцать минутъ, и снова затихло. На этомъ берегу болотистой рѣчки не осталось ни одного вооруженнаго непріятеля. Забившихся въ подвалы извлекаютъ со смѣхомъ и тащутъ въ общую колонну. 465 человѣкъ при шести офицерахъ... Тѣ стоятъ отдѣльно, мрачно опустивъ головы. Еще мрачнѣе десятокъ германскихъ унтеръ-офицеровъ въ остро-

конечныхъ каскахъ, присланныхъ инструкторами въ австрійскіе ландверные полки. Они, словно затравленные звѣри, дико осматриваются вокругъ. И отношеніе къ нимъ нашихъ солдатъ рѣзко отличается отъ любезнаго, покровительственнаго ихъ отношенія къ австрійцамъ.

— Ну, вы, нѣмцы проклятые,—ровнчйся!

Построили по-четыре и ведутъ, оцѣпивъ со всѣхъ сторонъ конвойными.

Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ.

Переправившіеся съ боемъ черезъ рѣку герои меньше всего похожи на героевъ. Имъ холодно, промокшимъ до пояса, имъ хочется ѣсть.

И они радостно идутъ въ плѣнъ, туда, гдѣ ихъ накормятъ и обсушатъ.

А мы занимаемъ свои старые окопы и высылаемъ впередъ ночные секреты и дозоры.

— Пожалуйте снова къ намъ, въ гости.

Но теперь уже не сунутся. Изъ переправившихся трехъ батальоновъ 54-го полка болѣе тысячи двухсотъ человѣкъ въ плѣну, взято 15 офицеровъ, шесть пулеметовъ, восемь лошадей. Сотни убитыхъ и раненыхъ валяются еще въ полѣ и на улицахъ.

Нѣтъ, больше не сунутся,—по крайней мѣрѣ, на этомъ участкѣ.

Лишняя славная страничка въ лѣтописи суворовскихъ гренадеръ.

Свѣжая кровь.

— Ура, гренадеры!
Ура, молодцы!
Намъ славные примѣры
Оставили отцы!

Рано утромъ звонкая пѣсня рвется въ еще закрытое окно. Скорѣе распахнуть его настежъ. Какіе молодцы!.. Какіе чудо-богатыри! Мѣрный шагъ отчетливъ на еще влажныхъ отъ росы булыжникахъ мостовой. Высоко подняты головы,—видимо, самимъ лестно пройти съ шикомъ по городу, на показъ штабу арміи. Жаль, что тотъ спитъ еще, переутомившійся за ночь спѣшной работы...

Впереди юноша лѣтъ девятнадцати. Фуражка на бекрень. Въ рукахъ стекъ—машетъ имъ въ тактъ и подсчитываетъ подъ ногу:

—Разъ—два, ать—два!

Хочется ему, чтобы его вторая рота прошла лучше первой подъ окнами сѣдого генерала, туркестантскаго строевого вождя, нынѣ командующаго арміей. И знаетъ юноша, что генералъ смотритъ въ окно сквозь занавѣску—такова его привычка—не пропустить ни одной строевой части.

Съ гордостью, всѣмъ новичкамъ говоритъ генералъ, похожій на Тараса Бульбу и сложеніемъ богатырскимъ и духомъ:

— Никогда я въ штабахъ не служилъ, а потому знаю, что надо солдату. Вотъ что:

И слѣдуютъ простыя, краткія, на вѣки въ сердце врѣзающіяся наставленія:

— Любите его больше себя, заботьтесь о немъ всею душою, старайтесь служить ему личнымъ примѣромъ, будьте строги и въ строгости справедливы. Владѣйте собою. Твердые духомъ, сильные волею побѣдятъ весь міръ! Богъ, Царь и Россія! «Ура»...

Это вчера еще говорилъ безусому прапорщику сѣдой «дѣдъ», улыбаясь ласковыми глазами изъ-подъ суровыхъ бровей.

И рота за ротой, одна лучше другой, съ молодецкой пѣсней, поглядывая на окно, гдѣ колеблется занавѣска, исчезаютъ за поворотомъ. Издали слышится лихой присвистъ и долетаетъ припѣвъ:

— Смерти не страшусь,
Нѣмца не боюсь,
Радостно я лягу,
За Царя, за Русь!

Вѣрю вамъ, родные, неизвѣстные мнѣ братья: ни тѣни сомнѣнія нѣтъ у меня, что вы сумѣете исполнить свой долгъ, безъ трепета вступите въ ряды наши, порѣдѣлые, за послѣднее время. Вы молоды, полны свѣжихъ силъ, дышете воздухомъ уже близкихъ боевыхъ полей, съ юнымъ восторгомъ; гулъ артиллерійской перестрѣлки зоветъ васъ впередъ, туда, гдѣ дымятся только-что подожженныя варварскою рукою русскія погранич-

ныя села... Съ Богомъ, товарищи, прибавьте шагу! Армія ждетъ васъ.

Свѣжая кровь вливается съ вами въ наши жилы. Мы утомились, хотя духомъ и не ослабѣли. Въ васъ почерпнемъ мы новую мощь и снова занесемъ мечъ надъ тевтонской броней.

Каждый день я вижу на перекресткѣ трехъ направленій эти маршевыя роты, идущія въ свои корпуса. Разныхъ губерній, разныхъ призывовъ, разныхъ сроковъ обученія,—въ одномъ онѣ одинаковы совершенно, это—въ горячемъ желаніи поскорѣе отомстить врагу за все причиненное имъ нашей родинѣ.

Съ захватывающимъ интересомъ разспрашиваютъ молодцы о происходящемъ на фронтѣ:

— А знатно, говорятъ, ему вчера наклали подъ Люблиномъ?

И радуются, забывая всякую усталость, когда имъ объясняютъ, что противникъ вынужденъ былъ пріостановиться и даже на нѣкоторыхъ участкахъ отойти, потерявъ 15,000 плѣнныхъ за одинъ день боя.

— Мы ему еще не такую тютю покажемъ,—смѣются будущіе гренадеры, подравниваясь на ходу. А господа взводные, бывалый народъ, многіе съ крестами, покровительственно «осаживаютъ» молодыхъ:

— Ладно, покажемъ еще! Ровняйся чище, зеленые!

Послѣ обѣда на этапѣ маршевыя команды и роты уже не пройдутъ безъ того, чтобы не попасться на глаза командующему арміей. Видный, широкоплечій, съ двумя георгіями, онъ внимательно про-

пускаетъ мимо себя пополненія и громкимъ, звучнымъ голосомъ бросаетъ имъ привѣтъ:

— Здорово, молодцы!

Стоитъ посмотрѣть, какъ лихо отвѣчаютъ ему запыленные усталые люди, чтобы понять ихъ настроеніе. Только поведи ихъ въ бой,—они себя покажутъ.

И свѣжая кровь льется струйка за струйкой, рота за ротой, въ жилы арміи. Сердце радуется при видѣ прибывающихъ пополненій. Они несутъ намъ привѣтъ Россіи, и съ ихъ прибытіемъ наши полки смогутъ вновь перейти въ наступленіе.

Я пишу эти строки, а за окномъ снова слышенъ мѣрный топотъ тысячи ногъ и запѣвала выводитъ тонкимъ теноркомъ:

— Похвалялся царь нѣмецкій
Въ землю русскую войти...

И хоръ молодыхъ голосовъ звонко подхватываетъ припѣвъ, по цензурнымъ условіямъ мною скромно опускаемый.

Пули думъ-думъ.

Русское общество, напряженно вслушивающееся и вдумывающееся въ доходящія съ театра кампаніи извѣстія, давно уже освѣдомлено о подлыхъ, недостойныхъ культурныхъ націй, способахъ веденія войны нашими противниками. Для него не новость, что и нѣмцы, и австрійцы широко примѣняютъ отравленіе колодцевъ мышьякомъ при отступленіи, прикалываютъ раненыхъ и стрѣляютъ разрывными пулями, строжайше воспрещенными женевской конвенціей. Но позвольте мнѣ, не какъ журналисту, а какъ ротному командиру гренадеръ, раненыхъ пулями «думъ-думъ» австрійскаго правительственнаго заготовленія сказать нѣсколько словъ объ этомъ оружіи негодяевъ.

Года два тому назадъ, я ѣхалъ изъ Болгаріи въ Россію, по окончаніи перваго періода балканской войны. Отъ Чаталджи до Лозенграда моимъ спутникомъ былъ военный врачъ австрійской арміи, докторъ медицины, чехъ по происхожденію и большой руссофилъ. Мы бесѣдовали о холерѣ, о жертвахъ войны, и разговоръ нашъ случайно перешелъ на спиливаніе головокъ одѣтыхъ въ никкелевую оболочку свинцовыхъ пуль, примѣнявшееся турками и обращавшее простыя манлихеровскія пули въ разрывныя типа «думъ-думъ». Словоохотливый докторъ повѣдалъ мнѣ, что австрійское прави-

тельство подъ величайшимъ секретомъ производило въ 1911 г. опыты съ усовершенствованными разрывными пулями, дѣйствующими при попаданіи въ тѣло противника, какъ маленькая граната. Опыты, на которыхъ присутствовали всѣ военные и медицинскіе авторитеты Вѣны, оказались успѣшными, и правительство приступило къ массовому изготовленію разрывныхъ пуль системы военнаго инженера полковника Крейтца (если память мнѣ не измѣняетъ), образца 1912 г.

Я не повѣрилъ было разсказчику, но такъ какъ добродушный чехъ поклялся въ справедливости своихъ словъ и вполнѣ искренно негодовалъ на человѣконенавистничество нынѣ покойнаго эрцгерцога, настоявшаго на вооруженіи арміи пулями «думъ-думъ», я занесъ слова доктора въ записную книжку.

Прошло два года, и достовѣрность этихъ слуховъ провѣрили на себѣ солдаты и офицеры корпусовъ, выдвинутыхъ на западные театры кампаніи. Все, что разсказывалъ мнѣ австрійскій военный врачъ, все это, увы!—полностью подтвердилось...

Въ первомъ же боевомъ столкновеніи русскихъ войскъ съ австрійскими подъ Бѣлгораемъ и Замостьемъ наши слабыя численностью, но сильныя духомъ войска опрокинули противника и забрали немалое число трофеевъ и плѣнныхъ. Въ ихъ патронныхъ сумкахъ оказались пули двухъ типовъ—обыкновенныя, въ бѣлой никелевой оболочкѣ, и разрывныя, отличающіяся отъ первыхъ большею длиною пули и розоватымъ отливомъ оболочки, отравленной сѣрною кислотой. Первыя были по

пяти штукъ вложены въ обоймы, вторыя—заключены въ отдѣльныя бумажныя пачки.

Въ то же время стали замѣчаться частые случаи смертельнаго исхода простыхъ, повидимому, пораненій, обыкновенно относимыхъ къ разряду легкихъ, благодаря зараженію крови, а также чудовищныя раны въ грудь и животъ, при чемъ пуля разрывалась при ударѣ о тѣло и мелкими частями своими буквально дробила всѣ внутренніе органы раненаго. Послѣднее офиціально запротоколено приказомъ по арміи.

Плѣнные не могли дать мнѣ мало-мальски сносныхъ объясненій по поводу разрывныхъ пуль. Одни говорили, что ихъ выдаютъ лучшимъ стрѣлкамъ для дистанціонной пристрѣлки, другіе—для самообороны противъ конницы и т. д. Но добровольно сдавшійся въ бою подъ Веселовцемъ чехъ, капралъ 11-го полка ландвера, открылъ мнѣ, что «эксплозивсъ—патроны» предназначены для стрѣльбы съ близкихъ разстояній по офицерамъ, дабы раненые умирали, а не возвращались въ строй, и что въ пулеметныхъ лентахъ ихъ изрядный процентъ.

Дѣйствительно, при позорномъ бѣгствѣ томашовской арміи австрійцевъ, нами было захвачено множество парковъ, артиллерійскихъ зарядныхъ ящиковъ и патронныхъ двуколокъ. Въ нихъ оказались пулеметныя ленты, цѣликомъ набитыя разрывными пулями; ящики такихъ же патроновъ были найдены въ ямахъ, увѣнчанныхъ крестами и подъ видомъ могилъ скрывавшихъ огнестрѣльные

припасы, которые отступающій противникъ не успѣлъ увезти.

Отрицать употребленіе австрійцами пуль «думъ-думъ» стало невозможнымъ съ той поры, какъ тысячи этихъ пуль поступили въ наше распоряженіе. Мы съ интересомъ занялись изученіемъ этого «послѣдняго слова военной техники», хотя наука и стоила не дешево. У многихъ оказались обожженными случайными взрывами пуль руки и лица, а у одного гренадера оторванъ палецъ.

Пуля разрывная имѣетъ внутри своей свинцово-никелевой оболочки остроумный механизмъ, состоящій изъ заряда сильно-взрывчатаго вещества, пистона, ударника и надавливающаго на него грузика въ лапчатомъ зажимѣ. При выстрѣлѣ отъ толчка ударникъ взводится, а при попаданіи вслѣдствіе инерціи ударяется по пистону и воспламеняетъ зарядъ, разрывающій оболочку на мельчайшія части, заражающія кровь раненаго. У меня хранится цѣлая пачка австрійскихъ «ружейныхъ гранатъ». На нихъ возлагались такія надежды, что, пожалуй, даже жаль бѣдныхъ австрійскихъ генераловъ, жестоко обманувшихся въ расчетахъ запугать русскую армію.

Германскія разрывныя пули несравненно проще. Это обыкновенныя пули со спиленной оболочкой на концѣ оживальной головки, при ударѣ деформирующіяся въ видѣ гриба и дробящія кости и мускулы. До ружейныхъ гранатъ тевтоны еще не додумались...

Послѣ заключенія мира мы не протянемъ нашему противнику руки для традиціоннаго пожатія. Онъ

недостоинъ этого символическаго признанія его противникомъ уважаемымъ. Содѣянное швабами и тевтонами пусть на вѣки вѣковъ ляжетъ на нихъ неизгладимымъ пятномъ. Презрѣвшіе основные принципы гуманности, свято чтимые всѣмъ культурнымъ міромъ, изъ числа народовъ культурныхъ должны быть безжалостно вычеркнуты..

Истязатели.

Вчера въ штабъ нашего полка доставили на носилкахъ умирающаго унтеръ-офицера одного изъ Сибирскихъ полковъ, молодцоватаго высокаго брюнета. На всѣ разспросы онъ едва отвѣчалъ слабымъ голосомъ, поминутно прося пить и теряя сознаніе. Утромъ сегодня его не стало... Миръ праху твоему, вѣрный слуга родины!

То, что выяснилось изъ безхитростнаго разсказа умирающаго человѣка, достойно быть опубликованнымъ во всеобщее свѣдѣніе.

Въ первыхъ числахъ марта рота одного изъ нашихъ доблестныхъ полковъ была ночью со всѣхъ сторонъ окружена противникомъ и въ неравномъ бою погибла. Нѣсколько отчаянно сопротивлявшихся героевъ были израненными взяты въ плѣнъ, и среди нихъ попался въ руки австрійцевъ, вѣрнѣе, венгерцевъ, и унтеръ-офицеръ Т. Командиръ гонведнаго батальона приказалъ плѣнныхъ на мѣстѣ не перевязывать, а немедленно отвести въ тылъ. Въ эту минуту онъ замѣтилъ въ окопѣ телефонный аппаратъ и рѣшилъ имъ воспользоваться, чтобы ввести въ заблужденіе наши войска, вызвать поддержку на гору, занятую венгерцами, и взять ее въ плѣнъ внезапнымъ нападеніемъ.

Телефонистъ былъ захваченъ также съ остатками роты. По-малороссійски къ нему обратился

Фендрикъ, младшій офицеръ роты венгерцевъ, и приказалъ передать въ штабъ полка, чтобы на эту высоту прислали подкрѣпленіе, хотя «атака и отбита». Но телефонистъ, видя ловушку, передалъ по телефону слѣдующее:

— Въ редутѣ третьей роты австрійцы!

Обозлившійся офицеръ пристрѣлилъ героя изъ револьвера, а солдаты начали колоть его штыками, пока тотъ не умеръ.

Нашихъ плѣнныхъ—человѣкъ десять—погнали толпою въ тылъ; сзади раздались выстрѣлы,—это прикончили тѣхъ, кто не могъ итти.

Прошли три версты и загнали всѣхъ въ пустой сарай и заперли на замокъ. Двое сутокъ не давали ничего ни ѣсть, ни пить. На третьи принесли по кружкѣ прокисшей похлебки и по куску заплесневѣлаго хлѣба. Раны у многихъ стали причинять страданія, но никто ихъ не перевязалъ.

На четвертый день плѣнныхъ, еле живыхъ отъ голода и изнеможенія, вывели изъ сарая и поручили ихъ отвести на станцію желѣзной дороги тремъ евреямъ, вооруженнымъ револьверами, очевидно, милиціонерамъ, потому что на нихъ не было никакой формы.

Для острастки, чтобы плѣнные не разбѣгались, а можетъ быть и для уменьшенія хлопотъ, на первомъ же переходѣ конвоиры пристрѣлили раненаго въ ногу вольноопредѣляющагося, отставшаго отъ партіи, и грозили тѣмъ же всѣмъ остальнымъ. Хуже другихъ держалъ себя одинъ русскій еврей, глумившійся надъ плѣнными и хваставшій, что онъ «не дуракъ, въ русской арміи служить,

убѣжалъ еще подъ Замостьемъ и теперь 30 рублей въ мѣсяцъ имѣетъ одного жалованья». Этотъ еврей избилъ въ кровь раненаго ефрейтора за то, что тотъ попросилъ у хозяина халупы принести ему воды напиться.

На второмъ переходѣ унтеръ-офицеръ Т. и двое его товарищей уговорились, какъ пойдутъ лѣскомъ, навалиться на конвойныхъ и отнять револьверы, а потомъ бѣжать. Но выполнить планъ было трудно. Евреи шли по сторонамъ, съ револьверами въ рукахъ. Наконецъ, на одномъ привалѣ троимъ удалось незамѣтно подползти кустами къ старшему изъ конвойныхъ и оглушить его камнемъ по головѣ. Поднялась перестрѣлка, конвойные были обезоружены и въ свою очередь пристрѣлены, и наши плѣнные скрылись въ лѣсу.

Чтобы успѣшнѣе пробраться къ своимъ, они разбились на мелкія группы. Шли ночью, днемъ прятались. Ѣсть было нечего,—развѣ что можно было выпросить у жителей.

Черезъ четыре дня скитаній Т. и его товарищъ пробрались сквозь сторожевое охраненіе .противника и попали въ наше расположеніе. Но было уже поздно. Несчастный унтеръ-офицеръ, истощенный голодомъ, потерею крови и воспаленіемъ ранъ, былъ уже при смерти....

Въ то время, когда въ нашей склонной къ всепрощенію странѣ съ плѣнными нянчатся, задаривая ихъ папиросами и булками, возятъ ихъ въ классныхъ вагонахъ и всячески стараются доказать свою «гуманность»,—нашихъ плѣнныхъ противникъ обрекаетъ на самое гнусное глумленіе,

издѣвается надъ ними, моритъ ихъ голодомъ и даже не перевязываетъ ранъ. И невольно хочется крикнуть на всю Россію изъ нашихъ далекихъ окоповъ:

— Воздайте имъ око за око! Знайте, что наши братья—мученики въ лапахъ противника! Перестаньте миндальничать съ тѣми сотнями тысячъ негодяевъ, которые правильно учли русскую мягкотѣлую гуманность и въ разсчетѣ на нее рѣжутъ русскихъ людей, попавшихъ въ ихъ руки, стрѣляютъ разрывными пулями въ упоръ, злоупотребляютъ бѣлымъ флагомъ, насилуютъ взятыхъ ими въ плѣнъ сестеръ милосердія, а потомъ идутъ отдыхать въ объятіяхъ русскихъ «гуманистовъ»...

Изъ германскаго плѣна.

Передъ командиромъ гвардейскаго полка стоитъ молодцеватый взводный со свѣженькимъ георгіевскимъ крестомъ на груди. Радость возвращенія въ родной полкъ такъ и сіяетъ на его открытомъ лицѣ. Разсказываетъ оживленно, отлично справляясь съ висящей тутъ же на стѣнкѣ десятиверстной картой и показывая на ней весь свой путь отъ Мазурскихъ озеръ и до выхода на русское сторожевое охраненіе.

Адъютантъ записываетъ разсказъ старшаго унтеръ-офицера 8 роты Муханова для исторіи полка.

— Въ бою подъ Опатовымъ 29 сентября прошлаго года пришлось нашей ротѣ отходить подъ натискомъ германцевъ. Обошли они насъ тогда съ фланга, и далеко въ тылъ пробралась ихняя конница. Шли мы въ полномъ порядкѣ, отстрѣливаясь.

Рота ушла, а мы все это исполнили, стали догонять уже подъ сильнымъ обстрѣломъ. Бѣжимъ по кустарнику въ догонку, а по намъ залпъ справа. Петрова убили. Меня ранили въ ногу—не уйти. Легъ я въ кустахъ, думаю схорониться и ночью уползти. Но не удалось,—ихъ дозорные видѣли, что насъ двое было, нашли Петрова, а послѣ и меня. Увидѣли, что я раненый, оставили лежать безъ перевязки и пошли дальше. Но тутъ поля-

чекъ, тоже солдатъ ихній, надо мною сжалился, вернулся, перевязалъ мнѣ моимъ же пакетомъ ногу и прислалъ товарищей поляковъ санитаровъ изъ роты. Принесли меня прямо въ городокъ. Тамъ жиды хотѣли меня забить камнями, и другихъ раненыхъ тоже, но поляки не только не дали, а даже жидовъ поколотили изъ-за насъ.

Положили насъ въ домѣ какого-то купца, прямо на полу,—много набралось раненыхъ,—и оставили безъ пищи и перевязокъ цѣлыхъ два дня. Приходили къ намъ докторъ съ фельдшеромъ, но вмѣсто помощи пожелали, «чтобы вамъ скорѣе подохнуть, русскія свиньи», и отобрали у раненыхъ деньги и вещи. Съ полковника одного, умиравшаго отъ раны въ грудь, стянули сапоги и толкали его, словно чучело, такъ что тотъ стоналъ на весь домъ.

Потомъ, уже черезъ два дня, явились ихніе лазареты. Насъ перенесли въ церковь православную, гдѣ устроили госпиталь для русскихъ. Но безобразно вели себя нѣмцы: курили въ самомъ алтарѣ, рылись въ священной утвари, уносили съ престола дарохранительницу и кресты, пѣли по-своему во все горло. Отъ такого срама рады мы были, когда повезли насъ въ скотскихъ нечищенныхъ вагонахъ подъ самый Берлинъ, въ городокъ Губенъ.

Ужъ не буду разсказывать, какъ туго пришлось намъ въ дорогѣ, какъ били конвойные даже раненыхъ. Женщины ихнія—чистое звѣрье. На станціи воды просишь, а она несетъ тебѣ кипятку и хохочетъ, плеснетъ кипяткомъ въ раненаго и убѣжитъ... А у насъ въ Россіи такъ все еще нянчатся съ этой сволочью—плѣнными непріятель-

скими. Ну, Богъ дастъ, я за себя и товарищей замученныхъ въ сто разъ чище вымещу въ свое время!

Началось для насъ въ Губенѣ тяжелое за рѣшеткой житье. Шинели и исправные сапоги отобрали, загнали въ баракъ изъ тонкихъ досокъ, безъ печей и подстилки, хуже скота, за проволочную сѣть, никуда не выпускали, били на каждомъ шагу и все хвалились своими побѣдами. Кормили жидкимъ кофеемъ безъ сахару, похлебкой изъ падали какой-то, кукурузной мукой. Начали люди помирать отъ голода и цынги, такъ они умирающихъ оставляли безъ помощи, издѣвались надъ ними до смерти, а потомъ трупы не убирали изъ сарая по три дня!

Сидѣло насъ русскихъ въ Губенѣ, въ двухъ лагеряхъ, около десяти тысячъ, а иностранцевъ не было. Въ апрѣлѣ вызвали желающихъ итти на полевыя работы. Пришли нѣсколько нашихъ солдатъ изъ евреевъ и стали насъ уговаривать итти на работы, хорошо, дескать, кормить будутъ, и деньги платятъ. А наши не соглашаются: не будемъ нѣмцу служить, хоть убей насъ всѣхъ!

Стали тогда усмирять нашъ якобы «бунтъ». Увели взводныхъ, обѣщали разстрѣлять, пересѣкли чуть ли не половину барака, а все не соглашаемся. Тогда бросили насъ, и сократили порцію еще на половину, такъ что никакъ нельзя существовать. Посылки и раньше не приходили почти, всѣ себѣ забирали конвойные, а тутъ покажутъ посылку, письмомъ подразнятъ, и на глазахъ разорвутъ вѣ-

сточку съ родины, а вещи себѣ заберутъ. А ты не пикни, а то штыкомъ въ бокъ такъ и пырнутъ...

Наступилъ іюнь. Видно, послѣднія усилія напрягли нѣмцы для войны, даже караулъ сократили у лагерей въ три раза, и винтовокъ у нихъ стало меньше. Часовые имѣли по одной винтовкѣ на постъ и ее другъ другу при смѣнѣ передавали. Разсказывали намъ, что всѣхъ здоровыхъ изъ гарнизона забрали, а прислали взамѣнъ калѣкъ и забракованныхъ слабосильныхъ для окарауливанія плѣнныхъ и складовъ. Обрадовались мы, это узнавши, и забыли все свое горе. Думаемъ, скоро конецъ нѣмцу.

Въ началѣ іюля вдругъ вывели всѣхъ изъ лагерей и стали вызывать желающихъ на работы. Мы пошептались между собой и рѣшили—не мѣшать становиться на полевыя работы тѣмъ, кто хочетъ съ нихъ убѣжать въ Россію, потому такъ способнѣе. Я и еще человѣкъ пятнадцать изъ гвардейскихъ попали въ партію на работу въ Восточную Пруссію, у Мазурскихъ озеръ.

Привезли насъ въ богатую усадьбу и сдали подъ расписку хозяину изъ поляковъ; для караула оставили при насъ четверыхъ ландштурмистовъ, съ винтовками. Ночью запирали насъ на замокъ въ погребѣ, а весь день отъ зари до зари заставляли работать на сельскихъ машинахъ и били почемъ попало. Кормили супомъ безъ мяса и плохимъ хлѣбомъ. Но на вольномъ воздухѣ всѣ мы поправились здорово и рѣшили бѣжать, когда удобнѣе будетъ.

Было у меня марки двѣ денегъ, и я купилъ у мальчишки игрушечный компасъ, чтобы въ пути оріентироваться. Ножикъ купилъ и въ сапогѣ припряталъ.

Въ воскресенье конвойные наши чего-то раздобрѣли, пустили насъ по солнышку погулять во дворѣ; мы улучили минуту и украли у хозяина ручную пилку, спрятали подъ рубаху и вернулись спать.

Ночью пропилили вокругъ замка старыя бревна, осторожно всѣ выбрались наружу. Хотѣли перебить весь конвой и подпалить хозяина, но побоялись, что сразу обнаружится побѣгъ, а потому другъ съ другомъ распрощались и пошли каждый самъ по себѣ на востокъ. Поодиночкѣ легче пробираться.

Съ начала августа и весь сентябрь мнѣ пришлось рыскать по лѣсамъ, и чего тутъ не натерпѣлся. Добрый панъ далъ мнѣ вольное платье и три дня кормилъ, держалъ на чердакѣ, а потомъ вывелъ за границу по большому лѣсу. Попалъ я въ Ломжинскую губернію, затѣмъ къ городу Кнышану, гдѣ нѣмецкій штабъ корпуса стоялъ, обошелъ его лѣсами. Ночью шелъ, днемъ прятался. Видѣлъ—мимо ѣхали обозы, видѣлъ одиночныхъ солдатъ, но въ тылу у нихъ мало народа, всѣ на боевой линіи. Резерву нѣту.

Крестьянъ я пересталъ бояться. Всѣ помогали мнѣ, кормили, указывали дорогу и горько на нѣмцевъ жаловались, что ихъ грабятъ и насилія всякія творятъ. Вывели меня къ Нѣману. Но армія наша уже отошла, и опасно было нарваться на

нѣмцевъ. Повернулъ я на югъ, пошелъ на Слонимъ, по Бѣловѣжской пущѣ погулялъ, къ рѣкѣ Шарѣ добрался. Встрѣчалъ нѣмцевъ я сколько разъ, но Богъ хранилъ, не привязывались.

У рѣки Шары въ болотахъ много настрадался, плавалъ туда-сюда сколько разъ, пока удалось между германцами проскочить. Дошелъ я ночью до русскаго охраненія и ползу къ часовому.

Кричитъ—стой, стрѣлять буду! А мнѣ это слаще вина. Милый,—кричу ему,—я православный, съ плѣну сбѣжалъ!

Повелъ меня къ ротному командиру, оттуда по штабамъ и до командующаго арміей. Тотъ разспросилъ, какъ и что, навѣсилъ мнѣ крестъ и отправилъ въ полкъ.

И Мухановъ перекрестился на икону въ почетномъ углу хаты.

— Привелъ Господь вернуться въ полкъ, ваше превосходительство! Буду теперь бить нѣмцевъ, за всѣхъ мучениковъ нашихъ вымещу!

Командиръ полка обнялъ его и поцѣловалъ.

— Иди съ Богомъ въ роту. Разскажи товарищамъ, что намъ разсказывалъ. Пусть узнаютъ, что лучше смерть, чѣмъ постыдный плѣнъ.

Въ дверяхъ Мухановъ обернулся:

— Такъ развѣ кто здоровый въ плѣнъ сдастся?! Мое несчастье, раненый попался, а то бы утекъ до своихъ. Ну, теперь постараюсь, научу своихъ, какъ нѣмца ненавидѣть надо!

Съ бронированнымъ автомобилемъ.

Четыре бронированныхъ автомобиля—два вооруженныхъ пулеметами системы Максима и два—пушками Гочкиса, были приданы самостоятельному отряду, дѣйствующему на галиційскомъ фронтѣ. Пулеметные автомобили отличались легкостью хода и полною неуязвимостью отъ пуль и осколковъ даже самыхъ крупныхъ снарядовъ. Они свободно развивали скорость въ 40—50 верстъ по шоссе средняго качества и могли двигаться заднимъ ходомъ продолжительное время. Небольшія канавки и вспаханныя поля преодолѣвались ими, несмотря на значительный вѣсъ брони, безъ особыхъ затрудненій.

Отличавшійся во многихъ бояхъ капитанъ Г-въ, командовавшій ранѣе автомобилемъ «Зоркій», предложилъ мнѣ нѣсколько времени тому назадъ принять участіе въ одномъ изъ его боевыхъ рейсовъ.

— Предупреждаю васъ только объ одномъ: предпріятіе рискованное, могутъ и въ плѣнъ захватить, а тутъ шутки плохи—прикончатъ обязательно. Злы на насъ они безпримѣрно.

Несмотря на это предупрежденіе, я ждалъ съ нетерпѣніемъ обѣщаннаго мнѣ случая близко озна-

комиться съ боевою работой нашихъ отважныхъ «броневиковъ».

Утромъ . . . сентября мнѣ подали короткую телефонограмму:

— Штабъ корпуса приказалъ, въ виду имѣющихся свѣдѣній объ отходѣ противника на лѣвомъ флангѣ . . . . ой дивизіи, произвести развѣдку района Л—къ—станція К—цы. Пріѣзжайте на нашу базу къ десяти часамъ.

Въ назначенное время я уже былъ въ деревушкѣ, занятой автомобильнымъ отрядомъ.

— Съ вами поѣдетъ на «Сторожевомъ» ротмистръ Б—ій. Познакомьтесь. На другой машинѣ я и поручикъ Н—ко. Пушечные не пойдутъ. Тяжелы для такого налета.

Рѣдко владѣльцы самыхъ дорогихъ машинъ такъ внимательно относятся къ своимъ «лимузинамъ», какъ командиры броневиковъ къ своимъ «кораблямъ суши». Каждый винтикъ, каждая гаечка повѣряются ими лично; десятки разъ чистятся и смазываются механизмы. Пулеметы въ чехлахъ точно съ завода только что прибыли, даже патроны въ лентахъ перетерты и строго выровнены.

— Ну-съ, все готово. Пожалуйте.

Въ тѣсной бронированной каюткѣ насъ всего пятеро—я, командиръ и три пулеметчика. Шофферъ и механикъ имѣютъ свое «убѣжище» подъ толстою бронею, какъ чешуя покрывшей весь автомобиль.

Передъ ротмистромъ карта съ нанесеннымъ на ней маршрутомъ.

— Едва ли только удастся такъ далеко пробраться,—улыбается командиръ.—Навѣрное эти высоты,—указываетъ онъ на гряду холмовъ къ востоку отъ Л—ка,—ими удерживаются. Попробуемъ.

И отрывисто въ рупоръ:

— Впередъ. Средній ходъ. Теперь влѣво. Такъ. Прямо. Такъ.

Мы мчимся мимо привѣтствующихъ насъ колоннъ пѣхоты, обгоняемъ обозы съ испуганно шарахающимися отъ гудка лошадьми.

— Вотъ артиллерійская позиція,—вправо, подъ горкой.

Внимательно всматриваюсь въ рощицу подъ высотой и, наконецъ, съ трудомъ различаю отлично маскированныя сбоку и сверху тяжелыя гаубицы.

— Скоро стрѣлковые окопы. По мосту осторожнѣе—какъ бы не испортить настилки. Узенькія ниточки еле замѣтныхъ окоповъ, передъ ними проволочныя загражденія.

— Стопъ!

Выходимъ изъ автомобиля. Ротный командиръ .....скаго полка привѣтствуетъ ротмистра Б—го, какъ стараго пріятеля.

— Отворяй ворота!

— У насъ, видите ли,—обращается ко мнѣ капитанъ,—шоссе перегорожено тройнымъ рядомъ рогатокъ, да два бревна поперекъ накинуты. Отъ непріятельскихъ автомобилей.

— Какова обстановка у васъ на фронтѣ?

— Часовъ въ шесть утра снялись и ушли, разбойники. Наша развѣдка сразу обнаружила отходъ

и взяла въ плѣнъ всѣхъ застрѣльщиковъ, оставленныхъ въ окопахъ. Двинулись дальше. Ждемъ приказанія преслѣдовать, да неизвѣстно еще, куда «они» ушли.

— Ну, это мы за часъ работы обнаружимъ. До свиданья. Не обстрѣляйте насъ только на обратномъ пути.

— А вы флагъ выкиньте, какъ условлено. Ну, ни пуха, ни пера.

Тронулись дальше. По сторонамъ шоссе австрійскіе окопы, отъ нашихъ въ трехстахъ—пятистахъ шагахъ. Въ нихъ возятся наши солдатики, закапывая австріяковъ и подбирая оставшееся послѣ нихъ оружіе и снаряженіе. Странно видѣть, какъ по, вчера еще грозившему смертью за неосторожное выглядываніе изъ-за бруствера, пространству между русскими и австрійскими позиціями весело снуютъ обрадовавшіеся неожиданному отдыху траншейные сидѣльцы.

Увидѣли насъ и машутъ фуражками—кричатъ «ура».

Пѣхота успѣла узнать и полюбить свои автомобили. Не разъ выручали въ тяжелую минуту.

Впереди деревушка еще занята нашими развѣдчиками, можно ѣхать спокойно.

На площади у господскаго двора стоитъ полевой караулъ.

— Старшаго позовите. Гдѣ наши? Куда пошли?

— Впередъ ушли, ваше высокородіе, до того села, гдѣ костелъ видѣнъ за лѣсомъ.

Дали полный ходъ. Еще двѣ—три минуты, и

мы въ отмѣченной на картѣ вопросительнымъ знакомъ «Еленувкѣ».

Никого нѣтъ. Пустота. Стекла въ домахъ выбиты. Костелъ запертъ со всѣхъ сторонъ. Ни человѣка, ни собаки. Гробовое молчаніе. Всюду хаосъ и разрушеніе. Валяются всевозможные предметы хозяйства и домашняго обихода, распоротыя перины и подушки.

Господскій дворъ догораетъ, и сквозь густую листву фруктоваго сада видны багровые языки, облизывающіе каменные устои сараевъ. Подожгли при отходѣ. Населеніе все или разбѣжалось, или съ собой увели.

Надо ѣхать впередъ, но осторожно. Теперь и нарваться въ лѣсахъ нетрудно будетъ.

— Приготовить пулеметы. Шофферъ, провѣрь задній ходъ.

Дѣлаемъ кругъ по площади.

— Ну, теперь впередъ.

Передъ нами на четыре—пять верстъ вокругъ ровная поляна, сжатая рожь и пастбище. Ручей въ болотистыхъ берегахъ. Передъ мостомъ замедляемъ ходъ. Цѣлъ. Переѣхали. и снова мчимся со скоростью верстъ 50 къ лѣсу, загадочно темнѣющему на высотахъ, отмѣченныхъ на картѣ знакомъ «?—?», иначе: требуетъ тщательной развѣдки.

Слегка тревожное чувство ожиданія. Невѣдомое... А не заложенъ ли на шоссе фугасъ? Взорветъ на воздухъ, кусочка цѣлаго не останется. А вдругъ изъ лѣса съ дистанціи шаговъ ста трахнутъ гранатами прямо по машинѣ?

Но ротмистръ спокоенъ.

— У меня нюхъ на это. Здѣсь-то проскочимъ благополучно.

Вотъ и лѣсъ. Шумитъ, внутри темно. Надъ шоссе словно своды нависли. Внутри никого. Успѣли далеко уйти.

Въ лѣсу остановились.

— Перейдемъ на боевое положеніе,—закроемъ всѣ окна, кромѣ наблюдательныхъ и пулеметныхъ прорѣзей. Чувствую, что сейчасъ начнется. Высоты ими заняты.

— Почему вы думаете?

— Иначе быть не можетъ. Такая система—перекатами уходитъ. Тутъ обязательно ихъ окопы.

Тронулись. Опушка лѣса, кустарникъ. Дальше —пологій скатъ высоты.

— Правѣе, къ кустамъ. Стопъ.

Въ призматическій бинокль отчетливо видно, какъ на гребнѣ работаютъ маленькія черныя фигурки, поспѣшно взмахивая лопатами.

— Остановите моторъ, а то сильно трясетъ.

Наблюдаемъ за противникомъ, сами скрытые въ кустахъ. До гребня еще порядочно—версты полторы.

— Что же вы предпринимаете?

— Подойду на постоянный выстрѣлъ и срѣжу ихъ рабочихъ, а если удастся, еще что-нибудь выкину.

— Полный ходъ впередъ! Заряжай! Прицѣлъ десять. Разсѣиваніе полностью.

Сильно трясетъ и наблюдать въ бинокль невозможно. Но и простымъ глазомъ замѣтно, какъ за-

шевелился людской муравейникъ. Насъ, очевидно, замѣтили. Вотъ и первыя пули: клубится пыль впереди, шагахъ въ ста,—пулеметъ наведенъ прямо на шоссе и ждетъ насъ. Вотъ что-то щелкнуло и словно градъ посыпался на нашу скорлупу.

— Закрывать прорѣзи. Оставить «глазки».

Въ «глазокъ» попасть невозможно, даже съ близкаго разстоянія. Пули отскакиваютъ, какъ горохъ, отъ чешуйчатой брони «боевика».

Гребень уже близко, и шагахъ въ ста первые окопы. Люди залегли за свѣжія насыпи.

Въ слуховой трубкѣ шорохъ. Ротмистръ отвѣчаетъ шофферу:

— Полный ходъ и сразу стопъ рядомъ съ окопомъ.

Словно молнія мелькнула у меня въ сознаніи догадка:

— Разстрѣлять анфиладнымъ огнемъ сидящихъ въ окопахъ!

Толчокъ рѣзкаго тормаза.

— Огонь!

Вправо и влѣво наши пулеметы сквозь прорѣзанныя узкія щели сѣютъ смерть. Окопы рядомъ, какъ на ладони. Сбившіяся на дно неглубокой канавки сѣрыя шинели копошатся, какъ черви, стараясь врости въ землю, укрыться мертвыми, ранеными, живыми, давя, толкая, предавая другъ друга въ животномъ, безумномъ страхѣ смерти, въ подлой, эгоистичной жаждѣ сохраненія жизни...

Много я видѣлъ за время войны ужаснаго, но такого ужаса—неотвратимаго истребленія людей

безпощадной машиной—еще не видалъ... Невольно отшатываюсь отъ «глазка»...

Рванулись съ мѣста заднимъ ходомъ, и пулеметы сразу прекратили огонь. По броневому куполу сильный ударъ; весь автомобиль задрожалъ и зазвенѣли чешуйки брони.

— Уходимъ,—нагнулся къ моему уху Б—ій. Гранатами бьютъ по шоссе. Тутъ уже рискованно.

Повернуться негдѣ. Задній ходъ до лѣса. Минутъ пять насъ могутъ обстрѣливать на прицѣлъ.

Еще ударъ—впереди машины, и осколки стучатъ по бронѣ. Насъ выручаетъ уклонъ. Скорость увеличивается, и мы въ лѣсу. Поворотъ за кустами. Предполагая, что автомобиль продолжаетъ свой путь безъ остановки, потерявшая насъ батарея «проходитъ» гранатами шоссе далеко впереди насъ.

Спокойно выѣзжаемъ въ «Еленувку», гдѣ встрѣчаемъ авангардъ перешедшей въ наступленіе . . . . . ой дивизіи, останавливаемся и передаемъ полковнику генеральнаго штаба обстановку.

Черезъ полчаса въ штабѣ корпуса уже сводятся добытыя обоими автомобилями свѣдѣнія и наносятся на карту. Капитану Г—ву и поручику Н—ко на второмъ бивакѣ больше посчастливилось. Они удачно проскочили черезъ сторожевое охраненіе противника и побывали въ тылу его позицій.

Вся поѣздка продолжалась 1 часъ 45 минутъ...

На „Ильѣ Муромцѣ“.

Еще не совсѣмъ разсвѣло, но уже рѣзкими стали контуры лѣса. Черезъ полчаса можно будетъ потушить фонари. Автомобиль мчится со скоростью шестидесяти верстъ по ровному и совершенно свободному шоссе, прямому, какъ стрѣла.

Смотрю на карту. Скоро и маленькій городокъ среди озеръ и болотъ, гдѣ укрылись отъ наблюденія противника наши воздушные корабли.

Четыре часа утра. На аэродромѣ всѣ еще спятъ. Въ нѣкоторыхъ огромныхъ переносныхъ ангарахъ стоятъ готовые къ полету аэропланы Сикорскаго. При мнѣ просыпается жизнь,—дежурный будитъ людей; метеорологическій наблюдатель, вольноопредѣляющійся, наполняетъ водородомъ воздушный шаръ и вмѣстѣ съ помощникомъ пускаетъ его въ свободный полетъ, слѣдя въ трубу за направленіемъ и скоростью вѣтра; механики осматриваютъ машины.

Человѣкъ 15 становятся вокругъ аппарата и дружными усиліями выкатываютъ его на площадку передъ ангарами.

Подъ наблюденіемъ офицера пускаются въ ходъ поочередно всѣ моторы, грузятся бомбы, офицеры занимаютъ свои мѣста.

— Пожалуйте наверхъ. Сейчасъ поднимаемся.

Взбираемся въ каюту. Пилотъ садится въ свое кресло. Кромѣ него, еще трое: артиллеристъ, механикъ и я въ качествѣ наблюдателя. Три большіе бака съ бензиномъ помѣщаются между входной дверью и аппаратомъ. Все готово.

Одновременно пускаются въ ходъ всѣ моторы, и гигантская птица, пробѣжавъ по землѣ всего двадцать-тридцать шаговъ, плавно поднимается на воздухъ. Сразу становится свѣжо. Несмотря на толстыя стекла, вѣтеръ проникаетъ въ каюту черезъ мелкія отверстія. Шумъ моторовъ заглушаетъ слова, и разговаривать при полетѣ абсолютно невозможно.

Съ захватывающимъ интересомъ слѣжу за тѣмъ, какъ земля быстро уходитъ все ниже и ниже и скоро становится похожей на развернутую карту большого увеличенія. Стада и разбросанныя по зеленому лугу копны сѣна кажутся игрушечными; еще поворотъ,—и подъ нами городокъ, утопающій въ зелени пышныхъ садовъ, освѣщенный розоватыми лучами едва поднявшагося надъ горизонтомъ солнца.

Забираемъ высоту до 3000 метровъ и беремъ направленіе прямо на югъ, вдоль шоссе. Пилотъ оріентируется по компасу и повѣшенной рядомъ съ нимъ картѣ. На ней краснымъ карандашемъ прочерченъ маршрутъ сегодняшняго полета.

Въ бинокль ясно видно каждую повозку длиннаго каравана бѣженцевъ изъ района военныхъ дѣйствій, переселяемыхъ въ центральныя губерніи. То тутъ, то тамъ разбросаны еще не успѣвшіе сняться ихъ биваки.

Желѣзнодорожная линія и миніатюрный поѣздъ. Видно ли насъ изъ вагоновъ? Если не видно, то слышно, потому что моторы «Муромца» вертятся на славу, и характерный ихъ шумъ, несомнѣнно, ясно слышенъ внизу. Пролетаемъ вдоль поѣзда, и артиллеристъ объясняетъ мнѣ знаками, надъ какою именно станціей мы находимся. Мимо насъ скользятъ со сказочной быстротой пашни, испещренныя множествомъ разноцвѣтныхъ свѣтло-и темно-зеленыхъ полосокъ, фіолетовыя рѣчки, лѣса, похожіе на мхи, болота и озера... Блеснули купола церквей города Х. и исчезли.

Скоро и линія нашихъ позицій. Поднимаемся выше.

Термометръ показываетъ пять градусовъ ниже нуля, ногамъ холодно на тонкомъ полу каюты.

— Смотрите, смотрите,—подходитъ ко мнѣ артиллеристъ.—Справа идетъ бой,—указываетъ онъ на шрапнельные разрывы.

Дѣйствительно, вдоль ручья съ обѣихъ сторонъ рвутся снаряды и крохотные клочки бѣлаго дыма вспыхиваютъ и медленно таютъ надъ еле замѣтными линіями хорошо маскированныхъ окоповъ.

Аппаратъ рѣзко поворачиваетъ направо, затѣмъ налѣво и взмываетъ вверхъ. Надо уйти отъ обстрѣла. Двѣ шрапнели уже разорвались подъ нами, и дразнить противника далѣе можетъ оказаться небезопаснымъ.

Внизу лѣса, безконечные, прорѣзанные просѣками и испещренные полянками. Городокъ, словно кустарями вырѣзанная игрушка. Вокругъ обозы и биваки.

— Вотъ аэродромъ!

Слѣва, около старинной каменной башни, рядъ ангаровъ. При нашемъ приближеніи аэропланы типа «таубе» спѣшно взлетаютъ на воздухъ и разсѣиваются во всѣ стороны. Не разбудили ли мы осиное гнѣздо? Вдругъ насъ будутъ атаковать германскіе воздушные истребители цѣлой эскадрой?

Но артиллеристъ знаками показываетъ мнѣ, что «таубе» попросту испугались насъ и стараются удрать отъ бомбъ.

Вдали видна станція Бежецъ. Съ каждой секундой все яснѣе и яснѣе становятся станціонные пути, поѣзда, скопившіеся у разгрузочной платформы... Дыханіе захватываетъ отъ нетерпѣнья.

Спускаемся до двухъ тысячъ и идемъ прямо на станцію. Артиллеристъ наводитъ прицѣльное приспособленіе и пять бомбъ летятъ внизъ. Еще три— за ними...

Поворотъ—и мы снова надъ станціей. Дымъ не разсѣялся, наоборотъ, сталъ еще гуще. Значитъ, вагоны съ грузомъ горятъ. Можетъ быть, горитъ самъ вокзалъ?

Еще пять бомбъ туда, въ дымное облако...

Мы далеко уже отъ станціи, а она все еще кажется огромнымъ вулканомъ, окутаннымъ дымомъ. Вѣроятно, огонь охватилъ склады.

Задача блестяще выполнена, и намъ можно итти на свою базу. Три часа мы въ воздухѣ, пора и домой.

Снова беремъ высоту и летимъ прямо на сѣверъ, по компасу. Наблюдать за движеніемъ обозовъ теперь уже какъ-то неинтересно, слишкомъ живы

острыя впечатлѣнія разгрома непріятельской станціи.

Попадаемъ въ полосу облаковъ и теряемъ землю изъ виду. Черезъ нѣсколько минутъ облака ниже насъ, и тѣнь «Муромца» проектируется на ихъ волнующейся пеленѣ гигантской птицей.

Не хочется опускаться, но уже время. Рѣзкое покачиваніе, это—воздушныя ямы, «рему», которыхъ такъ опасаются авіаторы. Ближе къ землѣ аэропланъ выравнивается и мягко опускается на поляну. Толчка почти нѣтъ.

Полетъ воздушнаго корабля благополучно законченъ, и мы идемъ пить чай въ авіаціонное собраніе.

Оборона лѣса.

Старый густой сосновый лѣсъ острымъ выступомъ своимъ далеко выдавался впередъ, и позиціи наши, доходя до него, образовали исходящій уголъ. Внизу, подъ высотою, лежала длинная, вытянувшаяся въ нитку деревня, занимавшаяся развѣдчиками. Дальше блестѣли на солнцѣ болотистыя воды широко разлившейся рѣчки и на противоположныхъ холмахъ чернѣлъ высокій строевой лѣсъ. Въ немъ накапливалась пѣхота противника. Изрѣдка изъ-за опушки показывались и куда-то снова исчезали рѣдкія стрѣлковыя цѣпи.

Участокъ нашего полка имѣлъ особое тактическое значеніе. Онъ прикрывалъ важнѣйшіе и кратчайшіе подступы къ городу X., давно желанному объекту стремленій противника. Поэтому его рѣшено было оборонять до послѣдней крайности.

Роты назначенныхъ въ боевую часть батальоновъ заняли опушку лѣса и стали приспособлять ее для продолжительнаго отсиживанія подъ обстрѣломъ тяжелой германской артиллеріи. Закипѣла работа. Въ чащѣ сосноваго бора застучали топоры и завизжали пилы; на плечахъ людей поплыли къ окопамъ массивныя бревна для устройства надежныхъ блиндажей. Къ вечеру позиція могла бы легко выдержать любой ударъ.

Но противникъ не далъ намъ возможности спокойно закончить работы. Ровно въ полдень первый тяжелый снарядъ съ глухимъ ревомъ пролетѣлъ надъ узкой полосой свѣтло-желтой земли, еще не вполнѣ замаскированной подъ цвѣтъ окружающей мѣстности. За нимъ послѣдовали второй, третій— и началась бомбардировка.

Работы поневолѣ прекратились, и всѣ, кромѣ часовыхъ, укрылись въ окопы. Но молодцы саперы, продолжая оставаться подъ обстрѣломъ, быстро привязывали колючую проволоку къ уже заранѣе вбитымъ кольямъ и не обращали вниманія на огонь.

Очередь за очередью выпускали свои снаряды по опушкѣ лѣса тяжелыя германскія батареи, разрушая наскоро возведенные бруствера. Густая пыль и дымъ разрывовъ окутывали окопы. Казалось, что никто изъ защитниковъ не уцѣлѣетъ подъ мѣткимъ огнемъ мортирныхъ батарей, не жалѣющихъ снарядовъ. Телефонные провода перебило, и вышедшій для ихъ исправленія телефонистъ былъ раненъ шрапнельною пулей въ плечо.

Но мысль объ отступленіи никому не могла придти въ голову. Каждый, отъ батальоннаго командира и до послѣдняго рядового, твердо зналъ, что покинуть ввѣренный участокъ—невозможно. Раненые, и тѣ оставались на своихъ мѣстахъ, перевязавшись пакетами, и готовились вмѣстѣ съ товарищами принять участіе въ отбитіи уже назрѣвавшей атаки.

Въ половинѣ третьяго часа дня обстрѣлъ моментально прекратился, и впереди, у окраины де-

ревни, показались развѣдчики противника,—нѣсколько отчетливо видныхъ темносѣрыхъ фигуръ въ маленькихъ безкозыркахъ прусскаго типа.

— Пусть сунутся,—мы ихъ угостимъ,—пронеслось по наполовину разрушеннымъ окопамъ.— Думаютъ, небось, что мы поутекали. Пусть ближе подходятъ. Не стрѣлять!

Окопы замерли. Только гдѣ-то справа и слѣва, теперь уже рѣдко, бухали тяжелые снаряды.

Шагахъ въ пятистахъ отъ окоповъ развѣдчики залегли во ржи и стали всматриваться въ наше расположеніе. Они скоро попались на удочку,— такъ тихо сидѣли за безформеннымъ брустверомъ приготовившіеся достойно встрѣтить противника стрѣлки. Пулеметчики вытирали тряпками засыпанные пескомъ пулеметы и наводили ихъ на проволочныя загражденія. Только часовые черезъ бойницы продолжали наблюдать за развѣдчиками.

Предполагая, что въ окопахъ никого нѣтъ, тѣ смѣло поднялись въ ростъ и стали махать шапками въ сторону деревни, подзывая своихъ. Черезъ минуту отъ сѣверной опушки отдѣлились сперва рѣдкія, затѣмъ сразу погустѣвшія цѣпи и потянулись на высоту.

Люди въ окопахъ съ лихорадочнымъ вниманіемъ всматривались въ наступающаго противника.

— Никому не стрѣлять безъ команды!

Подходятъ ближе и ближе. Четыреста шаговъ. Совершенно открытая мѣстность.

— Пулеметы, огонь!

Шесть пулеметовъ огненнымъ дождемъ сразу взбрызнули густыя цѣпи. Не ожидавшіе такого

пріема, германцы частью залегли, частью бросились бѣжать назадъ, къ деревнѣ.

— Смотрите, по нимъ свои же открыли огонь!

Дѣйствительно, надъ головами бѣглецовъ начали рваться снаряды съ характернымъ краснымъ дымкомъ. Своя же артиллерія приняла растерявшуюся пѣхоту въ оборотъ.

Залегшіе во ржи германцы стали поспѣшно окапываться подъ наносящимъ имъ немалыя потери пулеметнымъ обстрѣломъ.

Видя неудачу перваго наступленія, батареи вновь открыли огонь по окопамъ. Снова посыпались, какъ изъ пулемета, тяжелыя бризантныя бомбы и гранаты. Но защитники лѣса не отошли съ опушки ни на шагъ, и когда залегшія цѣпи попробовали вторично подняться, ихъ встрѣтили частымъ огнемъ и онѣ сразу же остановились.

Наступали сумерки, и приближался удобный для ночной атаки моментъ. Луна еще не выходила изъ-за тучъ и въ ста шагахъ ничего не было видно. На всякій случай, къ первой линіи были подтянуты участковые резервы.

Около десяти часовъ вечера слѣва послышалось «ура», и во флангъ защитникамъ лѣсного выступа полетѣли разрывныя пули. Оказалось, что противникъ внезапно обрушился превосходными силами на сосѣднія роты и принудилъ ихъ отойти.

Надо было скорѣе спасать положеніе дѣлъ. По собственной иниціативѣ командиры ротъ резерва кинулись со своими людьми на помощь сосѣдямъ. Въ чащѣ густого, сосноваго лѣса перемѣшались отходящіе и наступающіе. Увѣреннымъ голосомъ

отданное приказаніе—впередъ!—и вся людская волна разомъ хлынула въ атаку.

Дружное, бодрящее «ура» огласило весь лѣсъ.

Въ лѣвофланговой ротѣ былъ тяжело контуженъ въ голову командиръ, еще совсѣмъ молодой подпоручикъ. Его вынесли изъ окопа и положили подъ толстою сосной въ лѣсу. Когда онъ услышалъ «ура»,—сразу пришелъ въ себя и во главѣ горсти находившихся при немъ солдатъ бросился вмѣстѣ съ резервомъ впередъ.

Германцы не выдержали атаки и, преслѣдуемые нами, побѣжали. Всѣ захваченные ими окопы вновь перешли въ наши руки и не мало пришлось потрудиться, чтобы очистить ихъ отъ раненыхъ и убитыхъ пруссаковъ.

Всю ночь работали мы по укрѣпленію разрушенныхъ бомбардировкой ходовъ сообщенія и брустверовъ и лишь на утро могли отдохнуть.

Послѣ жестокаго вчерашняго боя въ лѣсу и на опушкѣ снова стало тихо. Понесшій огромныя потери противникъ рѣшилъ отказаться отъ своего намѣренія атаковать лѣсной выступъ и сталъ стягиваться совсѣмъ въ другомъ направленіи.

Дорогою цѣною.

— Ваше высокоблагородіе, васъ къ телефону требуютъ полковой адъютантъ.

Приходится вылѣзать изъ подъ бурки. Темно. Только гдѣ-то далеко подъ горою вспыхиваетъ лучъ прожектора и гигантскими щупальцами изслѣдуетъ окопы на высотахъ и опушкѣ занятаго нами лѣса.

— Я передаю трубку!

— Въ половинѣ третьяго часа утра назначенъ переходъ на новую позицію. Нашему полку въ арьергардѣ дивизіи. Вашъ батальонъ отойдетъ въ четыре часа, оставивъ развѣдчиковъ въ окопахъ. Прикажите снимать телефоны.

Обидно оставлять тѣ мѣста, на которыхъ мы продержались больше недѣли, отбивая всѣ атаки противника, и гдѣ мы построили, работая и день, и ночь, великолѣпные блиндажи и ходы сообщенія.... Но, что подѣлаешь. Сверху виднѣе,—наше дѣло маленькое. Вѣроятно, рѣшено «выровнять фронтъ».

Едва брезжитъ разсвѣтъ. Густой сѣрый туманъ обволакиваетъ болотистую долину, заросшую приземистымъ кустарникомъ. Противникъ зорко слѣдитъ за всѣми нашими передвиженіями, и благо-

получно отойти можетъ удастся лишь благодаря скрывающей насъ туманной завѣсѣ.

Напряженно всматриваюсь въ даль. Какія-то фигуры скрытно пробираются по овражку къ разрушенной шестидюймовыми снарядами мельницѣ.

— Спросите, какая рота идетъ. Направьте ее за горку, къ господскому двору.

Вслѣдъ за четвертой должна отходить третья, также оставивъ въ окопахъ человѣкъ пятнадцать охотниковъ. Но ей тяжелѣе,—германцы открыли огонь, и пули «на всякій случай» пронизываютъ стальными бичами кустарникъ, сбивая листья.

Четверть часа ожиданья, и всѣ въ сборѣ. Не хватаетъ только молодцоватаго взводнаго Герасимова, оставленнаго съ застрѣльщиками. Пора итти. Придетъ.

Тихо, беззвучно, шопотомъ указывая направленіе, батальонъ переваливаетъ черезъ горку и втягивается въ опустѣлую деревню. Печальное зрѣлище—половина халупъ разрушена гранатами и торчатъ однѣ обгорѣлыя трубы. Вотъ лежитъ околѣвшая лошадь, высоко взбросивъ закоченѣлыя ноги... Стекла въ уцѣлѣвшихъ домахъ всѣ выбиты... А еще недѣлю тому назадъ въ этой деревушкѣ весело играли дѣти, и палисадники, богато украшенные розами, придавали всей Сѣнницѣ Рожана праздничный видъ! На завалинкѣ крайней халупы старикъ съ длинной сѣдой бородой. Его окликаютъ. Не отвѣчаетъ. Подхожу ближе.

— Подымайся, дѣдъ. За нами германцы идутъ. Пособимъ тебѣ.

— Не могу, господинъ. Ноги не держатъ... Лучше здѣсь останусь—благо хата цѣла. Благослови васъ Христосъ...

Долго смотритъ намъ вслѣдъ, опустивъ голову. Бѣдный старикъ...

У господскаго двора собирается полкъ. Всѣ подошли. Можно трогаться, выславъ дозоры.

Сзади трещитъ перестрѣлка — застрѣльщики сдерживаютъ противника.

Втягиваемся въ лѣсъ. Сыро, полутемно. Сильно пахнетъ дымомъ, и весь горизонтъ озаренъ багровыми отблесками пожаровъ. Съ опушки видно, какъ на десятокъ верстъ кругомъ пылаютъ деревни, фольварки, склады соломы, еще не обмолоченной, сѣно и скирды только что сжатой пшеницы и ржи.

Все сжигается, ничего не будетъ оставлено проклятому врагу...

Подходимъ къ околицѣ догорающей деревни, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ стояли бивакомъ. Только школа, да церковь и уцѣлѣли. Все остальное сравнено съ землей. Всѣ жители заблаговременно выселены на сѣверъ.

Выскочилъ изъ лѣса и снова въ него нырнулъ казачій разъѣздъ, наблюдающій за противникомъ. По всѣмъ дорогамъ сплошная пыль—тянутся обозы, отходятъ артиллерійскіе парки, передвигаются войска. Всюду горятъ запасы, сжигается хлѣбъ на корню. Все небо въ дыму, темносѣромъ, порой черномъ. Восходящему солнцу не пробить плотной завѣсы, и все озарено красными отблесками пожаровъ.

Картина поражаетъ своимъ величіемъ. Старики, бывалые въ бояхъ съ начала войны, идутъ, грозно нахмуривъ брови. Крестьянину близко крестьянское горе.

— А вы знаете, деревни эти подожгли сами крестьяне, — пусть не остаются германцамъ. Здѣсь вѣдь населеніе сплошь русское, искренніе патріоты. Какъ въ двѣнадцатомъ году...

— Помните, братцы, что наше святое дѣло— грудью отстоять матушку Русь отъ врага! Мы отомстимъ ему за разоренныя села, за павшихъ въ бою нашихъ товарищей! Съ нами Богъ! Выше голову, молодцы, подравнивайся!

И великое дѣло твердая дисциплина, среди моря огня, въ сплошномъ дыму, пожаровъ,—стройно, на точно указанныхъ уставомъ дистанціяхъ, двигается колонна штыковъ, блестящихъ золотыми искрами. Никто не выйдетъ изъ строя, никто не отстанетъ. Глаза суровы, шагъ твердъ. Отходимъ потому, что приказано, но берегись, кто полѣзетъ на насъ! Дорогою цѣною оплатитъ онъ знакомство съ нашимъ полкомъ!

Часа черезъ три мы на указанной линіи. Перелѣсокъ, рядъ невысокихъ холмиковъ. Тутъ приказано укрѣпиться и не отходить дальше безъ разрѣшенія.

Участокъ батальона раздѣлили на три дольки. Четвертую роту въ резервъ за горкой. Лопаты, кирки, мотыги, топоры, пилы и косы—все за работу. Времени мало—часамъ къ тремъ-четыремъ явится авангардъ арміи Маккензена и помѣшаетъ укрѣпляться.

И на глазахъ растутъ окопы, ходы сообщенія и закрытія отъ артиллерійскаго огня. Люди обливаются потомъ, но работаютъ, не покладая рукъ, какъ муравьи вокругъ муравейника. Длинная дорожка протоптана къ лѣску и непрерывно оттуда на плечахъ пяти-шести человѣкъ плывутъ тяжелые сосновые стволы.

Выстрѣлъ, другой. Залпъ. Рядъ залповъ. Пулеметъ. Ударъ ручной гранаты. Что такое?

Кавалерійскій разъѣздъ внезапно нарвался на наше охраненіе и поплатился за неосторожность. Трое убито, пятеро ранено. Ведутъ ко мнѣ вахмистра седьмого драгунскаго полка, подъ которымъ убита лошадь. Сильно помятъ, но держится молодцомъ и лихо отдаетъ честь.

— Авангардъ вашъ близко сейчасъ? Какой составъ?

— 6-ой корпусъ, два полка съ артиллеріей, господинъ капитанъ. Верстахъ въ трехъ отсюда.

Плѣннаго уводятъ въ штабъ дивизіи. Посылаю приказаніе приготовиться къ бою и вернуть изъ лѣса рабочую команду.

Съ моего наблюдательнаго пункта ясно видно, какъ на опушкѣ лѣса появляются сѣрыя шинели развѣдчиковъ противника. Вотъ рѣдкая цѣпь развернулась и начинаетъ наступать вдоль погорѣвшей деревни. Гдѣ-то скрытно стала батарея и послала намъ первый свой привѣтъ—четыре легкія шрапнели, разорвавшіяся высоко въ небѣ, «словно по аэроплану»,—какъ острятъ солдаты.

Мы залегаемъ въ окопахъ и ждемъ гостей. Не стрѣлять, пока не подойдутъ на сто шаговъ. Пусть думаютъ, что насъ мало, или что мы ихъ боимся.

Часъ проходитъ въ медленномъ накапливаніи. Въ бинокль видно, какъ германцы по одному перебѣгаютъ къ развалинамъ фольварка и оттуда въ рожь. По ржи ихъ незамѣтно, ползутъ осторожно впередъ.

Наконецъ, они совсѣмъ близко. Каски съ золотыми орлами—гвардейская пѣхота. Офицеры позади, подгоняютъ людей стеками и ударами сабель.

Напряженное ожиданіе и зловѣщая тишина. Рѣдкіе выстрѣлы съ ихъ стороны. Переползаютъ по одному въ канавку, отлично видную съ праваго фланга, гдѣ нами поставленъ пулеметъ.

— Открывайте огонь,—кричу въ телефонъ начальнику пулеметной команды.

— Сейчасъ,—отвѣчаетъ тотъ. Все готово.

И рѣзко зататакали пулеметы. Цѣпи поднялись и побѣжали прямо на наши окопы. Закипѣла ружейная трескотня. Одинъ за другимъ начали валиться въ цѣпи, но оставшіеся продолжаютъ бѣжать впередъ. Остается менѣе ста шаговъ. Но эти сто шаговъ нѣмцу не пробѣжать..

Наши не выдерживаютъ и выскакиваютъ на брустверъ, стрѣляя, ставъ во весь ростъ. Сейчасъ бросятся въ контръ-атаку. Рота резерва уже подбѣжала ко второй ротѣ.

— Впередъ, молодцы,—«ура!».

Громовое «ура» по всему полю—и сразу германцы поворачиваютъ къ деревнѣ. Мы за ними,

провожая ихъ огнемъ. Кое-гдѣ происходятъ единичныя штыковыя схватки. Какой-то дюжій солдатъ молотитъ прикладомъ по головамъ трехъ нежелающихъ сдаться пруссаковъ, и они падаютъ на колѣни. Убитъ толстый майоръ... Бой длится нѣсколько долгихъ минутъ,—и сразу уже никого нѣтъ на полѣ. Наша артиллерія яростно бьетъ по фольварку, выкуривая изъ него накопившихся нѣмцевъ. Насъ въ свою очередь засыпаетъ шрапнелью батарея противника. Забираемъ нашихъ раненыхъ и отходимъ къ окопамъ.

Дорогою цѣною обошлась противнику неудачная попытка съ размаху прорвать нашу еще не законченную оборонительную линію! До вечера насъ оставятъ въ покоѣ, а за ночь мы такъ окопаемся, что насъ не достанетъ и «чемоданъ».

И удовлетворенные достигнутымъ успѣхомъ, стрѣлки весело работаютъ, забывая усталость. Дорого будетъ «герману» стоить его походъ къ намъ въ Россію! А все равно его отсюда вышибемъ безпремѣнно!

И въ лѣсу, какъ ни въ чемъ не бывало, стучатъ топоры и раздается любимая, неизвѣстно кѣмъ сложенная пѣсня съ припѣвомъ:

— Это было тяжело,
— Между прочимъ, ничего!

И намъ, здѣсь стоящимъ лицомъ къ лицу съ нѣмцемъ, намъ вѣрится, что все «образуется», и мы побѣдоносно прогонимъ противника, насъ не смущаетъ ни дымъ пожаровъ, ни горе уходящаго на

сѣверъ населенія. Мы вѣримъ, что скоро настанетъ лучшее время, а о прошедшемъ сложимъ новую пѣсню на старый припѣвъ:

— Это было тяжело,
— Между прочимъ, ничего!

На бивакѣ.

Цѣлый мѣсяцъ нашъ полкъ находился въ первой линіи и непрерывно велъ упорные бои съ превосходными силами противника, отражая яростныя атаки, переходя порою въ частичное наступленіе, а иногда отходя на тыловую позицію въ виду общаго «выравниванія фронта». Этотъ мѣсяцъ обошелся намъ въ полторы тысячи убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ; половина офицеровъ выбыла изъ строя. Зато въ полковую лѣтопись внесено нѣсколько дѣйствительно славныхъ боевыхъ дѣлъ. Потомки оказались достойными своихъ бородинскихъ предковъ.

Сегодня на разсвѣтѣ насъ отвели въ корпусный резервъ и расположили бивакомъ въ густомъ сосновомъ лѣсу. Правильными рядами раскинулись палатки въ тѣни высокихъ строевыхъ сосенъ; поодаль—офицерскіе шатры, собраніе, кухня; всюду веселые дымки костровъ, кверху сливающіеся сизоватой пеленою надъ густой хвоей.

Около полудня прибыли маршевыя роты на пополненіе. Видные, отлично выправленные молодые солдаты смотрятъ молодцами; исправное оружіе, ладно пригнанное снаряженіе; бойкій видъ и лихой отвѣтъ. Эти не посрамятъ родного полка. Ихъ распредѣляютъ по ротамъ, сообразуясь съ землячествомъ. Самарскіе—во вторую, московскіе—въ Государеву, татары подобрались цѣлой компаніей въ четвертой ротѣ и даже пѣсни поютъ свои, татарскія—заунывныя, полныя тихой грусти.

Весь день посвященъ приведенію себя въ порядокъ. Усердно работаютъ ротные брадобреи, портные, сапожники; чистится и исправляется оружіе; на разостланныхъ по мягкому мху шинеляхъ разложены мелкія части винтовокъ и пулеметовъ; тутъ же на корточкахъ пристроился передъ низко срубленнымъ пнемъ ротный писарь и аккуратно выводитъ химическимъ карандашомъ списокъ георгіевскихъ кавалеровъ для представленія въ штабъ бригады...

Молодые солдаты собрались кучкой вокругъ «стариковъ», которымъ въ среднемъ всѣмъ по 22—23 года, и жадно слушаютъ разсказы ихъ о томъ, какъ въ бою подъ Сѣнницей такой-то стрѣлокъ одинъ оборонялъ цѣлый окопъ, бѣгая отъ бойницы къ бойницѣ и непрерывно стрѣляя изъ винтовокъ убитыхъ и раненыхъ товарищей; или, какъ Государь самъ навѣсилъ золотой крестъ подпрапорщику третьей роты за то, что тотъ, будучи окруженнымъ съ ротой со всѣхъ сторонъ германцами, не только самъ пробился, но еще человѣкъ пятьдесятъ привелъ плѣнныхъ. Есть чему поучиться молодому стрѣлку. Примѣры изумительной выносливости, дерзновеннѣйшей храбрости и самой неожиданной находчивости—на каждомъ шагу. Каждый серебряный и золотой крестъ на груди «старика»—цѣлая поэма. Недаромъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слушаетъ молодежь повѣсть о подвигахъ своихъ старшихъ товарищей. И въ душѣ у каждаго зарождается жажда подвига и шевелится надежда: «И мнѣ бы такой крестъ заработать помогъ бы Господь!»

Господа офицеры отдыхаютъ—побритые, вымытые, принарядившіеся. Тѣсная полковая семья сомкнулась въ кружокъ посрединѣ бивака. Восемь палатокъ, на двѣ, на три походныхъ кровати. Разложены вещи, вынутыя изъ давно не виданныхъ чемодановъ, пишутся письма. Въ походѣ и въ бою некогда заниматься корреспонденціей. Не до того.

Передъ одной изъ палатокъ безрупорный граммофонъ и три альбома съ пластинками. Владѣлецъ тяжело раненъ и эвакуировался въ Россію, а граммофонъ продолжаетъ служить на общую пользу. Такъ заведено съ перваго дня кампаніи. Имущество одного принадлежитъ всѣмъ товарищамъ. И граммофонъ весело наигрываетъ вальсъ изъ «Евгенія Онѣгина», попурри изъ русскихъ пѣсенъ, матчишъ, рядъ шансонетокъ, вперемежку съ грознымъ рычаньемъ самого оберъ-баса Шаляпина, очень любимаго стрѣлками.

Мы не отрѣзаны ото всего свѣта, скорѣе, наоборотъ,—мы раньше находящихся въ тылу узнаемъ всѣ новости по телефону. Но, правду сказать, зачастую при передачѣ происходитъ нѣкоторое преломленіе фактовъ сквозь призму передающаго. Кое-что преувеличивается, кое-что замалчивается. Наконецъ, намъ безконечно ближе деревня Петрилова, гдѣ дерутся полки нашего корпуса, чѣмъ Дарданеллы или Монте-Изонцо, гдѣ итальянцы, старые мои пріятели по кампаніи Триполитанской, продвигаются впередъ «тихой сапой».

Мы узнали сегодня, что Варшава и Ивангородъ эвакуированы и наши арміи отошли на новыя линіи къ востоку, но ничуть не огорчились. Мы

этого ждали давно и уже свыклись съ мыслью о необходимости временно заманивать противника въ глубину передового театра, чтобы, собравъ всѣ силы, затѣмъ перейти въ наступленіе и окончательно разбить германскія полчища. Очищеніе Варшавы насъ не смутило. Все идетъ своимъ чередомъ. Скорѣе, Варшава должна смутить арміи нашихъ противниковъ. Имъ придется пережить глубокое разочарованіе,—вѣдь обѣщанный миръ послѣ взятія польской столицы оказался обманомъ. Война продолжается съ прежнимъ упорствомъ и врядъ ли противнику удастся скоро приступить къ новой операціи послѣ столь дорого имъ оплаченной операціи галиційско-варшавской....

Философствовать—не наше дѣло. Этимъ мало почтеннымъ во время войны занятіемъ пусть увлекаются въ глубокомъ тылу. Тамъ готовы по всякому, даже самому ничтожному поводу, разводить руками, ахать и охать. Мы не ахаемъ даже тогда, когда неумолимая смерть вырываетъ изъ нашихъ рядовъ лучшихъ и любимѣйшихъ героевъ-товарищей. Божья воля! Оставшіеся въ живыхъ снова смыкаются тѣснымъ кружкомъ и продолжаютъ дѣлать свое дѣло. Полкъ—это все для насъ: и семья, и родина. Полку и наши мысли, полку — наша жизнь.

И если бы тревожно мятущіеся россіяне могли появиться на нашемъ бивакѣ и окунуться въ среду сплоченнаго боевого товарищества,—съ нихъ сразу слетѣли бы всѣ излишнія тревоги и страхи. Тогда имъ стали бы понятны слова безхитростнаго припѣва любимой солдатской пѣсни:

— Это было тяжело,
Между прочимъ, ничего!

Вдали гдѣ-то гремитъ артиллерійскій огонь, порою доходящій до наивысшаго напряженія. Можетъ быть, черезъ часъ-другой полку будетъ приказано спѣшно выступать на поддержку сосѣднихъ частей. Что же, пойдемъ и сдѣлаемъ свое дѣло. А пока граммофонъ поетъ нѣжнымъ, серебристымъ женскимъ голосомъ о любви, навѣваетъ смутныя грезы о будущемъ счастьѣ. Все образуется!...

Мой товарищъ по палаткѣ, симпатичный юноша, вмѣстѣ съ тѣмъ доблестный ротный командиръ и георгіевскій кавалеръ, задумался надъ изящной открыткой. Адресъ написанъ: Кіевъ и такъ далѣе. Есть обращеніе: «Дорогая Ольгерти». А больше пока ничего. Граммофонъ ему, очевидно, мѣшаетъ. Встряхнулъ головой, отогналъ набѣжавшія мысли—и бойко набрасываетъ строчку за строчкой. Увидится ли милый, юный поручикъ съ той, кому пишетъ почти ежедневно,—Богъ знаетъ. Но не будемъ задумываться. Сегодня мы живы, отдыхаемъ и веселимся. Выше голову! Вокругъ раздаются залихватскія пѣсни, переборы гармоники; балалайка звенитъ...

Вы, легко поддающіеся мрачному настроенію, посмотрите на насъ и подбодритесь. Великъ Богъ земли русской. Не то еще видала Россія и то выходила побѣдительницей. Непристойно по пустякамъ вѣшать голову. Пусть каждый спокойно дѣлаетъ свое дѣло...

Мы свое сдѣлаемъ....

Ночной бой.

Насъ оставили въ арьергардѣ корпуса. Самъ командиръ полка былъ вызванъ въ штабъ за подробными инструкціями—настолько важное значеніе придавалось возложенной на насъ задачѣ. Мы прикрывали своими батальонами переходъ на новую позицію цѣлыхъ трехъ дивизій съ массой артиллеріи и обозовъ и должны были держаться упорно въ теченіе всего дня. Для поддержки на флангахъ намъ были приданы два казачьихъ полка, а конно-артиллерійскому дивизіону было поручено замѣнить собою позиціонную артиллерію.

Передъ нашими проволочными загражденіями валялись то тутъ, то тамъ неубранные трупы германскихъ солдатъ. Не далѣе какъ вчера, выдержавъ шестичасовой ожесточенный артиллерійскій обстрѣлъ, мы отбили двѣ атаки противника и своимъ сопротивленіемъ довели его до бѣшенства. Разозленные нѣмцы не сообразили, что нашихъ раненыхъ передъ фронтомъ находиться не можетъ, и стали бить изъ пулеметовъ по санитарамъ, пытавшимся подобрать еще корчащихся и жалобно воющихъ германцевъ. Напрасно мы поднимали на штыкахъ высоко надъ брустверомъ большую бѣлую простыню въ знакъ перемирія—огонь все усиливался. Пришлось отказаться отъ человѣколюбиваго желанія спасти несчастныхъ страдальцевъ и

терпѣливо ждать, пока морозная ночь прекратитъ ихъ мученія. Утромъ сегодня только двое продолжали подавать признаки жизни и ихъ удалось вынести, несмотря на непрекращающійся обстрѣлъ.

День прошелъ спокойно, въ ничтожной перестрѣлкѣ, и мы не несли никакихъ потерь, отдыхая въ блиндажахъ и ожидая ночной работы. Сунулись было къ намъ въ сумеркахъ развѣдчики, но попали на пулеметъ и дорого поплатились за свою смѣлость.

Въ шесть часовъ вечера—теперь рано темнѣетъ, —согласно приказу, начался отходъ артиллеріи и обозовъ. Какой-то опрометчивый обозный сдуру, чтобы не доставалось нѣмцамъ, поджегъ большую скирду соломы. Еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ вспыхнули пожары. Противникъ догадался, что у насъ начался общій отходъ и сталъ освѣщать мѣстность ракетами каждыя три минуты. Этотъ красивѣйшій изъ фейерверковъ охватилъ огромную линію. То тутъ, то тамъ, справа и слѣва, ближе и дальше, на хребтахъ и въ долинахъ, высоко взлетали вверхъ огненныя змѣи, и подъ ихъ яркимъ свѣтомъ изъ мрака внезапно рождались ряды окоповъ и сѣтей. Какъ днемъ, стали видны даже одиночные люди.

При каждой ракетѣ всѣ падали на землю, пока она не угаснетъ. Но зоркіе пулеметчики все же находили себѣ жертвы среди стрѣлковъ, мѣнявшихъ позицію. Сосѣдніе съ нами полки уже начали отходить и ихъ, очевидно, замѣтили. Завязалась артиллерійская стрѣльба съ эффектными разрыва-

ми шрапнелей, снопами блеска на темномъ, какъ черное дерево, безлунномъ небѣ...

Наконецъ, дошло и до насъ приказаніе:

— Держаться упорно до разсвѣта.

Мы занимали наиболѣе важный участокъ всей позиціи, прикрывая узелъ двухъ стратегическихъ шоссе и селеніе М—ла, такъ часто фигурировавшее въ офиціальныхъ сводкахъ. Намъ было ясно, что еще ночью германцы попытаются очистить себѣ дорогу для артиллеріи и бронированныхъ автомобилей и ради этого произведутъ на насъ, пожалуй, не одну, а цѣлый рядъ атакъ.

Къ десяти часамъ вечера артиллерійскій огонь почти прекратился. Изрѣдка, для того, чтобы убѣдить противника въ своемъ присутствіи, наши орудія давали по два выстрѣла, и вслѣдъ за ихъ сухимъ и жестокимъ «трахъ-трахъ» вновь наступала сравнительная тишина, прерываемая рѣдкой перестрѣлкой.

Но что наводило насъ на смутно-тревожныя мысли,—это ракеты, поднимавшіяся не только передъ фронтомъ или далеко на флангахъ, но даже въ тылу. Мы знали, что наша позиція глубоко вдавалась клиномъ въ непріятельское расположеніе, и что, охваченный съ обѣихъ сторонъ, нашъ корпусъ долженъ былъ отходить именно по этой причинѣ; это было намъ давно хорошо извѣстно; но люди безпокоились и, сознавая себя обойденными, то и дѣло спрашивали офицеровъ: долго ли приказано оставаться въ окопахъ, и нѣтъ ли опасности попасть въ плѣнъ.

Мы успокаивали ихъ, какъ могли, выставляя главнымъ аргументомъ то, что ночью осторожные нѣмцы даже въ случаѣ частнаго прорыва не рискнутъ далеко забираться въ тылъ, чтобы окружить насъ.

Въ полночь передъ нашей позиціей взлетѣли три ракеты: красная и двѣ бѣлыхъ. Заиграли рожки, поднялся шумъ, крики. Мы бросились къ брустверамъ, но не открывали огня. Тревога передалась и въ штабъ полка; оттуда по телефону справлялись о причинѣ этого «тарарама». Въ напряженномъ ожиданіи прошло съ полчаса, но никто не появлялся. Вправо кто-то кричалъ «ура», трещали пулеметы, потомъ все стихло. Мы выслали развѣдчиковъ, но ничего не узнали новаго. Сосѣди—охотники доблестнаго кавказскаго полка—сидѣли въ своихъ окопахъ.

— Скажи, пажалуста, твоему барину: раньше времени уходить нэ буду!—заявилъ ихъ прапорщикъ моему вѣстовому.

Шумъ и крики были демонстраціей. А въ два часа ночи противникъ подползъ безъ единаго выстрѣла и крика почти къ самымъ загражденіямъ, —но тутъ былъ обнаруженъ секретами. По красной ракетѣ всѣ заняли мѣста, по бѣлой открыли огонь.

Но темная масса продолжала лѣзть впередъ по всему фронту полка съ яростью и упорствомъ все опрокидывающаго на своемъ пути бѣшенаго стада. Проволока звенѣла и рвалась подъ ножницами, прикрѣпленными къ штыковымъ ножамъ. Наши пулеметы скашивали передніе ряды, но сзади шли

новые, рождаясь изъ темноты, давили переднихъ, запутавшихся въ цѣпкихъ проволочныхъ объятіяхъ, и съ хриплымъ воемъ пробирались къ намъ. Еще минута, и мы или отобьемъ частымъ огнемъ этотъ приступъ, или погибнемъ въ неравномъ бою.

Но сзади уже бѣжитъ рота резерва со своимъ молодымъ командиромъ, георгіевскимъ кавалеромъ. Слышу звонкій окрикъ:

— Впередъ, родные,—поднимайся, бей колбасу! Впередъ, красавцы!

И сзади прыгаютъ прямо черезъ насъ, черезъ головы сидящихъ въ окопѣ. Мигомъ все перемѣшивается въ кровавой дракѣ штыками и прикладами. Слышенъ только вой раненыхъ, которыхъ топчутъ,—острый визгъ, покрывающій гулъ боя. Трещатъ одиночные выстрѣлы. Но наша взяла; нѣмцевъ бьютъ и гонятъ обратно къ проволокѣ. Падающихъ прикалываютъ на мѣстѣ. Положительно негдѣ ступить—всюду раненые и умирающіе...

— Разберись по ротамъ! Вторая ко мнѣ! Третья ко мнѣ!—сзываютъ людей командиры!

— Отъ этого траверса вправо участокъ поручика N, влѣво подпоручика М. Вышлите санитаровъ—подбирайте своихъ!

По телефону освѣдомляю штабъ полка о происшедшемъ и требую всѣ санитарныя двуколки.

Если будетъ тихо, до разсвѣта увеземъ тяжело раненыхъ. Легкіе—кто въ строю остался, кто самъ доберется.

Въ окопѣ громкіе голоса—воодушевленіе отбитой атаки.

— Тише, молодцы,—не шуми, а то за вами неслыхать ничего секретамъ!

Они тамъ, за проволокой, туго набитой мертвецами и умирающими, какъ рыболовная сѣть богатымъ уловомъ... Трое безвѣстныхъ героевъ, смѣнившіе троихъ такихъ же сѣрыхъ героевъ.... Тѣ пали смертью храбрыхъ, первыми принявъ на себя ночную атаку....

До разсвѣта стонутъ раненые и самоотверженно работаютъ санитары. Теперь нѣмцы не мѣшаютъ. Они нажглись на этомъ участкѣ и попробуютъ обойти его съ фланга. Пока мы можемъ спокойно обсудить свое положеніе.

— Ваше высокоблагородіе! Вы не догадались еще, почему нѣмцы сегодня такъ здорово на насъ лѣзли?

Передо мною фельдфебель. За нимъ двое держатъ дюжаго, мертвецки пьянаго германца безъ каски и въ рваномъ мундирѣ.

— Извольте видѣть этого негодяя—на ногахъ еле стоитъ. Эѳиромъ накачался для храбрости. И они всѣ тамъ пьяные, ваше выс-діе. У многихъ въ ранцахъ вино и пустыя фляжки.

Черезъ полчаса намъ приказано отойти версты на полторы и занять тыловую позицію. Наши раненые всѣ подобраны и отправлены.

Винтовки русскія увезены въ тылъ, а германскія поломаны и затворы закопаны въ воронкѣ отъ шестидюймовой бомбы.

Раненые нѣмцы къ утру перестали выть и, опьяненные эѳиромъ, застыли...

Пора отходить. Дюжаго дѣтину-нѣмца пришлось оглушить прикладомъ—онъ полѣзъ съ ножемъ на конвойныхъ, и врядъ ли ему удалось дожить до того момента, когда непріятельскія передовыя партіи осторожно вошли въ наши пустые окопы по загражденіямъ изъ труповъ своихъ товарищей...

Въ предразсвѣтномъ туманѣ навстрѣчу намъ выдвигается конница—три сотни лавой прикрываютъ нашъ переходъ. Лошади и закутанные въ косматыя бурки всадники кажутся чудовищами изъ Апокалипсиса.

Но вотъ и позиція—слава Богу, честно построенная. На ней надо отсидѣться до вечера, выполняя задачу! Ходимъ по окопу, мысленно прикидывая, —выдержитъ ли этотъ козырекъ осколокъ шестидюймовой; а блиндажъ—полевую гранату цѣликомъ. Противъ цѣлаго снаряда въ шесть дюймовъ —нечего и думать, все равно никакая инженерная покрышка не выдержитъ. Надо ее самимъ усиливать...

И мы поспѣшно приступаемъ къ новой тяжелой работѣ, забывая совершенно, что мы, собственно говоря, вторыя сутки не ѣли и не спали...

Вѣдь это намъ сегодня обороняться на этой позиціи!

Въ арьергардѣ.

Густой утренній туманъ прикрывалъ наши поспѣшныя работы по усиленію тыловой позиціи. Утомленные ночнымъ боемъ, стрѣлки превозмогли усталость и положительно выбивались изъ силъ, чтобы успѣть зарыться въ землю до начала неизбѣжной «гвоздиловки». Всѣ, до послѣдняго человѣка, сознавали важность возложенной на полкъ задачи—прикрыть опаснѣйшій фланговый отходъ стиснутаго противникомъ корпуса—и были готовы принести себя въ жертву ради общаго успѣха...

Впереди еще раздавались одиночные ружейные выстрѣлы, а порою рѣзко татакалъ пулеметъ. Это германскія цѣпи въ слѣпую продолжали обстрѣливать наши окопы, занятые спѣшенными казаками.

Къ исходу девятаго часа утра туманъ порѣдѣлъ и, очевидно, протиникъ потѣснилъ нашу слабую кавалерійскую завѣсу, потому что выстрѣлы стали слышаться все ближе и ближе. Наконецъ, показалась полусотня въ сомкнутомъ строю, а на опушкѣ кустарника, далеко за нею, казачья лава.

Къ намъ подскакалъ офицеръ.

— Все ли у васъ готово? Мы отходимъ къ штабу вашего полка. Нѣмцы уже заняли старую позицію, и скоро, вѣроятно, будутъ сюда наступать.

— Передайте командиру, что мы готовы. Кстати—не забудьте разъѣзды выслать на фланги и въ тылъ. Вѣдь положеніе серьезное.

— Я доложу,—отвѣчалъ сотникъ.—Да, и очень серьезное. Помогай Богъ до темноты удержаться!

Казачья лава прошла нашу линію и, свернувшись въ походную колонну, исчезла за перелѣскомъ.

Солнце пробилось сквозь порѣдѣвшій туманъ. Многіе видѣли его въ послѣдній разъ, но никто объ этомъ не задумывался...

Выставивъ часовыхъ и раздѣливъ роты на двѣ смѣны, офицеры предполагали хоть часа полтора подремать. Но мечта объ отдыхѣ рухнула.

— Наступаютъ,—крикнулъ часовой, и этотъ крикъ пронесся по всей линіи окоповъ приглашеніемъ занять свои мѣста по боевому росписанію.

До кустарника было не болѣе тысячи шаговъ. Въ бинокль можно было отчетливо разсмотрѣть германскаго офицера въ синемъ мундирѣ, разглядывавшаго въ свою очередь, впереди лежащую мѣстность. Наши окопы, вполнѣ прилично маскированные вѣтками и травой, ничѣмъ не выдѣлялись на общемъ фонѣ кочковатаго луга. Людямъ приказано было не стрѣлять и ничѣмъ себя не обнаруживать до команды.

Осмотрѣвшись, германецъ смѣло пошелъ впередъ. Одновременно впередъ двинулась и рѣдкая цѣпь его развѣдчиковъ.

— Батарею просимъ не стрѣлять, пока мы не откроемъ огня,—предупредили артиллерійскаго наблюдателя,—но будьте на чеку.

— У меня всѣ дистанціи измѣрены, а орудія готовы. Не безпокойтесь, мнѣ все понятно. Подпускайте ихъ ближе.

Цѣпь развѣдчиковъ, безпечно шедшихъ съ винтовками на плечевомъ ремнѣ, была для насъ дешевой добычей. Но намъ нужно было дать выйти на чистое мѣсто колоннѣ пѣхоты, голова которой только-что показалась изъ-за кустовъ.

Наконецъ, передовые нѣмцы уже всего въ ста-пятидесяти шагахъ. Если они и замѣчаютъ окопы, то думаютъ, что въ нихъ никого нѣтъ. Часовые и офицеры наблюдаютъ въ перископы, а стрѣлки сидятъ, затаивъ дыханіе, на самомъ днѣ...

Но артиллерійское сердце не выдержало. Телефонъ затрещалъ—и шесть великолѣпно расчитанныхъ шрапнелей разорвались прямо надъ серединой германской колонны.

Ожидавшіе только этого сигнала, пулеметы словно сорвались съ цѣпи, и въ одну минуту стройной пѣхотной колонны не стало. Во всѣ стороны поползли раненые, разбѣжались чудомъ уцѣлѣвшіе люди...

Ошеломленные развѣдчики бросились на землю и въ разстояніи какой-нибудь сотни шаговъ стали, какъ страусъ, прячущій голову въ песокъ, искать спасенія за кочками, мелкими кустиками и въ шоссейныхъ канавахъ.

Лучшіе стрѣлки намѣтили себѣ мишени и приступили къ дѣлу.

— Я вонъ того, толстаго, что ямку носомъ роетъ.

— А я ихняго взводнаго, за кучкой щебня— вонъ выглядываетъ!

Трахъ-трахъ—и обоихъ нѣмцевъ уже нѣтъ. Стрѣльба на мѣткость—безпощадная охота по живому звѣрю.

А по телефону идетъ серьезная бесѣда о положеніи дѣлъ. Выяснилось, что противникъ уже занялъ деревню Л.....—по картѣ ее ищемъ и, увы, она оказывается за нашимъ правымъ флангомъ,—а оттуда наступаетъ на прикрывающихъ насъ донцовъ съ конной батареей.

— Скоро начнется «гвоздежъ»—пожалуй, порвутся телефоны. Я вамъ пришлю собакъ,—говоритъ полковой командиръ.—Помните—отступать нельзя. Можно быть выбитыми изъ окоповъ штыками, но самимъ отходить нельзя....

— Что видно?—спрашиваемъ наблюдателя.

— Окапываются у кустовъ, ваше высокоблагородіе. Плохо видать, въ низинѣ.

— Прошу васъ,—гранатами по опушкѣ, не давайте работать.

Это пріятное извѣстіе, что противникъ окапывается—т. е., что онъ не предполагаетъ немедленно наступать,—наводитъ нѣкоторыхъ изъ насъ на самыя оптимистическія предположенія:

— Хорошо, если онъ насъ до вечера оставитъ въ покоѣ!

Но вотъ и отвѣтъ. Глухое «ш-ш» переходитъ ближе въ грозное «ж-ж» и еще ближе въ ревъ, моментально сопровождаемый громовымъ разрывомъ. Осколки шестидюймовой бомбы свистятъ по всѣмъ направленіямъ. Ходъ сообщенія—куда она попала—весь заваленъ.

— Началось!—мелькаетъ въ умѣ у каждаго, и

всѣ, не стѣсняясь этимъ выказать смущеніе, спокойно осѣняютъ себя крестомъ.

— Взводные помни,—починять окопы и ходы безъ напоминанія! .Сами слѣдите!

Лица людей серьезны. Вотъ она—«гвоздиловка».. Пронеси, Господи! И началось. Въ теченіе первой четверти часа мы, забившись въ блиндажи, ежеминутно ожидали смерти съ философскимъ спокойствіемъ завѣдомо обреченныхъ на смерть. Выглянуть въ окопъ было почти невозможно, потому что осколки летали по всѣмъ сторонамъ, какъ растревоженныя пчелы. Гулъ разрывовъ сливался общимъ грохотомъ. Пыль носилась тучей и земля непрерывно тряслась. Раза три мы ожидали, что пришелъ намъ конецъ, но гранаты попадали не въ самый блиндажъ, а рядомъ съ нимъ и онъ только пошатнулся на бокъ, грозя при слѣдующемъ ударѣ обвалиться намъ на голову. Всѣ телефонные провода были порваны...

Эта четверть часа ураганнаго огня тяжелой артиллеріи казались вѣчностью. Но сплошной ревъ снарядовъ внезапно прекратился и только одиночныя гранаты продолжали бить по уже разрушенному окопу.

Мы выскочили изъ блиндажей и принялись за работу. Телефонисты подъ градомъ пуль и осколковъ поползли соединять перебитые провода, офицеры побѣжали вдоль окоповъ.

Да, знатно досталось намъ за эти 15—20 минутъ! Всѣ пулеметныя гнѣзда оказались засыпанными, два блиндажа обрушились отъ попавшихъ прямо въ нихъ бомбъ и стрѣлки откапывали трупы.

...Вдоль по окопу шли, опираясь на ружья, раненые. Нѣкоторыхъ поддерживали товарищи, нѣсколькихъ несли на носилкахъ. Красавецъ взводный, кавалеръ трехъ степеней, подбѣжалъ ко мнѣ, мыча что-то непонятное, жестами показывая на свою рану—у него перебило осколкомъ челюсть,—на окопъ и словно передавая мнѣ ввѣренныхъ ему людей. Я пожалъ ему руку и жестомъ же приказалъ итти на перевязку.

Много легко раненыхъ оставалось въ строю, и товарищи бинтовали имъ руки и головы марлей изъ индивидуальныхъ пакетовъ. Другіе торопливо чистили оружіе и пулеметы и поправляли, не обращая никакого вниманія на обстрѣлъ, обвалившійся брустверъ.

Считая, что съ нашимъ участкомъ все покончено, тяжелая артиллерія противника перенесла огонь на сосѣдній батальонъ. Но легкая батарея продолжала пострѣливать и мѣткія ея попаданія причиняли намъ немало хлопотъ и непріятностей. Телефоны такъ и не удавалось починить. То тутъ, то тамъ ихъ снова рвали снаряды. Двое телефонистовъ, ушедшихъ на розыски порваннаго мѣста, погибли, засыпанные во время работы гранатами.

Среди этой печальной картины раздался веселый свистъ и крики—«сюда, собачка, сюда, умница»!

Прямикомъ по полю, черезъ воронки отъ разрывовъ, не смущаясь стрѣльбой, ранеными, шумомъ, мчался къ окопу огромными прыжками полковой почтовый песъ рыжей масти. Узнавъ знакомаго телефониста, онъ радостно бросился къ нему и хрипло залаялъ.

— Снимайте скорѣе записку.

Изъ кожанной сумочки, прикрѣпленной къ ошейнику, вытащили сложенную вчетверо бумажку:

— Сообщите немедленно обстановку. У насъ получено свѣдѣніе—наступленіе противника отъ Л. остановлено конной контръ-атакой донцовъ; въ штабъ полка прибылъ батальонъ для поддержки отхода, предполагаемаго въ сумеркахъ. Держитесь твердо, установите связь съ артиллеріей.

Батальонный командиръ написалъ отвѣтъ и «Сверкай» понесся обратно. Въ этомъ бою собаки вели себя героями. «Мальва», раненая пулей, все-таки добѣжала до окопа и пала, исполнивъ задачу... Во время полнаго окруженія одной изъ ротъ германцами песъ «Банзай» дрался, какъ волкъ, въ общей свалкѣ хватая за горло непріятельскихъ солдатъ, и былъ убитъ штыкомъ.

Послѣ часового перерыва снова начался «гвоздежъ» и все живое должно было укрыться въ блиндажи. Огонь достигалъ наивысшаго напряженія, и въ адскомъ грохотѣ чувствовалось, что подъ прикрытіемъ этого урагана на истребленный, болѣе чѣмъ наполовину, гарнизонъ окоповъ ведется рѣшительная атака. Было разрушено все—окопы, ходы сообщенія, половина блиндажей обратилась въ могилы; воронки шестидюймовокъ перекопали все поле вокругъ нашей позиціи...

. . . . . .

. . . . . .

Внезапно грохотъ смолкъ, пыль осѣла—и въ 200 шагахъ передъ нами выросли густыя цѣпи

и за ними колонны германцевъ, спокойно, безъ крика, шедшихъ на развалины нашихъ окоповъ, какъ на маневренномъ ученьи...

— La garde meurt mais ne se rend pas,—крикнулъ поручикъ Н—ій, смыкая вокругъ себя горсть оставшихся стрѣлковъ 4 роты и бросаясь—безуміе храбрыхъ!—въ контръ-атаку. Завязался отчаянный бой. Больше мы его не видѣли. По слухамъ онъ, тяжело раненый, взятъ въ плѣнъ съ остатками роты...

Справа прорвались, и вотъ уже въ тылу видны люди въ синихъ мундирахъ и блестящихъ каскахъ. Щелкаютъ затворами, но не стрѣляютъ. Кричатъ: —сдавайтесь!

— Бей ихъ родные! Проложимъ себѣ дорогу— не сдадимъ! Стрѣлки не сдаются!

Насъ окружало тѣсное кольцо,—но десятокъ брошенныхъ въ упоръ ручныхъ гранатъ прорываетъ его, и съ крикомъ «ура» мы пробиваемся штыками, унося пулеметы и телефонныя станціи. Ошеломленные бурнымъ натискомъ, германцы разступаются и только черезъ нѣсколько минутъ открываютъ огонь.

Но мы уже отошли на слѣдующій гребень холмовъ...

. . . . . , , ,

. . . . . , , ,

Сводную роту принимаетъ штабсъ-капитанъ. Командиръ батальона раненъ штыкомъ въ правую руку, но не позволяетъ уносить себя на перевязочный пунктъ.

Съ собакой послано донесеніе. Нѣмцы засѣли

въ окопы и ведутъ перестрѣлку, но дальше не идутъ...

. . . . . , , ,

. . . . . , , ,

Съ минуты на минуту ждемъ, что германцы раздавятъ остатки нашихъ людей и сознаемъ, что выдержать вторую атаку мы не въ состоянiи... А отойти назадъ невозможно: насъ моментально разстрѣляютъ, какъ только начнемъ подниматься на горку...

Но неожиданно приходитъ спасительное приказанiе—отойти къ штабу полка, гдѣ высланныя на поддержку части заняли позицiю, —тогда, когда бронированные автомобили явятся къ намъ на выручку.

Черезъ полчаса на перекрестокъ шоссе полнымъ ходомъ выѣзжаютъ два броневика и останавливаются у самой линiи окоповъ, захваченныхъ нѣмцами, разстрѣливая ихъ изъ пулеметовъ въ упоръ.

Противникъ укрывается за траверсами, ищетъ спасенiя въ ямахъ. Мы быстро отходимъ назадъ, никѣмъ не преслѣдуемые...

Казачья сотня рѣдкою цѣпью выѣзжаетъ намъ навстрѣчу.

Сводная рота героевъ присоединяется къ полковому резерву подъ охраной казаковъ и свѣжихъ силъ, занявшихъ позицiю въ тылу.

Противникъ больше не проявляетъ активности. Вечерѣетъ. Задача нами выполнена. Вѣчная память погибшимъ, живымъ—два дня отдыха, и снова—смѣло впередъ...

„Убѣжденный самотекъ“.

Иванъ Ивановичъ прибылъ къ намъ въ полкъ при одной изъ маршевыхъ ротъ пополненія. Скромный, застѣнчивый, средняго роста, неопредѣленнаго возраста, съ безцвѣтными усами и подстриженной бородкой, скорѣе похожій на чиновника, чѣмъ на офицера. Поговорили съ нимъ о Петроградѣ, при чемъ ничего интереснаго узнать не могли, а потомъ какъ-то позабыли о его присутствіи. Тихо садился за конецъ стола въ собраніи, молча прислушивался къ общему разговору, курилъ двѣ папиросы за обѣдомъ и одну за ужиномъ и непремѣнно своей набивки, а отъ предлагаемыхъ отказывался, учтиво благодаря и объясняя, что ему вредно курить крѣпкій табакъ. Сердце не въ порядкѣ.

Изъ послужного списка узнали, что прапорщикъ былъ раньше мировымъ судьей гдѣ-то въ глухомъ центральномъ уѣздѣ и поступилъ добровольно на службу. Роты пока Ивану Ивановичу не дали, а зачислили его младшимъ офицеромъ въ пятую къ поручику Стрѣльскому.

Какъ-то за ужиномъ зашелъ разговоръ о тактикѣ современнаго боя, сводящагося къ массовому избіенію передовыхъ частей артиллерійскимъ тяжелымъ огнемъ и атакѣ резервами почти опустѣлыхъ окоповъ. При этомъ присутствовалъ и Иванъ Ивановичъ. Обсуждались различные планы борьбы съ

германской артиллеріей, горячо спорили,—и кому-то пришло въ голову спросить мнѣніе прапорщика пятой роты.

Это мнѣніе вызвало общія дружныя насмѣшки. «Вы проповѣдуете «самотекскую тактику»,—заявили бѣдному Ивану Ивановичу старшіе офицеры. И скоро за прапорщикомъ укоренилось нелестное прозвище «убѣжденный самотекъ» въ дополненіе къ прежней оцѣнкѣ—«заурядная личность».

Наступили тяжелые дни отсиживанія въ уже обреченной на самостоятельную оборону крѣпости. Нашему полку выпало на долю оборонять далеко выдвинутые впередъ два долговременныхъ форта съ рядомъ промежуточныхъ укрѣпленій. Роты первой линіи были разбросаны на довольно широкомъ фронтѣ и за ними поставлены участковые резервы, связанные съ окопами телефономъ и укрытыми ходами сообщенія.

Нѣсколько дней тянулась однообразная перестрѣлка съ медленно продвигавшейся впередъ германской пѣхотой. Ей приходилось съ тяжелыми потерями вырывать у насъ каждый клочекъ земли между непроходимыми болотами, наводненными при помощи искусственныхъ запрудъ. Мы постепенно отходили на свои укрѣпленныя позиціи, выигрывая необходимое, для усовершенствованія крѣпостной обороны, время.

Наконецъ, въ дѣло была введена тяжелая артиллерія и началась «гвоздиловка». Вечеромъ одного изъ первыхъ дней бомбардировки нѣмцы стремительно кинулись на фортъ № 3, гдѣ были разрушены всѣ казематированныя убѣжища и артилле-

рійскія установки, и овладѣли остатками укрѣпленія—но не надолго. Лихая контръ-атака трехъ ротъ нашего резерва опрокинула противника, и фортъ вновь перешелъ въ наши руки.

Героемъ этого славнаго дѣла былъ «убѣжденный самотекъ», онъ же «заурядная личность», смертью храбрыхъ запечатлѣвшій свой подвигъ...

Одинъ изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ свидѣтелей этого недолгаго, но чрезвычайно упорнаго боя, разсказывалъ намъ подробности геройской гибели «самотека».

— Мы сидѣли въ подземномъ казематѣ у перекрестка дорогъ и съ волненіемъ прислушивались къ непрерывному гулу разрывовъ на фортѣ № 3. Тамъ все было окутано чернымъ дымомъ и, казалось, мѣста не оставалось нетронутаго гранатами. Сколько разъ по телефону спрашивали фортъ,—какъ дѣла?—и получали въ отвѣтъ, что—«еще держатся». Потомъ телефонъ испортился или былъ перебитъ снарядомъ. Послали провѣрить провода двухъ телефонистовъ, но ни одинъ изъ нихъ не дошелъ до форта...

И вдругъ стрѣльба оборвалась и наступила зловѣщая тишина, потомъ пулеметы зататакали и мелкокалиберныя пушки Гочкиса. Ну, видно, послѣднія минуты переживаетъ фортъ. Мы приготовились, подтянулись на случай вызова. Послышалось «ура», но блѣдное, негромкое, и тоже оборвалось. Значитъ, кончено.

И видимъ, идетъ къ намъ быстрымъ шагомъ прямо поверху, не обращая вниманія на пули, Иванъ Ивановичъ. Лицо возбужденное, руками раз-

махиваетъ, совсѣмъ на себя не похожъ. Скорѣе радостный, чѣмъ растерянный.

— Живѣе, господа, выводите резервъ. Фортъ занятъ нѣмцами, но ихъ немного дошло. Успѣемъ выбить!

Не прошли мы сотни шаговъ, какъ «самотекъ»-то выпрыгиваетъ изъ хода сообщенія наверхъ и кричитъ людямъ:

— Скорѣе впередъ! Выручай нашихъ! Ура!

И голосъ у него былъ такой увлекательный и звонкій, что мы сразу не повѣрили, что это его голосъ. А онъ даже словно выше ростомъ сталъ, выпрямился, а то ходилъ сутуловато. Вышло все блестяще. Наши разомъ выкинулись изъ хода сообщенія, да по верху цѣликомъ прямо на фортъ и направились. Тамъ затрещали было пулеметы и сразу остановились. Иванъ Ивановичъ впереди всѣхъ наскочилъ на нѣмцевъ съ шашкой въ рукѣ. «Бей ихъ,—кричитъ,—ребята! Бей, не жалѣй!»

Началась свалка. А тутъ, откуда ни возьмись, справа еще наши подбѣжали. Оказалось, что «самотекъ» приказалъ, еще задолго до начала «гвоздиловки», заготовить для всего гарнизона форта вторые надежные блиндажи изъ толстаго наката и тамъ припряталъ отъ «чемодановъ» свою полуроту. Когда подбѣжалъ резервъ, и они бросились въ атаку съ нами вмѣстѣ.

Въ общемъ—дѣло было чисто сработано. Весь фортъ былъ заваленъ убитыми и ранеными баварцами, и шесть ихнихъ пулеметовъ нами захвачено. Ну, и мы потеряли немало. Жаль, погибъ нашъ «самотекъ» бѣдный. Какъ его хватило, никто

не знаетъ. Разрывною пулею прямо въ сердце. Все развернуло, рубашка на клочки, кровью залиты вещи... Въ полевой сумкѣ нашли письмо недоконченное на имя жены... Вложили въ конвертъ, вписали отъ себя нѣсколько словъ, что умеръ героемъ, и отправили.

И когда все это совершилось, такъ намъ всѣмъ стало стыдно передъ «заурядною личностью», совершившей безхитростно свое славное дѣло, за наши остроты и уколы по адресу безотвѣтнаго «убѣжденнаго самотека», оказавшагося однимъ изъ скромныхъ героевъ Тушиныхъ русской арміи...

По слѣдамъ нѣмцевъ.

Золотистая осень. Рѣдкой красоты полны березовыя рощи, устланныя мягкимъ ковромъ опадающихъ листьевъ. Повсюду разбросаны отдѣльные хутора изъ нѣсколькихъ деревянныхъ строеній, окруженныхъ остроконечнымъ частоколомъ; высоко подняты журавли многочисленныхъ колодцевъ. Скрипятъ ворота, пропуская нагруженныя сѣномъ фурманки. Послѣ утомительнаго перехода стрѣлки весело кипятятъ чай на кострахъ за околицей.

Половина богатаго селенія выгорѣла до-тла, и на мѣстѣ украшенныхъ затѣйливою рѣзьбою халупъ жалко торчатъ однѣ потрескавшіяся и почернѣвшія печныя трубы. Это—слѣды германскаго набѣга, двѣ недѣли державшаго въ страхѣ и трепетѣ всю округу.

Разъѣзды противника доходили до самаго Борисова, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ не успѣвъ причинить особаго вреда важнѣйшему желѣзнодорожному пути Москва—Минскъ. Когда мы перешли въ энергичное наступленіе и вытѣснили прорвавшуюся конницу и сопровождавшія ихъ егерскія части и автомобильныя батареи—порядочная толика нѣмцевъ отбилась отъ своихъ и долгое время блуждала въ густыхъ лѣсахъ Вилейскаго и Борисовскаго уѣздовъ, пока голодъ не вынудилъ ихъ сдаться нашимъ тыловымъ отрядамъ и военной полиціи.

Важный узловой пунктъ—станція Молодечно—находился въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подъ обстрѣломъ непріятельской артиллеріи, но пострадалъ весьма незначительно. Отбитая пулями штукатурка на вокзалѣ и нѣсколько сгорѣвшихъ сараевъ—вотъ все, что напоминаетъ о германскомъ визитѣ. Быстрый переходъ въ наступленіе подоспѣвшаго отряда обратилъ нѣмцевъ въ поспѣшное бѣгство; въ болотахъ застряли ящики съ обрубленными постромками; тамъ же валяются до сихъ поръ павшія лошади, кое-какъ прикрытыя землей и вѣтками...

Наша колонна проходила маленькій уѣздный городокъ на берегу полноводной Виліи. Мостъ былъ исправленъ и по нему весело бѣжалъ воинскій поѣздъ, далеко разнося звуки гармоники и залихватской пѣсни. Два—три квартала выгорѣли дотла. Немногіе жители, оставшіеся въ городѣ, разсказываютъ, что пожаръ начался уже во время отступленія германцевъ. Жгли нѣмецкіе солдаты съ цѣлью грабежа, и потому пострадали лучшіе магазины и склады. Чудомъ уцѣлѣли церкви, вокругъ которыхъ бушевало море пламени.

Въ районѣ Вилейки нѣсколько дней продолжались упорные бои; даже въ этой деревушкѣ, гдѣ мы сейчасъ остановились на дневку, повсюду видны свѣжезасыпанные окопы, а на погостѣ зарыты убитые егеря и кирасиры. «Хоть и нечистые они, насильники, но разъ похоронены, пускай себѣ лежатъ. Не выкидывать же ихъ въ оврагъ. Всетаки люди»....

Интересно и образно разсказываетъ о герман-

скомъ набѣгѣ хозяйка нашей халупы. Дымитъ лучина (здѣсь керосинъ и свѣчи еще въ мирное время являлись предметомъ роскоши), на печкѣ внимательно слушаетъ разговоръ босоногая дѣтвора...—«Мы ничего о нѣмцахъ и о войнѣ не слышали, мѣсто наше такое тихое и далеко отъ города. Жили себѣ помаленьку. Вотъ какъ-то сидимъ уже подъ вечеръ, балакаемъ—видимъ, ѣдутъ съ горы казаки съ пиками, а на пикахъ у нихъ флажки синенькіе съ красной полоской. Подъѣхали—двое къ намъ скачутъ—видимъ, что одежда у нихъ не русская. Ну, ничего намъ худого не сдѣлали, спросили, есть ли тутъ войско наше. Хорошо по нашему говорили очень. Сказали—сидите тихо, не тронемъ васъ никого. Намъ что дѣлать! Сидимъ. Кто въ халупу запрятался,—больше бабы да дѣвки,—а кто сидитъ на улицѣ спокойно.

Пріѣхали нѣмцы, человѣкъ пятьдесятъ, съ ними два офицера. На своихъ строго прикрикнули, спѣшились. У насъ въ халупѣ командиръ помѣстился. Черезъ того, кто по нашему говорилъ, приказали всѣмъ сносить хлѣбъ и яйца на дворъ къ офицеру, а тотъ между солдатами подѣлилъ. Забрали, сколько надо, сѣна, овса,—ничего не платили, а мы и не спрашивали, забоялись. Ну, ночь прошла коекакъ. Всюду конные нѣмцы ѣздили, видно боялись и все спрашивали, правда ли, что наши казаки сырое мясо ѣдятъ и никого въ плѣнъ живьемъ не берутъ, и будто есть такіе казаки, которые пьютъ человѣчью кровь и по-татарски говорятъ. У насъ въ халупѣ висѣлъ портретъ Кузьмы Крючкова, гдѣ изображено, какъ онъ на пикѣ трехъ нѣмцевъ

поддѣлъ. Эту картину нѣмецкій офицеръ на клочки порвалъ, а рядомъ Государя не тронулъ, и тоже Наслѣдника. Постѣснялся, въ немъ, видно, совѣсть была. Передавалъ нашимъ—не бойтесь конныхъ, это гвардейская, молъ, конница, ничего не тронетъ,—а вотъ берегитесь пѣхоты, что въ каскахъ, эта, какъ саранча, все поѣдаетъ. Очень были порядочные люди—эти конные, а когда уѣзжали, ничего и вправду не тронули. Даже къ дѣвкамъ такъ только лѣзли, играючи, а худого ни дѣвкамъ, ни бабамъ не сдѣлали.

Утречкомъ уѣхали конные, и повалила пѣхота. Двѣнадцать или болѣе часовъ сряду шли пѣхотные по большаку, а къ вечеру и къ намъ въ деревню полкъ поставили. Тутъ-то и началось наше горе. Вразъ забрали всю мелкую скотину—свиней, поросятъ, курей—все поѣли. Бабы просили оставить хоть поросеночка—нагайками и кулаками били прямо по лицу. А офицеры ихъ не сокращали, да они офицеровъ своихъ и не послушали бы. А на другой день забрали насильно всю скотину и лошадей, даже квиточка не дали. Обобрали все село и ушли. Мало простояли, а то еще хуже было бы. Бабъ и дѣвокъ требовали, насильничали, офицеры затащили съ нашего села нѣсколькихъ въ баню, до-гола раздѣли и такъ по улицѣ погнали... Срамъ-то какой! Ну, какъ только ушли они, мы другихъ дожидаться не стали. Пособирали, что можно, бѣлья да одежи, и въ лѣса. Запрятались въ такую глушь, что и съ собаками не сыщешь. Такъ просидѣли дней десять. Наконецъ, слышимъ—большая пальба кругомъ идетъ. Помолились Богу, что-

бы наши одолѣли. А то уже настрадались мы сильно, и хлѣбъ, что взяли, пріѣли весь, и холода подошли, дѣти болѣть стали.

Приходитъ къ намъ мужикъ—говоритъ, ушли нѣмцы, вольно и вамъ ворочаться назадъ. Пошли мы по домамъ. Куда ни взглянь—разореніе вполнѣ. Пожжено, пограблено... Граммофонъ былъ у нашего мужика—поломали на мелкія щепки ящичекъ и трубу раздавили. Въ избахъ хоть шаромъ покати. Котенку нашему ушки отрѣзали вовсе и хвостикъ—надъ бѣдной скотиной потѣшались! А кто оставался изъ мужиковъ дома, тому плевали въ лицо, говорили: «русъ капутъ, нѣмцу гутъ»...

Наши казаки много ихнихъ солдатъ переловили, порѣзали, а многіе въ лѣсахъ попрятались и по ночамъ стали дорогу искать назадъ, да всѣ дороги нашими заняты уже—и никуда имъ не уйти. Крестьяне тоже побрали топоры, вилы, пошли ловить по лѣсамъ нѣмцевъ. Порядочно на тотъ свѣтъ отправили, отомстили за свое разореніе»...

На другой день мы проходимъ черезъ богатое село съ каменной старинной церковью. Она оказалась запертой, съ выбитыми стеклами въ окнахъ. Древній сторожъ жалуется на то, что нѣмцы ставили лошадей въ церковь и всю запакостили.— «Накажи ихъ за это Господь!»

А навстрѣчу нашей колоннѣ ведутъ свѣжую партію плѣнныхъ въ обтрепанныхъ мундирахъ и рваныхъ сапогахъ. Горе-завоеватели проклинаютъ свою судьбу и жалобно просятъ хлѣба.

И имъ подаютъ ломти хлѣба тѣ, кого они же такъ недавно безжалостно грабили...

Встрѣчный бой.

Колонна медленно двигалась отъ желѣзнодорожной станціи, гдѣ только что закончилась высадка прибывшихъ резервовъ, къ озеру Д—ты. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, промежутокъ между озерами былъ захваченъ внезапно прорвавшейся глубоко въ тылъ конницей противника и закрѣпленъ его легкою пѣхотой съ автомобильною батареей. Обстановка носила крайне неопредѣленный характеръ и въ любую минуту можно было ожидать или встрѣчи съ продвигающимся на востокъ авангардомъ германскихъ силъ, или, что еще хуже, фланговаго удара справа или слѣва одного изъ его летучихъ самостоятельныхъ конныхъ отрядовъ. Мы приняли всѣ предписанныя уставомъ и выработанныя практикой мѣры предосторожности. Впереди шелъ сторожевой отрядъ, силою въ батальонъ стрѣлковъ съ пулеметной командой и сотней казаковъ; по сторонамъ были пущены охраняющіе фланги разъѣзды. Колонна главныхъ силъ была «на чеку» и не растерялась бы даже въ самомъ тяжеломъ положеніи.

— Помните, братцы, хорошей пѣхотѣ никакая конница не страшна. Главное—спокойствіе. Стрѣлять лишь по командѣ ротнаго командира.

Мы шли густымъ лѣсомъ. Легкій вѣтерокъ тихо шелестѣлъ золотистою листвою старыхъ гигантовъ. Мягкій песокъ заглушалъ шаги. Послѣ недавняго

дождика пыль улеглась и дышалось легко и свободно. На просторной зеленой лужайкѣ командиръ полка далъ большой привалъ. Артиллерію помѣстили у дороги, между батальонами; на углахъ площадки, занятой войсками, выставили сторожевые посты. Авангарду и боковымъ заставамъ послали приказаніе остановиться.

Мигомъ закипѣли чайнички, въ котелкахъ появилась картошка, подъѣхали ротныя кухни и стрѣлки столпились вокругъ кашеваровъ, зорко слѣдящихъ за очередью.—«А то по второму разу за порціей подберутся, не хватитъ».

Офицеры пристроились на откосѣ канавки и закусываютъ, чѣмъ Богъ послалъ, по братскому дѣлясь нехитрыми запасами. У командира полка во фляжкѣ коньякъ былъ—всѣмъ по полчарки досталось. День прекрасный, настроеніе бодрое и увѣренное въ своихъ силахъ. Люди отдохнули въ резервѣ, почистились, ряды въ ротахъ пополнены —теперь только и воевать. Но на войну какъ то непохоже—скорѣе маневры.

Кипитъ чайникъ, «семейный», на полведра; тутъ же, въ канавкѣ, стрѣлки пересмѣиваются, лица веселыя, румяныя, рубашки чистенькія, какъ на парадѣ...

Только полковой командиръ съ казачьимъ есауломъ что то серьезно бесѣдуетъ надъ картой. Имъ не до шутокъ. Надо приступать къ «дѣлу». Верстахъ въ десяти начинаются озера, того и гляди столкнутся авангарды. Сосѣднія колонны хотя тоже поддерживаютъ конную связь, да сильно запаздываютъ свѣдѣнія. Можетъ быть, онѣ еще не

успѣли выйти на линію, указанную штабомъ отряда для большого привала? Тогда наше положеніе рискованно—выдвинулись впередъ въ глубину дремучаго лѣса, несомнѣнно, скрывающаго непріятельскую конницу....

— Возьмите полусотню и сами произведите развѣдку, подступивъ къ деревнѣ. Тѣмъ временемъ мы подойдемъ головой колонны къ высотѣ «322» у опушки лѣса. Только поторопитесь и, по возможности, себя не обнаруживайте.

«На коней»,—и донцы исчезли въ лѣсу.

— Черезъ десять минутъ подъемъ. Передать по ротамъ.

— Кончай съ картошкой! Черезъ десять минутъ подъемъ,—разнеслось по бивуаку.

Лужайка зашевелилась. Кому понадобилось переобуться, кому поправить снаряженіе, кто протирать винтовку собрался передъ боемъ. И совершенно внезапно, недалеко, казалось, ближе, чѣмъ въ тысячѣ шаговъ, загремѣла ружейная перестрѣлка вперемежку съ ударами ручныхъ гранатъ.

Люди кинулись съ ружьями, толкая другъ друга; поднялся шумъ, разноголосыя приказанія, окрики....

Совершенно спокойно, раздался громкій и удивительно хладнокровный голосъ командира полка: «Батальоны, ложись! Никто въ ружье не командовалъ. Еще три минуты до подъема. Не торопитесь. Успѣется».

И какъ по мановенію волшебнаго жезла всѣ моментально успокоились. Послышались остроты:

— А ты за винтовку! Видно, новый, въ бою

не бывалъ, растяпа! У насъ все по командѣ—безъ команды и въ ружье не приказано. Голова!

— А коли «онъ» наскочитъ, дяденька?—виновато спрашиваютъ молодые.

— Коли командиръ полка не позволитъ, и «онъ» не наскочитъ. Тутъ все по уставу.

Начали свистать шальныя пули, шлепая по песку и съ трескомъ ударяя по деревьямъ. Перестрѣлка все разросталась.

— Ваше высокоблагородіе! Авангардъ ведетъ бой съ нѣмцами. Они изъ деревни вышли. Наши держатъ опушку лѣса. Капитанъ Н—въ проситъ поддержать батальонъ и готовъ наступать. Тамъ удобный овражекъ, никѣмъ не занято.

— Второму батальону—впередъ.

— Съ Богомъ. Полковникъ Ш—ій, рекогносцируйте позицію для батареи.

Стрѣлки перекрестились и бѣглымъ шагомъ двинулись въ лѣсъ. Обгоняя ихъ, карьеромъ понеслись артиллерійскіе офицеры и развѣдчики.

— А гдѣ казачья полусотня?

— Въ лѣсу, спѣшилась. Она такъ и не показывалась изъ лѣса.

Командиръ полка отдалъ всѣ распоряженія, передалъ команду надъ третьимъ батальономъ и батареей подполковнику М—ву и поспѣшилъ впередъ.

Бой разгорался.

Между тѣмъ, въ авангардѣ обстановка была слѣдующая. Головная рота поручика Б—га со своими дозорами уже подходила къ деревнѣ, почему то не нанесенной на двухверстную карту,

какъ по ней изъ домовъ и съ крыши господскаго дома открыли пулеметный и ружейный огонь. Быстро разсыпалась цѣпь,—но силы были слишкомъ неравны. Пришлось отходить на опушку лѣса, чтобы не лежать подъ разстрѣломъ на незасѣянной луговинѣ.

И въ эту минуту изъ-за мельничнаго бугра на роту налетѣла германская конница, считая отходящую цѣпь своею легкой добычей.

— Конница слѣва! Гранатами! Резерву — залпами!

Германцы вотъ-вотъ налетятъ на собравшихся въ кучки стрѣлковъ. Мѣткій залпъ резервнаго взвода, другой... Въ отходящихъ медленнымъ шагомъ и отстрѣливающихся кучкахъ полное спокойствіе. Въ 50 шагахъ—конскія морды... Ручными гранатами прямо имъ подъ ноги. Еще и еще! Шарахнулись назадъ. Посыпались убитые и раненые. Частый огонь. Изъ лѣса зататакали пулеметы подоспѣвшаго авангарда, ловко взявъ во флангъ гусарскій дивизіонъ...

Жалкіе остатки трехъ эскадроновъ карьеромъ ушли за мельницу, бросивъ раненыхъ.

Не удалось...

Тремя ротами и пулеметной командой авангардъ занялъ опушку лѣса. Головную роту убрали въ резервъ. Она потеряла немного: четырехъ ранеными и одного убитымъ. Спокойствіе выручило.

Прикрываясь деревней, германская пѣхота повела наступленіе на лѣсъ, предполагая, что онъ занятъ незначительными силами. Рѣдкая цѣпь развернулась отъ мельницы и господскаго дома. Гдѣ

то за пригоркомъ стала батарея и уже черезъ 10 минутъ послѣ начала перестрѣлки надъ опушкою стали рваться бѣлокрасные дымки шрапнелей.

— Сейчасъ же прекратите огонь,—подскакалъ командиръ полка.—Дайте имъ подойти вплотную, —и тогда мы двумя батальонами перейдемъ сами въ наступленіе. Батарея насъ поддержитъ.

Сзади слышалось звяканье цѣпей и конскій топотъ. Орудія становились на прогалинѣ у самой опушки.

Второй батальонъ подошелъ къ резервной ротѣ.

Германская цѣпь залегла въ двухстахъ шагахъ отъ нашей позиціи и принялась окапываться на бугоркѣ подъ огнемъ пулеметовъ.

— Ну, это хуже. Окапываться не дадимъ. А то потомъ дороже обойдется. Батареѣ обстрѣлять и зажечь деревню, держать подъ огнемъ сообщенія съ тыломъ. Сотнѣ приготовиться—взять во флангъ непріятельскую пѣхоту и преслѣдовать до, а если удастся, и за деревню. Первый батальонъ овражкомъ, слѣва, второй—прямо отъ лѣса.

— Командиры батальоновъ—распорядитесь. Казакамъ и батареѣ передать.

Зашуршали вѣтки и опавшія листья. Батальонъ по-ротно пробрался къ опушкѣ, чтобы занять исходное положеніе для атаки.

— Поѣзжай—резерву впередъ.

Ординарецъ поскакалъ обратно.

Трахъ-трахъ-трахъ!—рѣзко ударили скрытыя въ лѣсу орудія, и черезъ нѣсколько секундъ въ деревнѣ послышались разрывы, и черныя облака дыма окутали крайнія избы. Вспыхнули соломен-

ныя крыши, метнулось высоко въ воздухъ багровое пламя и перекинулось на сосѣдніе дома. Все запылало.

Батарея продолжала бить по господскому двору, гдѣ накапливались подходящіе на помощь германскіе батальоны.

Пулеметы открыли частый огонь по цѣпи, наскоро окапывавшейся на зеленомъ скатѣ.

— Все готово?

По телефону отдано лаконическое:

— Съ Богомъ—впередъ!

Только 200 шаговъ до противника, но какъ долго тянутся нѣсколько минутъ выхода изъ лѣса и бѣга впередъ! Не ожидавшіе атаки нѣмцы бросили работу. Градъ пуль навстрѣчу. Сплошной свистъ. Артиллерія перенесла огонь на насъ, но поздно. Ближе—не смѣетъ, боится ударить по своимъ,—бьетъ по опушкѣ и передъ нею.

— Впередъ, молодцы! Бей ихъ! Ура!

Кто первый крикнулъ ура? Чуть ли не всѣ сразу. Право-фланговая рота уже въ окопѣ. Ого! Нѣмцы не сдаются: приняли штыковой ударъ. Надо выручать товарищей.

— Пятая—за мною, впередъ!

Уже безъ моей команды кричатъ ура. Обгоняютъ. Кое-кто падаетъ. Пробѣгаемъ мимо. Не до того. Впередъ, молодцы; выручай своихъ!

Въ послѣднюю минуту вижу, что слѣва дѣла хороши. Три роты перваго батальона изъ оврага кинулись во флангъ, а второй батальонъ уже на окопѣ...

Еще нѣсколько прыжковъ—и мы въ гущѣ штыковой свалки.

— Vorwärts!—кричитъ толстый майоръ, а самъ издали машетъ саблей.

— Возьмите его живьемъ, подлеца!

Взводный съ десяткомъ стрѣлковъ, пробивается черезъ людскую массу. Майору не уйти.

Приклады молотятъ по головамъ, сбивая каски, штыки работаютъ, какъ иголки у швейной машины.

Противника, собственно говоря, уже нѣтъ. Кое-гдѣ въ общей свалкѣ еще видны каски и обалдѣлыя отъ испуга лица, съ выпученными глазами. На землѣ корчатся раненые, ихъ топчутъ ногами, не замѣчая.

— Довольно, бери оставшихся въ плѣнъ, видишь—сдаются. Довольно, говорятъ вамъ! Поручикъ З—въ! Вамъ говорю,—прекратить! Довольно! Кончай! Пятая рота—впередъ! Занять бугоръ цѣпью!

Батарея противника, очевидно, поняла, что авангардъ смятъ, и кроетъ и насъ, и остатки своихъ бѣглымъ огнемъ гранатъ и шрапнелей.

— Ведите плѣнныхъ къ резерву.

Майора и полсотни избитыхъ и окровавленныхъ нѣмцевъ тащатъ въ лѣсъ, подталкивая прикладами.

— Торопись! Изъ-за васъ еще подвернешься подъ снарядъ, дьяволы!

— Санитары, носильщики, собирай нашихъ. Нѣмцевъ потомъ.

Но кто это скачетъ къ намъ во весь духа, машетъ шапкой?

— Гдѣ батальонный?

— Я. Что такое?

— Деревня занята нами. Пока шелъ бой, мы проскочили и захватили въ плѣнъ роту резерва ихняго и четыре пулемета.

— Скачи къ командиру полка—въ лѣсу, на опушкѣ. Скажи, прошу третій батальонъ впередъ, на деревню. Сами сейчасъ пойдемъ тоже.

— Есть, понялъ,—и исчезъ.

Порѣдѣли наши ряды,—но зато дѣло обдѣлали ловко А теперь дальше!

— Отъ господскаго двора влѣво первому, вправо второму и третьему, занять, окопаться,—скачетъ ординарецъ.

— Доложи, поняли. Будетъ сдѣлано.

Насъ обстрѣливаютъ шрапнелью, но видно, у противника ослабѣло наблюденіе;—наша батарея сбила его наблюдателей и онъ стрѣляетъ наугадъ.

Вся деревня объята пламенемъ и пробѣжать между обратившимися въ костры избами нелегко.

За рощицей коноводы.

— Ваши гдѣ?

— Тамъ, впереди.

Миновали пламя, разобрались по-ротно, залегли цѣпями на окраинѣ селенія. Казаки отошли къ коноводамъ.

Полчаса спокойствія, если можно назвать спокойствіемъ лежанье за насквозь пробиваемымъ пулями плетнемъ фруктоваго сада въ ожиданіи подхода третьяго батальона.

— Васъ командиръ полка просятъ—за каменной халупой.

— Иду. Проведешь меня напрямикъ.

— Вотъ что. Дѣла наши недурно идутъ. Правѣе насъ —ая дивизія овладѣла деревней у самаго озера. Нами взято свыше трехсотъ плѣнныхъ и четыре пулемета. Разбито не меньше трехъ батальоновъ гвардейскаго резервнаго полка. Плѣнные показываютъ, что за ними только одинъ батальонъ съ батареей и конница.

— Донесеніе, ваше выс—діе.

— Давай сюда карту.

— Лѣвая колонна вышла на линію деревень Петровка и Веле-Дубки и завязала бой съ арьергардомъ отступающей колонны противника. Бой успѣшно развивается. Содѣйствуйте овладѣніемъ деревни Малая Хута (командиръ улыбнулся,—мы въ ней и сидимъ) и дѣйствуйте во флангъ окопавшемуся у Веле-Дубки арьергарду, дабы его отрѣзать.

— Вамъ придется остаться здѣсь,—обратился ко мнѣ полковой командиръ,—съ вашимъ батальономъ и двумя пулеметами. Остальное со мною влѣво. Держитесь упорно. Распространитесь по всей деревнѣ.

Прошу казачій взводъ.

— Пожалуйста, сами распорядитесь. Поручикъ П—въ, вы слышали? Разошлите ординарцевъ. Первый и третій батальоны и батарея слѣдуютъ къ деревнѣ Веле-Дубки. Впередъ вся конница. Итти скрытно. Вытягиваться. Охраняться справа внимательно.

— Прощайте. Держитесь крѣпче. Я съ вами свяжусь, а вы съ правой колонной. Все поняли?

И полковникъ сѣлъ на коня.

До 8 часовъ вечера я легко отбилъ двѣ нерѣшительныя попытки противника перейти въ наступленіе, но съ наступленіемъ темноты, несмотря на высланную впередъ развѣдку, чувствовалъ себя неспокойно.

Огонь по деревнѣ прекратился, и даже рѣдкіе одиночные выстрѣлы затихли. Зато слѣва шелъ сильный артиллерійскій бой.

— Что у нихъ тамъ?

Въ 12 часовъ ночи пришла короткая записка:

— Веле-Дубки. 11 час. 30 мин. вечера. Противникъ выбитъ и въ безпорядкѣ отступилъ, преслѣдуемый казачьей бригадой. На плечахъ его заняты укрѣпленія перешейка. Плѣнныхъ свыше тысячи, два орудія безъ замковъ. Приказано ночью сосредоточиться къ Веле-Дубки. Передайте въ правую колонну и сами идите на присоединеніе.

И когда я подписывалъ донесеніе начальнику правой колонны, отъ него получилось:

— Командиръ корпуса приказалъ принять отъ васъ участокъ фронта Малая Хута—Подборжице ....ая дивизія выбила противника изъ мѣстечка Н—це и ночуетъ впереди него. Въ успѣшномъ бою взято свыше батальона при 20 офицерахъ. Какъ обстановка у васъ и влѣво?

Я вложилъ обѣ записки—мою и командира—въ одинъ пакетъ и отправилъ. Черезъ часъ насъ смѣнили, а черезъ два часа мы уже спали мертвымъ сномъ на площади села Веле-Дубки, не смущаясь тѣмъ, что вокругъ валялись еще неубранные трупы въ помятыхъ каскахъ...

Въ окопахъ.

Мы не читаемъ газетъ, а потому не имѣемъ абсолютно никакого понятія о томъ, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ за предѣлами нашего боевого участка. Весь нашъ кругозоръ и всѣ интересы ограничены—справа выступомъ густого сосноваго лѣса, слѣва развалинами занятой нѣмцами деревушки. Впереди, за снѣжной равниной, шагахъ въ шестистахъ, а кое-гдѣ и ближе, едва чернѣютъ бойницы германскихъ окоповъ.

Наши окопы—не какія-нибудь «самотекскія норы». Нѣтъ, это комфортабельные блиндажи съ печками, нарами, стеклами въ окнахъ и дверями изъ соломенныхъ матовъ, связанные между собою глубокими, выше роста человѣка, траншеями, въ которыхъ по послѣднему слову техники приспособлены бойницы, укрытія для часовыхъ, пулеметы, склады патроновъ, воды и припасовъ; съ тыломъ и сосѣдними частями насъ соединяютъ зигзагообразные ходы сообщенія, совершенно укрытыя отъ взора противника.

Потолки блиндажей выдержатъ совершенно спокойно не только полевую гранату, но даже солидный шестидюймовый чемоданъ. Это три или четыре ряда толстыхъ бревенъ, сверхъ присыпанныхъ землей и камнями.

У каждаго ротнаго командира есть своя телефонная станція, позволяющая ему всегда быть въ

курсѣ обстановки на всемъ фронтѣ и своевременно присылать въ штабъ донесенія.

Днемъ у насъ тихо. Противникъ въ самомъ началѣ стоянки на этой позиціи попытался атаковать нѣсколькими батальонами участокъ нашего полка, но дошелъ лишь до проволочныхъ загражденій и здѣсь положилъ почти половину своихъ людей. Пулеметный и ружейный огонь легко отбилъ атаку и съ той поры нѣмцы не рѣшались ее повторять ни днемъ ни ночью.

Время отъ времени противники подвергаютъ насъ методическому сосредоточенному обстрѣлу тяжелыхъ батарей. Въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ земля дрожитъ отъ громовыхъ ударовъ. Стекла въ блиндажахъ приходится вынимать вмѣстѣ съ рамами, чтобы не разбить ихъ напрасно. Кое-гдѣ обрушивается окопъ или ходъ сообщенія, заваливаются бойницы, рвутся проволоки,—но скоро все само собой приводится въ порядокъ. Несмотря на огонь, телефонисты связываютъ провода, санитары выносятъ раненыхъ, взводные провѣряютъ людей по боевому расчету и чинятъ осыпавшіяся мѣста. Великолѣпная военная школа для молодыхъ солдатъ, дающая имъ надежный боевой закалъ,—школа терпѣнія и спокойствія.

Примѣръ подаетъ ротный командиръ, по большей части самъ еще юноша съ едва пробивающимися усиками, прапорщикъ или подпоручикъ. Въ нужную минуту онъ именно тамъ, гдѣ надо,—ободряетъ стрѣлковъ, напутствуетъ добрымъ словомъ раненыхъ, поцѣлуемъ провожаетъ на тотъ свѣтъ умирающаго. Даже во время самаго жестокаго

обстрѣла тѣ, кому полагается быть на мѣстахъ— часовые съ подчасками, наблюдатели, дежурные— не укрываются въ блиндажахъ, а продолжаютъ зорко смотрѣть за противникомъ. Никто не имѣетъ права безъ разрѣшенія командира уйти изъ окопа. Раненые въ сопровожденіи санитаровъ являются къ ротному—легкіе идутъ сами, опираясь на винтовку, а тяжелыхъ несутъ на носилкахъ. Порою происходятъ глубоко трогательныя сцены прощанія съ любимыми офицерами.

— Не забывайте Петренку, ваше высокоблагородіе! Вернусь въ роту, какъ только смогу, ей Богу!

А у Петренки осколкомъ снаряда разворочено на правой ногѣ все мясо до самой кости, и надо быть русскимъ выносливымъ чудо-богатыремъ, чтобы не потерять сознанія отъ жгучей боли...

Только стоитъ прекратиться одуряющему сплошному грохоту разрывовъ, какъ снова по окопу несутся звуки гармоній и бубновъ, а въ офицерскомъ блиндажѣ рычитъ граммофонный Шаляпинъ. Смерть пронеслась мимо, только слегка задѣвъ крыломъ,—и жизнь вступаетъ въ свои права. По телефону послано донесеніе о результатахъ «гвоздиловки», окопъ осмотрѣнъ и всѣ распоряженія отданы. Можно и подкрѣпить свои силы. На спиртовкѣ разогрѣвается застывшій супъ изъ ротнаго котла, поджаривается языкъ тонкими ломтиками. Стрѣлки поочередно посылаются подъ горку за кипяткомъ съ чайниками на цѣлое отдѣленіе, а въ сумеркахъ подъѣзжаетъ къ оврагу, что въ четверти версты позади, ротная кухня.

Въ промежутки между «гвоздиловками» нѣмцы занимаются охотой на людей. Лучшіе ихъ стрѣлки, снабженные винтовками съ панорамическимъ прицѣломъ, непрерывно ловятъ на мушку все живое, что мелькнетъ въ ихъ полѣ зрѣнія. Стоитъ неосторожно выглянуть поверхъ бруствера, чтобы немедленно получить «право на свиданіе съ семьей» или «паспортъ на небо». Поэтому всѣ часовые наблюдаютъ черезъ перископы—нехитрый пятирублевый приборъ, оберегающій немало человѣческихъ жизней.

Но пріятно и намъ въ отмеску подбить нѣмца. Въ бойницу вставляется стальной щитъ съ узкой прорѣзью и лучшіе призовики-стрѣлки ждутъ живой цѣли. Часто, разсчитывая на безнаказанность, Михель въ каскѣ высовываетъ свою жирную физіономію изъ-за окопа и такъ и остается лежать, получивъ мѣткую пулю прямо въ каску, подъ прусскимъ орломъ.

По ночамъ высылается впередъ сторожевое охраненіе,—дозоры, бродящіе передъ фронтомъ, и секреты, залегающіе скрытно впереди и вооруженные ручными гранатами и ракетами. Подъ ихъ охраной въ окопахъ ведутся работы, производятся занятія съ молодыми солдатами. Никто не спитъ ночью. Для отдыха дается день—пополамъ на двѣ смѣны. И утомленные люди прекрасно спятъ днемъ, несмотря на всѣ ухищренія нѣмцевъ нарушить ихъ безмятежный сонъ. Ни оглушительныя хлопушки, по существу безвредныхъ минъ, ни бросаемый изъ бомбометовъ пироксилиновыя шашки въ холщевыхъ мѣшкахъ, прозванныя «сапогами»,

не вызываютъ особой тревоги. Проснувшіеся облегчаютъ свое сердце хорошимъ словцомъ по адресу противника, и вновь засыпаютъ.

И такъ окопы живутъ своей жизнью, полной своихъ собственныхъ интересовъ и развлеченій. Рѣдкія и запоздалыя письма, да случайно залетѣвшая газета—единственная связь съ далекой родиной. Никто не падаетъ духомъ; наоборотъ—всѣ «подтруниваютъ надъ «тыловыми самотеками» съ ихъ пошлымъ комфортомъ. Здѣсь отсутствіе удобствъ щедро возмѣщается полною риска и приключеній нервною жизнью аванпостовъ, прекраснымъ воздухомъ, дивными звѣздными ночами—и гордымъ сознаніемъ свято выполняемаго долга...

Взрывъ „Чортова холма“.

Наша саперная рота была перевезена подъ Двинскъ въ составѣ прибывшаго на подкрѣпленіе корпуса и съ перваго же дня послѣ выгрузки приняла самое дѣятельное участіе въ оборонѣ этого важнаго стратегическаго центра.

Бои подъ Двинскомъ ведутся съ еще небывалымъ упорствомъ обѣихъ сторонъ. Штыковыя схватки стали обычнымъ элементомъ боевыхъ дѣйствій, въ ожесточеніи противники дерутся прикладами, штыками, лопатами, топорами и даже кулаками. На проволочныхъ загражденіяхъ выросли горы труповъ. Германцы, ослѣпленные недавними успѣхами, все еще не вѣрятъ, что мы можемъ ихъ остановить тамъ, гдѣ этого твердо захотимъ, и продолжаютъ долбить головою несокрушимую стѣну нашей обороны.

Въ одну изъ такихъ отчаянныхъ попытокъ имъ удалось захватить высоту N. въ районѣ нашихъ позицій; буквально засыпавъ снарядами всѣ къ ней подступы, они въ теченіе сутокъ не позволяли намъ подвести резервы, а сами поспѣшно укрѣпляли захваченный участокъ. Когда доблестные полки ...ой дивизіи бросились въ атаку, имъ пришлось удовольствоваться возвращеніемъ части окоповъ и захватомъ сотни плѣнныхъ и двухъ пулеметовъ. Самая же высота, прозванная «Чертовымъ

холмомъ», осталась въ рукахъ нѣмцевъ, построившихъ на ней фортъ изъ броневыхъ плитъ, вооруженный десяткомъ пулеметовъ.

Съ того дня на протяженіи трехъ верстъ отъ «Чортова холма» никому житья не стало. Онъ командовалъ надъ всѣми нашими позиціями, и непрерывно слѣдящій наблюдатель немедленно обстрѣливалъ изъ пулемета даже одиночныхъ солдатъ, пробирающихся по ходу сообщенія за водою или порціями. Каждая раздача пищи, въ верстѣ отъ передовой линіи, вызывала бѣшеный огонь съ холма.

Тогда рѣшено было подвести подъ «Чортовъ холмъ» минную галлерею и подорвать его на воздухъ вмѣстѣ со всѣми обитателями.

Эту операцію поручили моей ротѣ и предложили закончить въ четверо сутокъ, ведя работу съ наибольшимъ напряженіемъ.

Прорыть надо было всего пятьдесятъ шаговъ отъ ближайшаго нашего окопа, въ мягкомъ грунтѣ.

Начали мы работу и повели ее дальше такъ осторожно, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было слышно. Грунтъ поддавался легко, но трудно было ставить подпорки и выносить землю. Ее носили въ мѣшкахъ по ходамъ сообщенія далеко отъ линіи окоповъ, чтобы не привлечь вниманія наблюдателей съ холма.

На третій день работы, къ вечеру подобрались мы, безпрерывно ведя галлерею тремя смѣнами, очень близко къ окопу на холмѣ. Тутъ почему-то начальнику участка показалось, что противникъ замѣтилъ подкопъ. Правда, было очень похоже:—

съ холма прекратилась постоянная стрѣльба и настала тишина, удобная для подслушиванія подземной работы. Тогда наши открыли сами огонь и начали бросать мины изъ миномета. Завязалась перестрѣлка, и мы могли дальше свободно работать.

Утромъ на четвертыя сутки головной саперъ ткнулъ ломомъ въ земляную стѣнку—вдругъ она обвалилась и посыпался въ галлерею картофель цѣлымъ потокомъ. Попали въ скрытый жителями картофельный складъ. На счастье наше, онъ сверху былъ маскированъ хворостомъ и землей, и никто не замѣтилъ этого случая. Картофель живо разоразобрали и саперы, и стрѣлки, а работа пошла еще живѣе.

Мнѣ хотѣлось подвести минную галлерею подъ середину редута, но я боялся, что будетъ слишкомъ долго, да и толщина земли велика посрединѣ холма. Рѣшили остановиться подъ переднимъ фасомъ.

Прекратили работу—слушаемъ. Сперва все тихо, потомъ ухо привыкаетъ—вслушиваемся—на мандолинѣ кто-то бренчитъ романсъ въ своемъ блиндажѣ. Потомъ кричитъ по-нѣмецки офицеръ, посылаетъ денщика за обѣдомъ.

— Прекрасно! Подошли, значитъ, мы подъ самую населенную часть редута. Приступили къ забивкѣ. Сто пудовъ почти поглотилъ заложенный въ камеру зарядъ. До вечера и саперы и стрѣлки непрерывно таскали земляные мѣшки, забивая галлерею; полночь наступила, и все было готово, проводы проведены. А наверху все по-старому—пере-

стрѣлка обычная, какъ всегда, съ обѣихъ сторонъ, ручныя гранаты изрѣдка, а у нихъ ракеты...

Къ часу ночи скрытно подошелъ свѣжій батальонъ изъ резерва. Въ два приказано было взорвать мину и немедленно атаковать разрушенный редутъ.

Наступаетъ уже время взрыва, а все еще кажется, что долго ждать. Медленно ползутъ часовыя стрѣлки.

Наконецъ передано командиру батальона, чтобы приготовились, и соединяю провода.

Вся земля задрожала; насъ воздушнымъ толчкомъ побросало на землю и засыпало комьями глины, пескомъ и пылью; огненный столбъ вырвался наверхъ саженъ на сто; весь холмъ, со всѣмъ, что на немъ было, разнесло на сотни шаговъ. Потомъ находили каски, ружья, ноги, руки въ полуверстѣ отъ мѣста взрыва...

Наши выскочили изъ окоповъ, какъ только перестали падать обломки, пробѣжали проволочныя загражденія, обогнули холмъ, весь разрушенный, прошли дальше и, пользуясь объявшей нѣмцевъ паникой, захватили порядочный участокъ ихъ позицій безъ всякихъ потерь.

Съ той поры нѣмцы стали осторожнѣе и вблизи нашихъ окоповъ не смѣютъ возводить своихъ укрѣпленій. Боятся, чтобы ихъ не подорвали на воздухъ, какъ намозолившій намъ глаза «Чортовъ холмъ».

Военная хитрость.

Полкамъ . . .-ой дивизіи было приказано атаковать сильно укрѣпленную деревушку Н. . . . ., скруженную со всѣхъ сторонъ болотистыми притоками рѣки Шары. Противникъ, видимо, придавалъ серьезное значеніе этой позиціи, потому что на небольшомъ сравнительно протяженіи имъ было сосредоточено свыше двадцати пулеметовъ и нѣсколько горныхъ орудій. На высотахъ къ западу отъ рѣки, укрыто отъ нашего огня, расположились двѣ тяжелыя батареи, съ разстоянія не менѣе шести верстъ изумительно мѣтко обстрѣливавшія наши передовые окопы и ведшіе къ нимъ ходы сообщенія.

Доблестнымъ частямъ дивизіи приходилось нелегко въ болотистой долинѣ, гдѣ окопы то и дѣло наполнялись водой, несмотря на перекрытія рвовъ мостками и на водоотводныя канавки. По колѣно въ водѣ батальоны выстаивали въ первой линіи двое—трое сутокъ, уходя затѣмъ въ полковой резервъ. Надо было, возможно скорѣе, овладѣть деревушкой. представлявшей собою подобіе островка, и укрѣпиться на прибрежной высотѣ, командующей всей долиной.

Но какъ это выполнить безъ большихъ потерь? Посланные на развѣдку офицеры выяснили, что подступы къ деревнѣ преграждены колючей проволокой и рогатками; сторожевое охраненіе противника крайне бдительно и отлично примѣнено къ мѣстности, пробраться незамѣченнымъ черезъ

ручей невозможно, потому что находящіеся на другомъ берегу секреты германцевъ немедленно освѣщаютъ мѣстность ракетами и открываютъ бѣшеный огонь.

Положеніе представлялось довольно затруднительнымъ. Много говорили, долго спорили, предлагали и критиковали всѣ планы атаки, пока не восторжествовало мнѣніе совсѣмъ еще юнаго поручика, не такъ давно увлекавшагося героями Майнъ-Рида и Жюля-Верна.

Въ воскресенье вечеромъ въ окопы первой линіи, находящейся всего шагахъ въ трехъ—четырехъстахъ отъ позиціи непріятеля, былъ скрытно подведенъ полковой оркестръ. Когда совершенно стемнѣло, взлетѣла сигнальная красная ракета и грянулъ бравурный маршъ.

Нѣмцы, словно въ оцѣпѣненіи, минуту молчали, а затѣмъ открыли частый огонь изъ ружей и пулеметовъ по всему фронту. Огонь ихъ носилъ чисто паническій характеръ и пули летѣли поверхъ брустверовъ, никому не причиняя вреда. Маршъ оборвался—и сразу настала тишина. Нѣмцы прислушивались, не идемъ ли мы въ атаку, и освѣщали болото свѣтящимися ракетами и бенгальскими огнями.

Оркестръ заигралъ меланхолическій вальсъ. Удивленные такимъ неожиданнымъ концертомъ, противники прекратили даже одиночную стрѣльбу, а когда вальсъ смѣнился всѣмъ знакомымъ мотивомъ «Пупсика», раздались крики: «браво, браво», и за брустверами германскихъ окоповъ показались каски вылѣзшихъ наверхъ любителей музыки.

Развлеченія эти продолжались два дня по часу времени, и послѣ нихъ обѣ стороны долго еще выражали свой восторгъ бурными криками, сливавшимися въ общій гулъ.

На третій день никакого концерта не было, и защитники окоповъ, разочарованные напраснымъ ожиданіемъ, открыли другъ по другу частый огонь.

На четвертый день, въ обычное время, оркестръ . . . пѣхотнаго полка снова появился въ передовыхъ окопахъ. Но одновременно къ намѣченному пункту—далеко выдвинутому впередъ укрѣпленію 6 роты—были незамѣтно стянуты три батальона резерва.

Впереди этого окопа лежала плоская, но довольно сухая коса твердой земли, близко подходившая къ самой деревнѣ.

«Пупсикъ дѣлалъ свое дѣло. Стрѣльба прекратилась, и все вниманіе нѣмцевъ было приковано къ центральному участку, откуда неслись задорные звуки. Подъ шумъ аплодисментовъ и криковъ «ура» и «браво», никѣмъ не обнаруженные батальоны резерва перебрались за проволочныя загражденія и подошли почти вплотную къ отдѣлявшему ихъ отъ самаго слабаго фланга германской позиціи неглубокому протоку. Оркестръ продолжалъ играть одну пьесу за другой.

Около десяти часовъ вечера на противоположномъ концѣ нашей линіи высоко въ воздухѣ поднялись три красныхъ ракеты. По этому сигналу развернутыя въ темнотѣ роты одновременно бросились безъ криковъ «ура» въ протокъ, перешли

«черезъ него и почти безъ сопротивленія овладѣли важнымъ участкомъ непріятельскихъ окоповъ. Поднявшіеся крики и суматоха были заглушены музыкой, продолжавшей свое дѣло.

Только тогда, когда влившіеся въ прорывъ наши батальоны бѣглымъ шагомъ поспѣшили въ тылъ и во флангъ скопившейся у центральныхъ окоповъ массѣ германцевъ и выросли передъ ними совершенно внезапно изъ темноты,—только тогда обманутый противникъ понялъ, что попался въ ловушку и бросился къ оружію, но было уже поздно. Нашъ лихой штыковой ударъ опрокинулъ горсть нерастерявшихся егерей и вынудилъ всѣхъ остальныхъ положить оружіе. Въ плѣнъ попалось около двухъ тысячъ человѣкъ съ офицерами, плакавшими отъ стыда быть захваченными врасплохъ, 4 горныя орудія и двадцать съ лишнимъ пулеметовъ, такъ и не успѣвшихъ нанести намъ мало-мальски существенныхъ потерь...

Деревня была немедленно приведена въ оборонительное состояніе; часть пулеметовъ повернули противъ немногихъ бѣжавшихъ на западъ нѣмцевъ и долго провожали ихъ губительнымъ огнемъ.

А когда къ штабу полка повели взятую въ плѣнъ массу людей съ офицерами впереди, торжеству нашихъ молодцовъ не было предѣла: «Хитеръ нѣмецъ, а мы его все же перехитрили». Музыканты чувствовали себя героями дня, и глубоко были убѣждены, что безъ ихъ участія Н . . . никакъ не взяли бы или заплатили бы за его взятіе слишкомъ дорогою цѣною...

———

Казачья работа.

На фронтѣ . . . . . армейскаго корпуса наступило сравнительное затишье. Понеся большія потери, германцы отошли верстъ на десять назадъ и укрылись за проволочныя загражденія. Между нами и противникомъ образовалась своего рода нейтральная полоса, въ которой стали блуждать и сталкиваться между собою развѣдывательныя партіи обѣихъ сторонъ. Надежное сторожевое охраненіе прикрыло нашу пѣхоту, пополнившую убыль въ рядахъ въ ожиданіи приказа о переходѣ въ общее наступленіе.

Казачій полкъ, шефомъ котораго числится славный въ исторіи Дона атаманъ-завоеватель Сибири, несъ сторожевую и развѣдывательную службу передъ фронтомъ . . . . . ой пѣхотной дивизіи, поочередно высылая сотни на развѣдку. Онѣ доходили до разрушенной деревни, лежавшей верстахъ въ пяти отъ старой позиціи, укрывали въ развалинахъ лошадей и коноводовъ и выдвигали впередъ разъѣзды и конные наблюдательные посты.

День за днемъ проходили безъ особаго разнообразія и лихимъ донцамъ захотѣлось «придумать что нибудь новенькое». Молодой подъесаулъ, легко раненый пулею въ руку въ этомъ заслуживающемъ вниманія удачномъ набѣгѣ, такъ разсказывалъ на

перевязочномъ пунктѣ о внезапномъ налетѣ станичниковъ:

— Дѣло было задумано просто. Командиры смѣняемой и смѣняющей сотенъ сговорились «безъ расходовъ отъ казны», то есть, не требуя отъ штабовъ никакой поддержки, соединиться и «пощупать нѣмцевъ». Вмѣсто обычной смѣны, съ наступленіемъ темноты вторая сотня примкнула къ своимъ коноводамъ, а третья прошла впередъ въ пѣшемъ строю и начала тихо и безшумно наступать на занятую германскими заставами линію.

Тѣ, видимо, не ожидали нашего наступленія. Я шелъ съ третьимъ взводомъ прямо на деревушку передъ густымъ лѣсомъ. Никого мы не встрѣтили на всемъ пути и подобрались почти къ самой позиціи противника. Уже стали слышны голоса, видны были огоньки папиросъ.

Опасаясь нарваться на большую силу безъ поддержки сосѣднихъ взводовъ, я послалъ сказать командиру сотни, что лежу передъ нѣмецкими окопами и ожидаю его распоряженій. Прошло съ полчаса, вся сотня собралась ко мнѣ. Сзади, въ полуверстѣ, стала вторая сотня въ конномъ строю.

— Ну, теперь пойдемъ выбивать нѣмчуру изъ деревни.

Поползли мы впередъ, по-пластунски, и только въ ста шагахъ отъ окопа нарвались на непріятельскій секретъ.

— Wer da?—окликаютъ.

Отвѣчать не стали, а прикончили часовыхъ и подчасковъ на мѣстѣ, безъ выстрѣла. Дальше пошли въ ростъ, бѣгомъ. Черезъ минуту—уже на

брустверѣ окопа; навалились мы съ крикомъ «ура» на совершенно растерявшихся пруссаковъ, а они стрѣляютъ во всѣ стороны, съ перепугу винтовками машутъ, колютъ въ темнотѣ другъ друга, бѣгутъ, кто куда, въ безпорядкѣ... Только десятокъ нѣмцевъ съ пулеметомъ еще продолжали оказывать намъ сопротивленіе, пока не подоспѣлъ взводъ изъ резерва и не обошелъ ихъ съ тылу. Какъ заняли мы первую линію окоповъ, сейчасъ пустили сигнальную ракету. По этому знаку наша вторая сотня въ конномъ строю бросилась преслѣдовать отступающихъ нѣмцевъ. Въ темнотѣ показалось, что нашихъ чуть ли не полкъ. Всѣхъ порубивъ, что не успѣли забраться въ халупы, сотня пронеслась куда-то вдаль и исчезла.

А мы—на деревню. Подъ рѣдкимъ и безприцѣльнымъ ружейнымъ огнемъ добѣжали мы почти безо всякихъ потерь до крайнихъ домовъ, но тутъ они вдругъ запылали, словно костеръ, и стало свѣтло, какъ днемъ, а мы на виду. Начали по насъ жарить изъ пулемета откуда-то справа. Развернулись и пошли по деревнѣ, забирая по отдѣльнымъ халупамъ плѣнныхъ. Поймали офицера. Тотъ съ перепугу, чтобы его не убили, и говоритъ:

— Я батальонный адъютантъ. Не трогайте, покажу вамъ нашу канцелярію, только не прикалывайте.—Очень чисто по-русски говорилъ. Я съ нимъ послалъ троихъ, —дѣйствительно, приволокли цѣлый узелъ бумагъ разныхъ и портфель. А самъ командиръ батальона, видно, успѣлъ удрать.

Отправили мы захваченный пулеметъ и плѣнныхъ въ штабъ полка, осмотрѣли деревню—дальше

идти не рѣшаемся, да и довольно съ насъ: пошарили—и будетъ. Пора по домамъ. Но пока не вернулась наша вторая сотня—и намъ уходить не слѣдъ. Залегли—ждемъ.

Съ часъ прошло—слышимъ по шороху, что движется на насъ какая-то пѣшая часть. Надо выяснить, кто идетъ, и сколько ихъ. Мнѣ есаулъ и говоритъ:

— Возьми пятерыхъ, смотайся полегче впередъ, разузнай-ка. А то наврутъ еще что-нибудь, въ плѣнъ попадутся.

Только что сталъ я подбираться по овражку навстрѣчу нѣмцамъ,—не вижу, а чувствую, что столкнулся съ ихнимъ дозоромъ. Хрустятъ вѣтки, а людей не видно. Залегли, вѣроятно.

Пригнулся я на колѣно,—вдругъ шагахъ въ десяти залпъ. Меня какъ обожгло по лѣвой рукѣ. Одного еще ранило въ голову, да тоже удачно, легко. Мы на утекъ, къ своимъ. Доложилъ я есаулу, а тотъ и бровью не моргнулъ:

— Разсыпаться по деревнѣ и отъ дома къ дому, по охотничьему—бей пулей, руби шашкой...

Началась перестрѣлка. Пули такъ и свистятъ, по халупамъ и заборамъ щелкаютъ, потомъ ракеты у нѣмцевъ полетѣли, сперва красныя, за ними бѣлыя—ну, сейчасъ атакуютъ насъ...

И вдругъ слышимъ мы—гикаютъ наши, съ присвистомъ, топотъ коней,—это вторая сотня на обратномъ пути набросилась на нѣмцевъ. Тѣ побѣжали, подъ нашимъ огнемъ падаютъ. А деревня горитъ и все отчетливо видно, на лужку-то. Еще разъ здорово тутъ досталось германцамъ, въ плѣнъ

захватили двухъ офицеровъ и съ полроты ландштурма...

Вернулись съ добычей домой — вторую сотню оставили въ сторожевкѣ (она и всего-то десятокъ ранеными потеряла, вывезли всѣхъ товарищей), а въ штабѣ полка намъ вмѣсто благодарности здоровенный разносъ.

Однако, разобрали въ чемъ дѣло, плѣнныхъ пересчитали—больше ста оказалось и четыре офицера да пулеметъ исправный. Смилостивилось начальство. Дали сотнѣ два дня отдыха, а офицеровъ представили къ наградѣ. Я пробылъ въ строю три дня, да вотъ стала рука побаливать—пришелъ доктору показаться»...

Удачный казачій набѣгъ поселилъ въ противникѣ такое уваженіе къ нашей конницѣ, что съ той поры нѣмцы совершенно перестали вылѣзать изъ-за своихъ проволочныхъ загражденій и на нашемъ участкѣ воцарилась полная тишина.

За тѣломъ товарища.

Уже давно, мѣсяца полтора, мы стояли неподвижно другъ противъ друга на этомъ пассивномъ участкѣ. Одно проволочное загражденіе, общее и для насъ и для противника, взаимно усиливаемое каждую туманную ночь, раздѣляло наши окопы. Его построили германцы, убѣдившись въ невозможности прорвать нашу линію безъ огромныхъ и напрасныхъ потерь, а воспользовались имъ наши, выставляя подъ его охраной часовыхъ. Со временемъ, заваленное вѣтками деревьевъ, взлохмаченное перевернутыми кольями и изрытое фугасными воронками, оно стало абсолютно непроходимымъ.

Безцѣльная стрѣльба другъ по другу въ узкія щели бойницъ скоро надоѣла. Нельзя было носу высунуть, чтобы не влѣпили пулю. Приходилось сидѣть.

Но всегда все само-собой «образуется». Въ одно прекрасное солнечное утро мы были пріятно удивлены тѣмъ, что у противника поднятъ большой бѣлый флагъ, сдѣланный изъ простыни, а рядомъ, на другомъ кускѣ холста, огромными буквами выведена слѣдующая надпись:

«Просимъ не стрѣлять напрасно. Можете гулять по окопу и за водой свободно. Мы тоже».

Сперва командиръ роты совмѣстно съ батальоннымъ рѣшили, что это—военная хитрость и не

что иное, какъ ловушка. Но для провѣрки послали двоихъ за водой не по скрытому ходу сообщенія, какъ обыкновенно, а по тропинкѣ, прямикомъ до опушки лѣса, гдѣ находился колодецъ.

Ни одного выстрѣла. Наоборотъ, германскій часовой поднялся надъ брустверомъ и одобрительно помахалъ каской.

Такъ, просто и естественно, установились своеобразныя добрососѣдскія отношенія. Но стоило только противнику чрезмѣрно расширить рамки условнаго перемирія, т. е. начать производить какія-нибудь работы по укрѣпленію позиціи или подвозить новые резервы къ линіи окоповъ, какъ немедленно вновь открывался пулеметный и частый ружейный огонь.

Такой порядокъ былъ очень для насъ выгоденъ. Часовые зорко охраняли подступы къ позиціи, по ночамъ закапываясь въ ямки у самой проволоки, а въ окопахъ можно было жить по-человѣчески, не платя каждый день за чайникъ воды или за право поужинать однимъ-двумя выбывшими изъ строя. Сберегались драгоцѣнныя жизни и не менѣе цѣнные патроны.

Однажды часовые, выставляемые на ночь у проволочной сѣти, заслушались граммофона, игравшаго въ нѣмецкомъ окопѣ, и рѣшили подползти поближе. На бѣду, ночь была лунная, ихъ замѣтили и открыли огонь. Старшій изъ пары, ефрейторъ, былъ убитъ на проволокѣ, въ то время, когда перелѣзалъ обратно, а младшій, недавно прибывшій въ полкъ, благополучно доползъ обратно до

своего окопа и доложилъ командиру роты о причинѣ суматохи.

— Надо принести обратно убитаго товарища,— сказалъ поручикъ.—Нѣмцы не бросаютъ своихъ въ полѣ.

Тотчасъ двое развѣдчиковъ вмѣстѣ съ уцѣлѣвшимъ часовымъ отправились за трупомъ. Пятьдесятъ шаговъ проползли благополучно. Дальше пошло хуже. Первая же проволока, увѣшанная жестянками, звонками, погремушками сразу ихъ выдала. Взлетѣла ракета, градомъ посыпались пули.

Одинъ изъ развѣдчиковъ былъ смертельно раненъ въ грудь навылетъ. Его понесли на рукахъ до вырытой у проволоки ямы для часовыхъ. По пути онъ умеръ. Огонь не прекращался до разсвѣта, и при каждой попыткѣ часовыхъ отойти къ окопу становился все сильнѣе и сильнѣе. Только въ началѣ седьмого часа утра, воспользовавшись туманомъ, развѣдчики могли вынести тѣло второй жертвы.

Солнце высоко поднялось, и ясно былъ виденъ трупъ. Щемящее душу чувство вызвало безумный по храбрости подвигъ молодого вольноопредѣляющагося.

— Разрѣшите мнѣ пойти вынести тѣло,—подошелъ онъ къ ротному командиру.

«Перемиріе» было нарушено. Раздосадованные ночною тревогой, нѣмцы стрѣляли изъ ружей и пулеметовъ во всѣ стороны. Небезопасно было даже высунуться изъ-за бруствера.

— Идите, если хотите, — сказалъ командиръ

роты, предполагая, что юноша самъ откажется отъ своего намѣренія.

Волноопредѣляющійся спокойно перелѣзъ черезъ брустверъ и, не обращая никакого вниманія на пули, пошелъ впередъ. Заинтересованные нѣмцы бросили стрѣлять. Онъ шелъ безъ оружія, медленно, какъ на прогулкѣ.

Дойдя до загражденій, онъ показалъ жестомъ на тѣло, выждалъ минуту и сталъ перелѣзать за первый рядъ проволоки.

Нѣмцы поняли, что онъ хочетъ только вынести трупъ, и влѣзли на брустверъ. Двое изъ нихъ отдѣлились отъ окопа и пошли къ вольноопредѣляющемуся навстрѣчу. Съ нашей стороны было видно, какъ они съ трудомъ пробирались черезъ загражденія и подошли къ тѣлу одновременно съ добровольцемъ.

Далѣе всѣ трое подняли трупъ и начали осторожно переносить его черезъ проволоку. Вынесли на ровное мѣсто и, отдавъ честь, стали пробираться обратно.

Волноопредѣляющійся помахалъ папахой.

— Тяжело ему несть-то. Пособите,—и взводный назначилъ двоихъ рослыхъ солдатъ.

Противникъ уже не стрѣлялъ. Тѣло принесли въ окопъ и обоихъ павшихъ въ эту ночь похоронили въ одной могилѣ на опушкѣ лѣса.

Месть.

— Ваше высокоблагородіе, разрѣшите войти,— раздается за дверью блиндажа вопросъ дежурнаго по ротѣ.

— Входи. Что скажешь?

— Такъ что, ваше выс-діе, плѣнныхъ привели. Пять человѣкъ. Четверо къ намъ добровольно пришли, а пятаго они сами связали и приволокли.

— Кто связалъ?

— Такъ что другіе плѣнные...

Ничего не понимаю. Выхожу изъ блиндажа. Въ узкой щели окопа стоятъ справа налѣво: ефрейторъ Савчукъ, старшій въ секретѣ, трое австріяковъ безъ оружія, одинъ связанный австріецъ безъ погонъ, весь избитый, съ ужасными коровоподтеками на суровомъ, жестко-хищномъ лицѣ, и еще одинъ «непріятель», держащій за конецъ веревку, опутывающую руки сосѣда. Далѣе двое нашихъ изъ секрета.

Завидя меня, всѣ становятся смирно. Плѣнные отдаютъ честь. Связанный смотритъ изподлобья.

— Савчукъ, откуда они взялись?

— Сами пришли, а этого приволокли,—указываетъ ефрейторъ на связаннаго.—Всю дорогу били по головѣ, не уймешь никакъ... Сперва отъ нихъ одинъ перебѣжалъ, помахалъ намъ—ждите молъ,

а потомъ этого притащили на веревкѣ, словно борова на убой...

Познанія мои въ нѣмецкомъ языкѣ болѣе, чѣмъ ограничены, благодаря убѣжденной ненависти всѣхъ кадетъ къ языку Шиллера и Гете. Изъ корпуса я вынесъ два стихотворенія, зазубренныхъ на память, да воспоминанія о травлѣ «Лютера Карловича» всѣмъ классомъ, за что мы оставались безъ отпуска.

Однако надо рискнуть допросить ихъ.

Противъ насъ 27-й венгерскій гонведный полкъ. Это извѣстно. Ну, а если онъ смѣнился?

Спрашиваю по-нѣмецки, какого полка?

Отвѣчаетъ только связанный, но понять его невозможно, говоритъ невнятно; губы распухли.

— Мадьяры?

— Итальяни, синьоръ, капитано, тріентини. Мадьяръ,—тыкаютъ они въ связаннаго,—фельдфебель нашей компаніи.

Становится легче объясняться. Не даромъ я, благодаря любезно на меня возложенной «Утромъ Россіи» миссіи, провелъ два мѣсяца въ арміи генерала Канева, въ Триполи, въ періодъ итало-турецкой войны.

— А, бонджорно, синьоры! Ну, разсказывайте, что вамъ сдѣлала эта бестія!

Итальянцы и поражены тѣмъ, что синьоръ руссо такъ прилично владѣетъ «la bella langua italiana», и обрадованы. Затараторили наперебой, руками машутъ.

Фельдфебель, видимо, типичный выученикъ германской школы. Ни глазомъ не моргнетъ, хотя зна-

етъ, что о немъ говорятъ. Прислонился къ окопу, тяжело дышетъ.

Дней пять тому назадъ изъ центральнаго въ Люблянахъ маршевого депо прибыла очередная рота на пополненіе, сплошь составленная изъ итальянцевъ, жителей Тріента и Далмаціи. Режимъ и въ депо былъ хуже каторжной тюрьмы, но въ полку жизнь имъ показалась совсѣмъ невозможной. Фельдфебель Штернъ, получивъ въ свою роту взводъ «молодыхъ» изъ послѣдняго пополненія, поставилъ ихъ отдѣльно отъ венгерцевъ, кормилъ буквально помоями, не давалъ вовсе консервныхъ банокъ, а хлѣба ровно половину противъ венгерцевъ; всѣ утомительныя и грязныя работы, весь сторожевой нарядъ выпали на долю итальянцевъ.

Наконецъ, вчера фельдфебель выставилъ въ наказаніе за какой-то пустякъ одного изъ итальянцевъ на два часа подъ ружье, на самомъ бруствер окопа. Русскіе—благородные люди,—не стали стрѣлять по наказанному и черезъ два часа онъ благополучно сошелъ въ окопъ. Но фельдфебель избилъ его до полусмерти и сказалъ, что все равно не дальше, какъ черезъ недѣлю онъ добьется, что его ухлопаютъ.

Вечеромъ четверыхъ итальянцевъ выслали въ секретъ, за проволочныя загражденія, подрядъ третью ночь. Когда въ половинѣ третьяго часа ночи къ нимъ пришелъ фельдфебель, въ сопровожденіи еще двухъ венгерцевъ, они дремали. Штернъ хлыстомъ сталъ бить ихъ по лицу. Какъ-то вдругъ само собой все вышло. Венгерцевъ закололи, фельдфе-

беля оглушили прикладомъ и потащили къ русскимъ. Чтобы не убѣжалъ, обвязали веревкой отъ палатки.

Наши все равно воевать съ вами не будутъ, перебѣгутъ, какъ только удастся. А къ вамъ большая просьба, синьоръ капитано,—нельзя ли этого негодяя повѣсить такъ, чтобы его изъ нашего окопа видно было? Мы его за этимъ, собственно, и привели. А то убили бы по дорогѣ...

Мнѣ пришлось огорчить бѣдныхъ «непріятелей» отказомъ.

— Видите ли, синьоры,—вѣшать я не имѣю права. Я долженъ васъ всѣхъ послать въ штабъ полка.

— А синьоръ колонелло? Тоже не можетъ повѣсить?

— Тоже. Пошлютъ васъ всѣхъ въ Россію—и баста. Приготовить конвой. Только объясните, подпрапорщикъ, конвойнымъ, чтобы не позволяли итальянцамъ бить этого, ихняго плѣнника. А то убьютъ, въ счетѣ ошибка будетъ.

Плѣнныхъ увели. А къ вечеру мнѣ протелефонировали, что венгерецъ не дожилъ до эвакуаціи въ Россію. При раздачѣ ужина итальянцы такъ его избили, что онъ къ десяти часамъ умеръ.

Затишье.

На нашемъ фронтѣ затишье. Чѣмъ это вызвано— пока невыяснено. Но мы дѣлаемъ со своей стороны все возможное, чтобы не дать отдыха морально ослабѣвшему противнику, и еженощно больно царапаемъ его когтями ловкихъ развѣдывательныхъ партій. Вчера охотники молодецкаго второочередного полка ухитрились забрать въ плѣнъ весь штабъ 82-й пѣхотной германской дивизіи, сегодня перекололи два полевыхъ караула, завтра забросаютъ ручными гранатами сторожевое охраненіе и на плечахъ объятыхъ паникой нѣмцевъ ворвутся въ ихъ окопы и приколютъ сотню—другую «заваевателей» Россіи...

Но на фронтѣ—въ широкомъ смыслѣ—затишье. Прибывающія пополненія вливаются въ ряды порядочно пострадавшихъ въ тяжелые августовско-сентябрьскіе дни славныхъ частей. Повсюду идетъ обученіе «молодыхъ». Стоитъ высунуться изъ халупы, чтобы сразу услышать.

— Что ты ноги-то кривишь? Словно верблюдъ! Роговъ тебѣ не хватаетъ, право слово!

Это обучаетъ взводный своихъ новобранцевъ. Странное понятіе о рогатомъ верблюдѣ,—но пре-

красный способъ нагляднаго обученія. Въ недѣлю молодые совершенно постигаютъ солдатскую науку отъ ружейныхъ пріемовъ до постройки тяжелыхъ блиндажей—такихъ, что и «тетенька» (шестидюймовка) не прошибетъ. А про воинскій видъ и говорить не приходится. Картинкой изъ приложенія къ уставу строевой службы становятся всѣ, кто дней пять назадъ по праву именовался верблюдомъ безъ роговъ.

Но мнѣ скучно. Хочется освѣжиться. Другіе и въ другой обстановкѣ могутъ развлечь себя театромъ и въ крайнемъ случаѣ вездѣсущимъ кинемо. Но мнѣ доступенъ одинъ только кинематографъ—наблюденія съ аэроплана, и вмѣсто театра я «ловчусь» наблюдателемъ въ нашъ корпусный аэродромъ.

На аэродромѣ, какъ всегда, любезный пріемъ и стаканъ чаю съ коньякомъ. Пока сильный «Вуазенъ» готовится къ полету, оживленно бесѣдуемъ съ молодежью, храбрыми летчиками, ежедневно глядящими въ глаза опасности. Вспомнили бѣднаго А. И. Звегинцева и прочихъ, имя же имъ легіонъ, павшихъ на воздушномъ полѣ чести.

А во дворѣ шумитъ моторъ съ выключеннымъ пропеллеромъ. Черезъ десять минутъ подъемъ. Другой быстроходный аппаратъ уже провѣренъ и готовъ къ полету. На немъ штабъ-ротмистръ И—ій, наблюдателемъ подполковникъ генеральнаго штаба Z. . . . . : : :

Задача на сегодня—провѣрка полученныхъ отъ тайныхъ агентовъ свѣдѣній о томъ, что противникъ, за непроницаемой завѣсой передовой линіи

позицій, интенсивно производитъ такія-то крупныя перегруппировки, стягивая войска . . . . .

Едва замѣтный толчекъ, и мы поднимаемся надъ небольшимъ аэродромомъ, дѣлаемъ полукругъ, пролетаемъ надъ ангарами и группой привѣтствующихъ насъ шапками офицеровъ, еще разъ поворачиваемъ на западъ и беремъ направленіе прямо на озеро Н. Земля развертывается внизу гигантской панорамой. Увы, въ ней нѣтъ яркихъ красокъ, прельщавшихъ меня лѣтомъ,—теперь все однообразно, сѣро-бѣло, даже лѣса, опушенные снѣгомъ, едва выдѣляются на общемъ холодномъ фонѣ.

Но деревни отчетливо видны. Надъ ними высокими столбами поднимается дымъ безчисленныхъ трубъ. Вездѣ стоятъ войска, обозы, хлѣбопекарни, двигаются повозки. Полное оживленіе. Ближе къ позиціямъ—гуще скопленіе резервныхъ частей. Не хватало деревень, выстроили свои подземные городки и отлично себя чувствуютъ.

Но вотъ и германская линія. Тонкія нити окоповъ, прихотливо извивавшихся по складкамъ холмистой мѣстности. Батарея насъ привѣтствуетъ четырьмя хлопушками, жалко разрывающимися внизу и позади аппарата. Бережливость въ снарядахъ—новое качество германской артиллеріи, раньше расходовавшей ихъ самымъ расточительнымъ образомъ. Видно—маловато...

Въ снѣгу стоитъ какой-то обозъ, тяжело груженый. Нарочно спускаемся ниже и описываемъ вокругъ него два круга, чтобы лучше разсмотрѣть. Это завязла на проселкѣ автомобильная колонна. Жаль, что не захватили съ собою десятокъ бомбъ.

Пригодились бы... Да, по нашимъ дорогамъ нѣмецкому автомобилю туговато приходится. Этимъ и объясняется недоѣданіе у германцевъ—припасы не на чемъ подвезти, армейскаго коннаго обоза недостаточно, а у крестьянъ все угнано вглубь Россіи.

На высотѣ двухъ тысячъ метровъ пересѣкаемъ желѣзнодорожную линію; двѣ колеи. По обѣимъ движутся поѣзда—и по обѣимъ въ одну сторону,—на юго-западъ. Вотъ такъ штука! . . . . . Слѣдуемъ вдоль линіи. Большая станція, много путей. Три состава подъ парами, изъ нихъ два паровозами тоже на юго-западъ.

Провѣряя это важное свѣдѣніе, летимъ въ обратную сторону, и по пути обгоняемъ нѣсколько поѣздовъ. Да, именно такъ.

Возвращаемся къ нашей базѣ. Какъ холодно на встрѣчномъ вѣтру! У пилота руки, какъ ледъ. Пріятно обогрѣться въ собраніи авіаціоннаго отряда.

Пока пишутъ донесеніе въ штабъ корпуса, съ грустью прощаюсь съ дѣятелями воздуха.

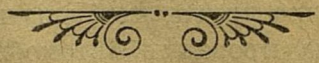
Съ неба—на землю.

Въ нашей деревушкѣ послѣобѣденныя занятія идутъ своимъ чередомъ.

— Для чаво стрѣлку дается ружье?

— Такъ что, господинъ ефлеторъ, поражать нѣмца пулей, коли далеко, а штыкомъ, коли близко.

Правильно. Ничего противъ такого объясненія не имѣю, а потому иду въ свою хату. Все-таки и поразвлекся, побывавъ въ воздушномъ кинематографѣ.



Въ Складѣ Т-ва „В. А. Березовскій“.
Петроградъ, Колокольная, 14.

Поль Ляхуаръ.

Нѣмецкое шпіонство во Франціи.

Цѣна 1 *руб. Переводъ съ французскаго* **Н. М. Лагова.**

Вотъ книга, которую намъ полезно прочитать. Можетъ быть, многихъ она удержитъ отъ этой легкомысленной болтливости, съ которой мы вступаемъ въ разговоры на военныя темы съ людьми, мало намъ знакомыми.

М. *„Голосъ Москвы“ 1910 г. № 6.*

...Мы были поражены развернувшейся передъ нашими глазами картинной системой нѣмецкаго шпіонства по ту сторону Рейна, при чемъ аналогія идетъ гораздо далѣе, и безошибочно можно предположить, что дѣлается на западномъ фронтѣ Германіи, неизбѣжно должно происходить и на восточномъ, по ту сторону Вислы. Вотъ почему для насъ— русскихъ, книга Поля Лянуара не можетъ не пріобрѣсти того-же самаго значенія, какъ и въ самой Франціи. Издана книжка хорошо и цѣна ей не дорогая.

Кн. В. Максутовъ. *„Соб. ст. Рус. Инв.“* 1910 г.

...Чрезвычайно интересны разоблаченія автора о попыткахъ на германскія деньги устроить желѣзнодорожную забастовку тогда, когда это понадобится для видовъ Германіи.

С. М. *„Братская помощь“ 1910 г. № 2.*

Въ ней авторъ раскрываетъ поразительную картину проникновенія нѣмецкихъ шпіоновъ въ самыя сокровенныя нѣдра жизни государства.

Н. М. Португаловъ. *„Живое Слово“* 1914 г. № 12.

Примѣры совращенія офицеровъ (въ шпіоны) попавшихъ въ трудное положенія—полны драматизма и... предостереженій. Прочесть эту книгу каждому военому такъ же необходимо.

А. Шеманскій *„Развѣдчикъ“* 1914 г. № 1008.

Quo vadis (куда идешь), Австрія **РОМАНЪ ОТЧАЯНІЯ.**

Авторъ Австрійскій офицеръ. Переводъ съ нѣмецкаго.

Цѣна 1 р. 50 к. **Книга эта въ Австріи конфис. и сожжена.**

„Должны побѣдить“. „Новое время“ № 1380, 1914 г. Для того, кто хочетъ вникнуть въ психологію разлагающейся дунайской имперіи наканунѣ войны, прочесть названную книгу очень стоитъ. Она свидѣтельство не врага Австріи а пламеннаго ея патріота. И если довѣриться этому свидѣтельству, то въ самомъ дѣлѣ кошмаръ не такъ ужъ страшенъ для славянства. **М. Меньшиковъ.**

21597

Дѣйствія Бельгійской Арміи

съ 18|31 Іюля по 18|31 декабря 1914 г.

Оборона Государства и борьба за нейтралитетъ.

Донесеніе Штаба Главнокомандующаго Съ 11-ю схемами. Перевелъ съ французскаго К. Адаридли 1916 г. Ц. 1 руб. 50 к.

Организованныя преступленія Германской Арміи

Перевелъ съ французскаго Н. М. Лаговъ 1915 г. Ц. 75 к.

Передъ войной

Леонъ Додэ. — Изслѣдованія и документы о нѣмецко-еврейскомъ шпіонствѣ во Франціи со временъ дѣла Дрейфуса. Перев. съ французс. **Н. М. Лагова.**

Отзывы печати: **Цѣна 1 руб.**

Каждое изданіе по этому вопросу должно прочитываться и ко всѣмъ указаніямъ относиться не иначе, какъ съ непремѣннымъ условіемъ использовать ихъ въ интересахъ отечественной обороны. Книга его поучительна, читается легко и съ захватывающимъ интересомъ.

О. Булатовъ. „*Офицерская Жизнь*“ 1913 г. № 40.

Шпіонство при Наполеонѣ I — Карлъ Шульмейстеръ.

(Charles Schulmeister) Перевелъ съ французскаго генер. шт. полк. **В. Клембовскій.** Съ портретомъ и 2 картами 1897 г. **Цѣна 1 руб.**

Цѣна 1 р. 25 к.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ Складъ Т-ва „В. А. БЕРЕЗОВСКІЙ“.

Петроградъ, Колокольная, 14.

pkm
M3